

Г. Навлицкая

ПО ЯПОНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

главная

редакция

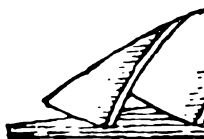
восточной

литературы

МОСКВА

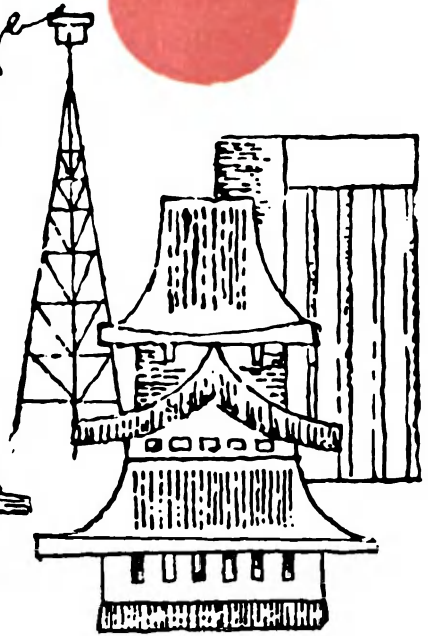
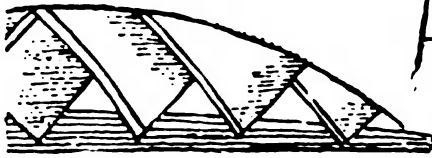
1965

Г. НАВЛИЦКАЯ

贈
呈

С дружескими
приветиями
от Е. Навлицкой
16. II. 57.

ПО ЯПОНИИ

Ответственный редактор

Д. В. ПЕТРОВ

Галина Брониславовна Навлицкая
ПО ЯПОНИИ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *О. С. Ривкина*
Художник *В. И. Левинсон*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Е. Г. Григорьева* и *Е. А. Мамиконян*

Сдано в набор 30 III 1965 г. Подписано к печати 2/VI 1965 г. А10290
Формат 84×108^{3/32}. Печ. л. 6,25+0,75 вкл. Усл.-печ. л. 11,48. Уч.-изд. л. 12,25
Тираж 16 000 экз. Изд. № 1436. Зак. № 682. Темплан 1964 г. № 154. Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

От автора

В Японии я пробыла несколько месяцев. Срок небольшой, но и не малый, если учесть, что каждый день был до краев наполнен впечатлениями, встречами и беседами с представителями самых различных классов и слоев общества, людьми разных, порою противоположных убеждений.

История Японии — моя специальность. Но в этом бесконечном калейдоскопе встреч я, как никогда раньше, остро почувствовала, что для историка важно не только знание фактического материала, зафиксированного в архивах и документах, но и знание людей, возможность самому воочию увидеть человека, творящего историю, делающего сегодняшний день в изучаемой тобой стране. Именно люди Японии — самое ценное и интересное в очень сложной и пестрой картине, которую представляет сегодня эта страна, полная социальных противоречий.

И книга эта — дань любви и огромного уважения к мужественному, неутомимому, миролюбивому и добросердечному народу Японии.

Лица Токио

У каждого города свое лицо. Я думала об этой известной истине, поднимаясь как-то вечером на обзорную площадку Токио-тауэр*. Лифт медленно полз наверх, отсчитывая метры, и внизу все шире разливалось мерцание огней. Вечерний Токио был несказанно хорош. Огромный город, вместилище целого океана человеческих жизней, лежал внизу. Огненными ручьями текли крупные магистрали и улицы, темнели пятна парков, редкими огоньками светились скученные рабочие кварталы и, как бушующий неоновый костер, вдалеке шумела Гиндза — центральная торговая часть города. Сверху хорошо была видна неистовая пляска холодного огня, вспыхивающие и гаснущие яркие буквы и цветные полотнища вывесок; вверх по транспарантам подпрыгивая мчались неоновые иероглифы, в вышине над домами медленно вращался макет земного шара на фоне скрещенных лучей прожекторов — Гиндза встречала свой обычный вечер.

Да, у каждого города свое лицо. Но если говорить о Токио — он многолик, как Будда, и самое главное его лицо увидишь не сразу.

Восток и Запад, роскошь и нищета, сплавленные в калейдоскоп контрастов (непременная терминология каждого иностранного журналиста, попавшего в Японию), формируют эту многоликость. Дни и ночи города напоминают беспокойную жизнь океана — у него свои приливы и отливы. Он медленно и неохотно затихает

---

* Токио-тауэр — телевизионная вышка в одном из районов Токио — Минато-ку.

на ночь, гасит огни и пустеет, как тихоокеанский пляж с кромкой пены, размазанной по коричневому песку. С первыми лучами солнца и даже раньше волны транспорта, людские потоки начинают катиться к каменным утесам зданий, возвышающихся в деловом центре и промышленных районах. Днем они с грохотом бьются и kloкочут в цементно-бетонном лабиринте улиц; ржавое облако дыма, копоти и гари недвижно висит в горячем небе.

Но приходит вечер, и Токио зажигает огни. Это совсем другой город. С бескрайним разливом цветных пунктиров, с мигающей лавиной несущихся машин, с заревом крутящихся реклам, пожирающим целые куски темного неба, — он неправдоподобно красив и фантастичен, словно сверкающая сказка Шахрезады перестала быть тончайшей тканью человеческой фантазии и, обернувшись явью, спустилась на землю. Но, как бы ни менял свой облик этот город, у него есть неизменное истинное лицо.

И, вспоминая Токио, я вижу не сверкающую Гиндзу — парадный лик города, и даже не темные кварталы с узкими улочками, шириной в несколько шагов, весьма характерные для японских городов. Нет. Истинный лик Токио — это утренний Токио. Суровый серый город с улицами, наполненными молчаливыми потоками людей, трамваи и автобусы, набитые до отказа, проходные многочисленных фабрик и заводов, как испытанные фокусники, заглатывающие бесконечную людскую ленту. Солнце еще милосердно в эти ранние часы, и дневная суета не вступила в свои права. Первые этажи зданий, в большинстве своем магазины и лавочки, закрыты ребристыми железными шторами — спят торговцы и покупатели, но трудовой Токио уже на ногах.

По улицам идет молодежь, почти сплошь молодежь. Остановитесь перед любым предприятием, будь то «Мацусита дэнки», «Хитати» или гигантские заводы фирм Мицубиси, Мицуи и Сумитомо, и вы увидите безупречно отглаженные белые рубашки и блузки, аккуратно закатанные рукава и молодые лица, всюду молодые лица. И это понятно. На японские предприятия, как правило, принимается молодежь — примерный возраст от 16 лет

до 30, — так выгоднее предпринимателям. Утренний Токио — город молодежи, город будущего Японии. Потому что именно этот утренний трудовой Токио и есть настоящий, без прикрас суровый лик десятиmillionной столицы.

Довольно часто бывает, что иностранцев, приезжающих в Японию, удивляет Токио, поражает стиль сегодняшней японской жизни.

Современный облик японских островов — результат длительного исторического развития. Культурный синтез Востока и Запада — лишь одна из многих граней этого процесса, длившегося не одно столетие и охватившего не одно поколение.

Взаимодействие японской культуры с культурой Запада берет свое начало в далеком средневековье. В середине XVI века у южных берегов Японии появились португальские корабли. Они везли завоевателей, предприимчивых купцов и миссионеров, которые рвались к новым землям. И именно с этого периода можно говорить о проникновении западной духовной и материальной культуры на японские острова и, следовательно, о первых этапах культурного синтеза.

Японцы внимательно присматривались ко всему новому. Огнестрельное оружие, мануфактуры с железоплавильными печами, использование новшеств европейской техники, развитие астрономии, ботаники, медицины были конкретными результатами этих контактов.

Англичанин Вильям Адамс, который около двадцати лет прожил при дворе фактического правителя Японии сёгуна Иэясу Токугава, передавал японцам опыт западного кораблестроения. Появились первые японские килевые суда. Они пришли на смену древним плоскодонным суденышкам, на которых, невзирая на их неустойчивость, японские мореходы выходили в океан.

Крупнейшие феодалы Японии начали строить громадные каменные замки, используя материалы и методы строительства, принятые на Западе. В конце XVI века по планам португальских инженеров был построен замок в Осака, представлявший по тем временам неприступное сооружение. Замок Иэясу Токугава, выстроенный несколько позже и практически положивший начало

строительству столицы, был одним из подобных укреплений. Даже феодальные дворцы, ранее строившиеся в материале национальной архитектуры — дереве, стали объединять в своем облике формы древнейших культовых сооружений с формами, определенными достижениями европейской техники.

Однако все расширявшиеся связи в 40-х годах XVII века были прерваны длительной полосой изоляции Японии. Сёгунату стали известны тайные намерения миссионеров подчинить Японию влиянию Ватикана. Дело в том, что католическая церковь, теряя позиции в Европе, изо всех сил старалась восстановить свое влияние путем активной деятельности в заморских странах.

В последующих крестьянских выступлениях в Японии протест против феодального гнета часто связывался с учением христианской религии, требования крестьян, в основе своей направленные против феодала, облекались в форму христианских лозунгов. Все это привело к тому, что, стремясь пресечь далеко идущие планы католических миссионеров и одновременно сосредоточить свои силы в борьбе с крестьянским движением, сёгуны прекратили взаимоотношения с иностранцами.

Япония удалилась от всего мира, на два с лишним столетия закрыв свои двери на замок. Но, несмотря на решительность, с которой это было сделано, двери оказались прикрытыми неплотно. Сёгуны династии Токугава как бы оставили небольшую щелку, в которую внимательно наблюдали за всем остальным миром, в особенности за жизнью западных стран. Голландцы, которым за помощь в подавлении крестьянского восстания сёгунатом было даровано право два раза в год прибывать в Японию, снабжали правительство технической информацией, знакомили с политической и экономической жизнью европейских стран. Сёгунские корабли продолжали торговые рейсы в южные моря, привозя не только товары, но и сведения о восточных народах.

Но реакционность, чрезвычайная косность всего сёгунского режима, а также бездарность и никчемность последних Токугава привели к тому, что большая часть информации оставалась мертвым грузом в правительственных канцеляриях.

В 1853 году у японских берегов появилась эскадра американского коммодора Перри. Она демонстративно двинулась прямо к Эдо. Угрожающе нацеленные на японскую столицу жерла пушек были недвусмысленным подтверждением требования открыть страну. Япония вынуждена была покончить с политикой изоляции. С 1854 по 1858 год она заключила неравноправные договоры с США, Россией, Англией, Францией и другими странами.

В застойную атмосферу насильственно «открытой» феодальной страны ворвались веяния буржуазного Запада. И надо сказать, что дальнейший путь взаимодействия культур в Японии был определен уже тем, что страна оказалась подготовленной к этому процессу. Если нет достаточной экономической базы, заимствование превращается в поверхностное и не растающее в национальную почву подражание. В Японии, несмотря на все ее отклонения от общих путей исторического развития, база эта была.

Малоземелье, испокон веков существовавшее в стране, стимулировало интенсификацию труда, быстрый рост городов, развитие городского самоуправления и городских ремесел с их культом творческой индивидуальности ремесленника-художника. Это приводило к большей, чем в других странах Востока, динамичности развития культурной жизни.

Рост капиталистических отношений и создание промышленного общества в Японии все более сближали ее с капиталистическими странами Европы. Все это обусловило быстроту и органичность процессов культурного взаимодействия.

В 1868 году в Японии произошла буржуазная революция Мэйдзи. Молодая японская буржуазия, чрезвычайно слабая экономически и не искушенная в политической борьбе, пошла на сговор с представителями феодального класса. К власти пришел феодально-буржуазный блок, который стремился обеспечить интересы обеих группировок. Прямым следствием этого было сохранение массы феодальных пережитков в экономической, политической и культурной жизни страны. Однако, несмотря на это, перед Японией все же была открыта дорога капиталистического развития.

Революция Мэйдзи явилась важным фактором в формировании буржуазной идеологии. Литература, изобразительное искусство, театр, архитектура — все наполняется новым содержанием. После революции Мэйдзи начался период широкого заимствования у развитых капиталистических стран.

В политическом и экономическом отношении конец XIX — начало XX века — это период превращения Японии в крупную империалистическую державу. Еще совсем недавно Япония была страной, связанной цепями неравноправных договоров, а теперь она сама навязывает подобные договоры другим странам, начинает рискованные внешнеполитические авантюры. После японо-китайской войны 1894—1895 годов Япония становится одной из колониальных держав.

Самурайский апломб страны-агрессора надежно опирался на нерушимые догмы государственной религии синто, важнейшими из которых были божественность происхождения императора и его власти, общее происхождение японского народа и императорского дома от единых божественных предков, и непосредственно вытекающий отсюда вывод — особая миссия японской нации. Синтоизм был основой, на которой из века в век безудержно развивался национализм и шовинизм. Судьбы страны на многие годы были определены засильем военщины, ее националистическим духом. Агрессивность военщины была непосредственно связана с экспансионистскими устремлениями монополий. Военщина и монополии и привели Японию к поражению 1945 года, к грандиозному крушению идеологической системы, поддерживавшей в течение длительного времени политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Война принесла неисчислимые бедствия японскому народу, пережившему трагедию Хиросимы и Нагасаки.

В результате военного поражения рухнули те барьеры, которыми японская военщина ограничивала развитие культуры. Ликвидация этих барьеров привела к исчезновению многих искусственно поддерживавшихся архаизмов в японской жизни. Процесс, который в других условиях мог бы протекать постепенно, в послевоенной Японии шел исключительно интенсивно.

В этот период формировался социалистический лагерь, национально-освободительное движение захватывало новые континенты. Идеи социализма распространялись во многих странах, где раньше это было затруднено рядом социальных и экономических условий, и превращались в неотъемлемую часть интеллектуальной жизни любой страны.

Растущее коммунистическое и социалистическое движение в Японии упорно стремилось применить марксистское мировоззрение к сложнейшим своим условиям. В трудное послевоенное десятилетие немало писателей, ученых, художников, кинорежиссеров стали в своей повседневной деятельности на позиции марксизма-ленинизма. Преодолевая множество препятствий, они ведут сегодня борьбу за новую, социалистическую культуру в Японии. В конце 1964 года нашими друзьями — японскими литературоведами и переводчиками выпущен в Токио первый номер журнала «Советская литература» на японском языке. Сообщая об этом событии, японские издатели журнала писали: «Советская культура, литература, искусство известны в нашей стране, привились в ней, и нет сомнения, что они оказали большое влияние на развитие прогрессивной литературы и искусства Японии...».

В послевоенные годы американские оккупационные власти сделали все возможное, чтобы то новое, что мучительно искало японское общество, было заимствовано из мира капитализма, из его культуры. Вся деятельность пропагандистского аппарата оккупационных властей была направлена на то, чтобы американизировать Японию, заполнить американскими идеями духовный вакуум, создавшийся в стране в результате капитуляции. Это облегчалось длительной изоляцией Японии от социалистического мира и ожесточенной борьбой самой японской буржуазии, особенно ее правых кругов, с идеями социализма.

Но из того, что мог предоставить Японии западный мир, японское общество, в котором после войны чрезвычайно силен голос демократических элементов, выбрало во многих случаях далеко не то, что хотелось бы правым кругам современного империалистического мира.

И, несмотря на буквально хлынувшую в побежденную страну американскую буржуазную культуру, несмотря на ожесточенное идеологическое наступление, которое ведется в наши дни, только то воспринимается сейчас в Японии и вращается в японскую почву, что, пройдя длительные этапы осмысливания, находит определенный отклик в жизни этой страны, в социальном опыте последних десятилетий.

Весь современный облик Японии тем и прост и сложен, что он свидетельствует о процессе незавершенном, процессе активном, живом, вбирающем и отбрасывающем, принимающем и отвергающем, процессе классовом, с ожесточенной борьбой демократических сил за свое право решающего голоса в нем.

Сравнение Японии с другими странами Востока прежде всего показывает глубину происшедших в ней процессов общения и слияния культур. Во многих из стран Востока Запад и сейчас просто присутствует, хотя вошел он в их жизнь гораздо раньше, чем в жизнь Японии. В Турции и Ливане, Сирии и Алжире, Йемене и Саудовской Аравии даже внешне, даже до сих пор живут бок о бок два разных мира. Рядом с белоснежными кварталами и шумными авеню деловых районов в раскаленном мареве зноя дремлет восточный город с глухими глинобитными переулками, с безглазыми домами, вздымающимися над заборами пыльные глиняные лбы, с неистовой сутолокой древних базаров, со своей стародавней, примитивной, неторопливой жизнью. И даже жизнь рафинированной верхушки этого общества, «приобщившейся» к западной культуре, не перетягивает чаши весов.

Для того чтобы увидеть сегодня неповторимое, самобытное лицо этих стран, путешественнику нужно сделать немного — повернуться со своим фотоаппаратом спиной к европейской части города. И тогда, будто с древних миниатюр, сойдет Восток с его нетронутыми обычаями, традициями, фанатизмом и пережитками, с караванными путями, где в красной пыли под ногами верблюдов — былое величие империй и крушение цивилизаций...

Конечно, в том, что над жизнью этого Востока — Востока XX века, века атомных электростанций и

космических полетов — во многом еще господствует далекое средневековье, виноват этот белый город, выросший рядом, столетиями с безудержной жадностью сосавший соки этой пропитанной восточным солнцем земли и в то же время брезгливо сторонившийся, прятавший шеренги кружевных особняков в тень деревьев, подальше от пыльной нищеты, от зарешеченных черной паранджой жизней.

Лишь в наше время в тех странах, которые вырвали свою судьбу из цепких лап империализма, современные достояния общечеловеческой культуры начинают сливаться с древнейшей культурой этих государств. Процесс культурного синтеза здесь делает только первые активные шаги.

И совсем другая картина в Японии.

Для того чтобы сегодня найти истинную Японию, надо внимательно вглядываться во все, что встречает вас в этой стране. Старая экзотика бумажных фонариков и феодальных традиций, все дальше оттесняемых в прошлое, не более показательна и не более специфична для Японии, чем «дорога одного человека» *. Так же как нельзя считать современные магистрали, скоростные лифты, громады фешенебельных отелей и универмагов неким свидетельством присутствия Запада, так нельзя пытаться понять современную Японию путем «очищения» ее от этой примеси. Нельзя, приходя в ужас от смеси «невероятных контрастов» — старого и нового, Востока и Запада, древних традиций и современного стиля, препарировать сегодняшний день Японии, что-то отсекая и что-то оставляя. Пути взаимодействия культуры этой страны с культурой западных стран имеют принципиально иную основу, чем в других государствах Востока, и тот сплав, тот, я бы сказала, органический синтез, из которого нельзя сегодня выбросить отдельные элементы, — и есть современная Япония.

Старые буддийские храмы, распластавшие свои крыши, как птицы — свои крылья в полете, и рядом лаконичные, строгие здания из алюминия и стали, без малей-

---

* «Дорогой одного человека» называют в Японии современную автостраду, построенную в 1954 году бывшим премьер-министром Иосида.

шего намека на рисунок, свойственный национальной архитектуре, и вместе с тем не менее национальные, чем храмы, — это современная Япония.

Гейша в коляске, которую катит рикша, и машины новейших марок, с трудом разворачивающие свои элегантные тела в узких токийских улицах, бритоголовые бонзы, несущиеся к своей пастве со скоростью 200 километров в час в экспрессе Токио — Осака, древние сады «песка и камней», символизирующие брэнность человеческого бытия, и многотысячные демонстрации в защиту жизни человека от смертоносного серого пепла — это тоже Япония, страна резких социальных контрастов. Заводские корпуса, многоэтажные магазины и крошечные жалкие лавчонки, набитые дешевой, залежавшейся мелочишкой, сверкающие ночные города и улицы без солнца и света, труппы, где черным проклятьем висит сифилис и туберкулез, опиумные ямы Йокогамы, притоны, где самое низкое и грязное в человеке выплескивается судорогами извращений и... гордые достижения электроники, металлургии, точного машиностроения, триумфальный шаг безутюжного теторона, крошечные транзисторы, качающие на своих волнах всю планету, — все это современная Япония.

А как же люди, каков их облик?

Где та Япония, о которой советский писатель Борис Пильняк в 30-х годах писал, что «национальный шум» в стране — это стук гэта *?

Нет той Японии. Но не жалеете об этом. Гэта можно еще встретить в деревнях и курортных местечках, но «национальный шум» создают не они. Пожалуй, этим звуком стал шорох шин, приглушенный рокот моторов...

В сутолоке городской жизни прыгает на подножку трамвая молоденькая японка с короткой стрижкой лесенкой, в узеньких брючках.

— И это японка? — скажете вы. — Не может быть. Где мягкость и неторопливость движений, нежность и женственность, легкая, семенящая походка, цветное кимоно с огромным бантом на спине?

---

* Гэта — сандалии на деревянной подошве с прибитыми снизу двумя поперечными перекладинами.

— Для некоторых европейцев японка до сих пор «мадам Батерфлай», — сказал мне один из японских знакомых.

Я не спорила. Очень даже может быть. Ну уж и несомненно, что такой европеец, глядя на девчонку в трамвае, скажет:

— Это не японка, это скорее американская спортивная девица, — и потом добавит: — Пусть японка, но явно американизированная.

Не спешите с выводами.

Американское влияние действительно ощутимо в Японии. Но выражается оно отнюдь не в брючках и пестрых распашонках. Приметы и признаки этого влияния гораздо страшнее.

В первые годы после капитуляции американский диктат осуществлялся с позиции неприкрытой силы. Но годы неуклонного роста сил мира и социального прогресса и борьбы японского народа заставили американцев прибегнуть к новой, более гибкой тактике, немаловажный упор в которой делается на пропаганду. Идеологическая обработка идет всеми методами, какие возможны, средствами, какие доступны, — кино, радио, телевидение, печать, театр, изобразительное искусство, философия. Но всюду и везде — сквозь броские заголовки боевиков и комиксов, сквозь плотные лаковые страницы иллюстрированных журналов, сквозь долларовые бумажки и дебри философских концепций — упорно смотрит на японца сытое, равнодушное лицо хваленого «американского образа жизни».

Результаты его влияния вполне конкретны и реальны в современной Японии. Это холодные глаза двадцатилетних молодчиков, цинично ощупывающих жизнь, уверенных в том, что в этом мире все продается и покупается. Это презрительный снобизм «интеллектуалов», высокомерно цедящих сквозь коктейльные соломинки свои философские концепции — фрейдистский культ подсознательного, помноженный на утилитарность прагматизма, это аполитичность, безнадежность пустых, как дупла, душ, глубокая и страшная, непрочно прикрытая эпикурейством в броской упаковке XX века — «деньги, секс, красивая жизнь!»

Но как ни велики масштабы американского идеологического наступления, основная масса японской молодежи не подвержена его тлетворному влиянию.

Как бы ни были забиты экраны потоком «вестернов», а прилавки — комиксами и порнографической литературой, американская идеологическая экспансия наталкивается на активное и, что особенно важно, растущее с каждым днем сопротивление демократических сил японской нации. Свидетельством тому — движение за восстановление самобытности национальной культуры, борьба за очищение репертуара театров от пустынькой карусели «шоу», языка — от обоем англицизмов, музыки — от какофонизма и дисгармонии джазов.

Наконец, самым большим свидетельством оценки идейного американского импорта, несомненным свидетельством отрицательного ответа нормам «американского образа жизни» является необыкновенный размах классовой борьбы, широкий фронт классовых сражений, сливающихся с общедемократической, общенациональной борьбой против американской политики.

Ну, а брюки? Что ж, может быть, двадцать лет назад в полуразрушенной голодающей стране эти «джинсы» с рядами заклепок и были примитивным глашатаем, синонимом «шикарной» заокеанской жизни, столь же далекой и недоступной молодому японцу тех лет, как шоколадка в руках американского солдата для голодного японского ребенка.

Сейчас совсем другое.

Брюки на заводских рабочих, на маленьких официантках кафе, весь день толкущихся между столиками, брюки на улицах японских городов, в поездах, на дорогах... Это скорее свидетельство современного стиля, современного образа жизни.

Темпы нашего века накладывают отпечаток на все поведение человека, на весь стиль его существования. Надо ли удивляться, что это отразилось на одежде? К тому же брюки для японской женщины всегда были обычным явлением. Крестьянка, например, и в далеком средневековье работала в брюках. А представьте японку в кимоно с громоздким твердым бантом на спине, с рукавами чуть не до полу, работающей на современном

станке или сидящей на узеньком, строго определенном в своих размерах месте у конвейера сборки радиоаппаратуры? Да она просто не уместится на нем с этими складками и волнами ткани, не говоря уже о том, что через несколько минут предельно устанет от неудобной позы, от напряжения и постоянной боязни зацепить какую-нибудь крошечную детальку красивыми, но в данном случае абсолютно неуместными рукавами.

Однако на отдыхе, дома, в театре, вечером на улице вы по-прежнему встретите кимоно на молодых и на пожилых, на мужчинах и на женщинах. И японка по-прежнему, как и сотни лет назад, вставшая на высокие кофурны гэта или дзори*, обернутая тонкой оболочкой шелка, семенящая мелкой кокетливой походкой, необыкновенно хороша и грациозна. К великому успокоению консервативного европейца — она снова как «Батерфлай».

Как-то в Атами, курортном городке на тихоокеанском побережье, известном своими серными источниками, я наблюдала любопытную картину: с вечерних поездов толпами сходили японцы — аккуратно отглаженные пиджаки, европейские платья, остроносые туфли, плащи через руку, портфели, саквояжи, сумки. Они входили в гостеприимно распахнутые двери отелей. А через час, как будто по мановению волшебника, город совершенно изменил лицо.

— Цок-цок-цок!

Это стучали гэта и дзори по асфальтированным спускам к морю, бетонированным дорожкам и тротуарам. По улицам шли толпы... кимоно. Одни кимоно. Почти одинакового цвета, простые, без рисунка, дешевые хлопковые кимоно, которые выдаются в отеле. Как приятно нырнуть в них после целого дня работы в невыносимой духоте и жаре в облегающем европейском платье.

Распаренные после серных ванн тела, лица, отмытые от пудры и кремов, а на ногах одни гэта, одни дзори...

Сюда бы любителей контрастов или пессимистов, рыдающих над «исчезающей» или даже «исчезнувшей» национальной самобытностью Японии!

---

* Дзори — сандалии с двумя ремешками, проходящими между первым и вторым пальцами ноги.

Ну и, пожалуй, еще более безобиден вопрос о прическах. Конечно же, короткая стрижка и проще и практичнее, и, несомненно, спать с бигуди, обернутыми поролоном, гораздо удобнее, чем подставив под шею деревянную скамейку, как делали раньше, чтобы сохранить причудливый замок прически.

Вряд ли это подтвердит тезис об «американизации» сегодняшней Японии и об исчезновении всего японского.

«Не все, что новое и современное, — американизм, — говорил наш знакомый Курода-сан, архитектор из Хиросимы. — Не все плохое — американизм, и не все японское — обязательно хорошее».

Это высказывание вполне можно отнести и к тенденциям современной японской архитектуры.

Хорош ли японский национальный дом с его необычайной чистотой, со светлыми рисовыми циновками — татами, по которым надо ходить в носках, дом с раздвижными стенами — сёдзи, впускающими солнце и воздух? Хорош. Несомненно хорош. Но японский дом имеет и отрицательные качества — отсутствие санузла, горячей воды и даже отопления.

То, как дрожит японец в ожидании теплых времен в своем насквозь пробираемом ветрами доме, обогреваясь около тлеющих углей жаровни — хибати, всегда ассоциируется в японской литературе с образом зимы.

Ну, а дома, которые возводятся сейчас по всей Японии, — типовые многоэтажные застройки с современными удобствами, кварталы, напоминающие теперешнее строительство на Западе или в небольших американских городах, — что это, полное отступление от национальных традиций, проявление американского влияния? Не в большей степени, чем наоборот, — ведь японская архитектура внесла немалую лепту в современный стиль.

И то, что в японском доме над татами мерцает матовый экран телевизора, на полу стоит телефон и белый приемник «Хитати», а в кухне застыл огромной льдиной холодильник, — все эти приметы современности не уничтожают самобытности японской архитектуры и японского быта вообще и не свидетельствуют о подавляющем американском влиянии. Ведь если не считать с затратами, то отрицательные черты национального дома мож-

но ликвидировать, создав в нем все современные удобства. Нередко теперь каркас такого по старинке выглядящего, сугубо национального дома собирается... из железобетонных деталей, сёдзи скользят на подшипниках, в потолке светится вмонтированная трубка «дневного света», зато по-прежнему татами из рисовой соломы и в нише — токонома, как сотни лет назад, стоит ваза с японским букетом из ветки и цветочка.

В одном из архитектурных журналов я обратила внимание на проект и фото японского дома на фоне прилегающей к нему зеленой лужайки. Изящный дом, спланированный с учетом всех возможностей участка. По воле архитектора дом расположился вокруг дерева гинко так, что образовался внутренний дворик, куда выходит спальня хозяина. Крона дерева нависла над маленьким участком плоской крыши, превращенной в чайный павильон. Проект так и назывался — дом с деревом гинко. Подпись под снимком гласила, что дом принадлежит известному в столице врачу.

Отличный дом, оформленный с тонким вкусом. Но если ты не имеешь громкого имени? Тогда в лучшем случае можно рассчитывать на квартиру в многоэтажном доме, в худшем... Впрочем, проекты худшего японские журналы не печатают.

Высшие слои общества стремятся создать для себя особые условия, окружить свой быт аксессуарами, недоступными большинству населения. На раннем этапе соприкосновения азиатского общества с культурой Запада это выглядело как быстрые темпы и гипертрофированные размеры модернизации — те же, скажем, знаменитые 300 «кадиллаков» короля Сауда и не меньших размеров «конюшня» правителя Кувейта. В последующий период получила распространение консервация дорогостоящих аксессуаров прежнего быта. Например, японский национальный дом, недоступный сейчас даже средним слоям, превращается, особенно если учесть цены на землю, в дорогое украшение быта высших слоев. (Говоря о национальном доме, я имею в виду в данном случае, конечно, не деревенские постройки в национальном стиле, а фешенебельные дома в аристократических районах, удачно дополненные современными удобствами

и в то же время сохраняющие простор старого национального жилища.)

Впрочем, и в западных странах можно наблюдать такого рода тяготение к прошлому. Во Франции, например, это мода на старые, еле движущиеся машины 20—30-х годов, мебель стиля рококо и другие проявления архаизации и стилизации.

Современная Япония дает очень яркий пример активного смешения современности с архаизмом и стилизацией. В то же время американское влияние и борьба против него за самобытную национальную культуру идут рядом с процессом культурного синтеза, зашедшего в Японии очень далеко, — надо только эти явления различать.

Самый большой в мире

Древние греки говорили, что город — это не стены, а люди, живущие в нем. Утверждение это не вызывает сомнений. Но и стены — тоже город. Особенно если учесть, что стены, пережившие не одно поколение людей, могут быть красноречивыми рассказчиками, иногда единственными свидетелями исчезнувшей жизни. Стены Карфагена, Помпеи, разрушенных ассирийских городов, среднеазиатских дворцов и караван-сараяев, стены мавзолеев киданьских императоров, затонувшие стены греческих колоний...

Люди научились читать их трудный, порою почти недоступный язык. Стены заговорили... Однако издавна принято считать, что только древние, уводящие нас к далеким эпохам стены — поле деятельности археолога — могут рассказывать, свидетельствовать, убеждать, отрицать, спорить. Стены же современных городов молчаливы. За них говорят создающие их люди. Но, может быть, это не так?

Стены современного Токио, особенно его парадного центра — дерево и сталь, алюминий и полимеры, гранит и стеклопластик — все это не только наглядная картина исторической эволюции. Язык этих стен красноречив,

они не могут оставить вас равнодушными, в какой бы части города вы ни оказались, они не столько рассказывают о прошлом, сколько заставляют думать о завтрашнем.

Говорят, Япония так сейчас космополитична, что лишь географическое положение ее напоминает о том, что она — страна Востока. Что же, Япония по укладу жизни перестала быть восточной страной?

Уровень производства, быстрые темпы развития экономики, современный стиль жизни — достаточные основания, чтобы сравнивать эту страну с государствами Запада, но совершенно недостаточные, чтобы говорить об исчезновении, ликвидации ее национальной самобытности. Ярчайшим показателем, лакмусовой бумажкой всех процессов, происходящих сейчас в Японии, является столица, ее быт, политика и экономика, искусство и архитектура.

В Японии и теперь можно услышать: «Саппоро — не Хоккайдо, Токио — не Япония».

Не знаю, насколько справедлива эта поговорка для Саппоро — центрального города острова Хоккайдо, но что Токио не Япония, неверно. Абсолютно неверно. Нет города более типичного для современной Японии, чем Токио.

Правда, пожилые японцы говорят: «Поезжайте в провинцию, вот там настоящая Япония». Но ведь они имеют в виду маленькие деревушки, где сохранились отголоски феодального быта с его традиционным укладом, а это наиболее отсталая, закостенелая в своих традициях часть страны, и вряд ли она имеет право именоваться «настоящей Японией». Да и туда врывается современный ритм жизни, идет ломка старых норм, оставляя все меньше и меньше мест, которые можно было бы считать примером той «истинной» Японии. Чем больше я ездила по Японии, тем больше приходила к выводу, что лицо столицы повторяется, дробясь то малыми, то крупными кусками, а иногда, словно крошечная миниатюра, оно проходило передо мной в облике других японских городов.

Токио удивительно типичен для Японии.

Конечно, некоторые города чем-то отличаются от

него. Это прежде всего древние столицы императоров — Нара, Киото. Но даже эти города древних храмов, императорских и сёгунских дворцов сочетают музейные тихие улицы и переулки, в которых неторопливо плукает звон колокольчиков, раскачивающихся на загнутых крышах старинных пагод, с вполне современным центром, повторяющим подчеркнутую урбанистичность Токио, Осака и других крупных городов Японии. Весьма своеобразны центры промышленного района на Кюсю — Фукуока, Омута, начисто слившиеся с сугубо промышленным пейзажем — дымящими трубами и вышками шахт. Но совершенно особо, мне кажется, стоят Нагасаки и Хиросима. По облику они, быть может, похожи на другие японские города, но воспринимаешь их как-то иначе, эти страшные места атомной трагедии человечества.

В целом в пестрой картине японских городов чаще повторяются черты, роднящие их с Токио, чем отличающие от него. То же отсутствие плановости при застройке, каменный центр и деревянные окраины, сверкание огней рекламы в центре и темнота в двух шагах от него, огромные универмаги, игорные дома «Пачинко» попеременно с ночными клубами, прилавки, забитые бульварной литературой, те же трущобы и та же преступность.

Словом, то, что вы встретите в Токио, можно найти в любом японском городе. Может быть, только в уменьшенном варианте или с другим названием. Если районы трущоб в Токио называются Санъя, Фукагава, то в Осака это будет Камагасаки, в Иокогаме — Центральный район. И подобно тому как над Токио поднимается Токио-тауэр — самая высокая телевизионная вышка в Японии, так в каждом более или менее крупном городе тянет вверх длинную шею своя «бэби Токио-тауэр». Пусть не 333 метра, но все же, как в Токио, вы выглядываете вечером в окно и увидите — высоко над городом, чуть покачиваясь, светятся красные огни. Вышка, словно гигантский птеродактиль, цепко упершийся в землю широко расставленными лапами, с любопытством и удивлением качает красноглазой головкой, разглядывая город, лежащий у его ног.

Токийцы, по словам японских газет, несколько раз упускали возможность перестроить свой город. Дважды

после пожаров еще в токугавский период (когда он назывался Эдо) и дважды в XX веке — после страшного землетрясения 1923 года и варварских бомбардировок американской авиации в 1945 году. За последние годы, особенно в летние месяцы 1964 года, Токио разрушили... сами японцы. XVIII Олимпийские игры предоставили японским архитекторам редкий шанс исправить планировку города, попытаться избавить задыхающуюся столицу от постоянной болезни «закупорки сосудов». Огромная армия строительных рабочих стремилась радикально улучшить облик центральной части города. Пожалуй, это была наиболее серьезная перестройка, какую город знал с самого своего основания.

Токио относится к сравнительно молодым городам мира. Возник он в начале XVII века, когда правитель страны сёгун Иэясу Токугава решил построить свою столицу в северо-восточной части долины Канто, на месте скромной рыбацкой деревушки Эдо. Объединив вокруг себя крупных феодалов и став с 1600 года фактическим диктатором феодальной Японии, Токугава хотел в противовес императорской столице Киото иметь свою постоянную резиденцию.

Со всех провинций по распоряжению сёгуна были согнаны крестьяне. На утлых суденышках они возили с полуострова Идзу огромные гранитные и известняковые глыбы, которыми мостили болотистый центр будущего города — нынешний Нихон-баси. Во время частых штормов неустойчивые суда переворачивались, увлекая в пучину людей; разбиваясь в щепки об острые скалы, гибли целые караваны лодок, возившие песчаник и щебень в бухту Эдо.

От нечеловеческого напряжения, от тяжелейших условий и эпидемий гибли тысячи строителей, но жестокий сёгун был неумолим — на место погибших приходили новые; со всех концов страны приглашались лучшие плотники, резчики по камню и дереву, живописцы. Так на берегу залива поднимал свои изогнутые черепичные коыши город, выроставший на человеческих костях. Для дальнейшего роста и расширения города имела значение введенная Токугава своеобразная система заложничества — санкин котай. Подавив сопротивление мятежных

феодалов, одарив титулами и землями своих союзников, сёгун считал, что главная его задача на ближайшие годы — удерживать и тех и других в постоянном повиновении. Именно это имел он в виду, создавая санкин котай. Согласно этой системе, каждый феодал должен был приезжать в Эдо с семьей и свитой и целый год жить здесь, являясь ко двору сёгуна во всем предусмотренном придворным церемониалом блеске. После года пребывания при дворе глава семьи возвращался в свое владение, а семья оставалась в столице в качестве заложников. Поэтому феодалы должны были иметь в Эдо свою постоянную резиденцию. Смысл изобретения сёгуна был прост — постоянные переезды, жизнь на два дома истощали ресурсы князей. Большие материальные затраты и пребывание заложников в столице удерживали их от заговоров против Токугава.

А сёгунская столица от этого только обогащалась. Город, насчитывавший 500 тысяч жителей, рос и расцветал не только за счет государственного строительства, но и за счет князей, которые соперничали друг с другом в пышности и красочности внешнего и внутреннего оформления своих дворцов. Дерево, теплые мягкие тона и естественный цвет которого так высоко ценятся японцами, сочетается в этих феодальных резиденциях с голубой и зеленоватой черепицей крыш, резными галереями и крытыми переходами, с газонами из разноцветных камней.

Дерево и черепица — традиционные японские материалы — в годы Токугава были вынуждены разделить свою монополию с камнем. За годы правления токугавской династии Токио дважды горел. Целые районы с деревянными дворцами и легкими бамбуковыми домиками выгорали начисто. Застройка после пожаров велась сумбурно, и отсутствие единого плана постепенно все более и более сказывалось в общем облике столицы. Перед революцией Мэйдзи Токио представлял собой густонаселенный город со множеством узких, кривых улиц, свивающихся в клубок лабиринтов.

Землетрясение 1923 года снесло половину японской столицы, сохранилось лишь несколько комплексов многоэтажных зданий, выстроенных из камня, кирпича и

железа. Страшное бедствие, обрушившееся на Японию, поставило перед ее архитекторами вопрос об иной застройке столицы. Молодые японские архитекторы, внимательно наблюдавшие за развитием архитектурной мысли на Западе, предлагали множество самых разных, порой свехоригинальных проектов. В конце концов сложилась практика смешанной застройки: официальные сооружения — банки, учреждения, помещения фирм — словом, деловую часть города, как правило, стали застраивать в стиле европейской и американской архитектуры, в жилых кварталах оставляли преобладающим японский национальный дом.

Детища этих лет — массивные, громоздкие здания с чуждым всему японскому, холодным и надменным обликом — Императорский театр, ресторан «Токио-кайкан» (не сохранился до наших дней), Токийский вокзал, издательство газеты «Асахи», банк Мицубиси и многие другие. Пожалуй, наиболее импозантное из этой плеяды строений — японский парламент. Туристские автобусы, колесящие по Токио, обязательно спешат к этому серому, строгому силуэту. На мой взгляд, площадь перед парламентом заслуживает большего внимания, чем само здание. Обычно тихая и пустынная, она — свидетельница классовых сражений, политических битв, крови и слез.

Однако гиды не говорят об этом. Они удивляют туристов цифрами — здание парламента занимает свыше 12 тысяч квадратных метров, высота его башни — около 66 метров, на сооружение пошло 9 тысяч тонн стали и т. д. Ничего не скажешь — цифры внушительные.

Но с чем приходится бесповоротно согласиться, так это с дифирамбами творению известного американского архитектора Райта — отелю «Империап». Здание это, не в пример другим, выстроенным в 20—30-е годы, прочно стоит на японской почве в прямом и переносном смысле. Это чуть ли не единственное сооружение в Токио, которое не только выдержало бешеный натиск подземных толчков в сентябре 1923 года, но даже сохранило работающую систему отопления, водоснабжения и освещения.

Имя Райта стоит в одном ряду с плеядой других имен — Сулливан, Ле Корбюзье, Брейер, Миес Ван дер

Роэ, братья Веснины, Гинзбург, Стоун, Гроппиус, Мендельсон — имен, связанных с распространенным в те годы архитектурным направлением — конструктивизмом. Бурное развитие строительной техники обеспечило широкое шествие по странам мира идей этих талантливых экспериментаторов, обладавших необычайной изобретательностью и умением исключительно четко воплощать в архитектурных формах свои замыслы.

Собственно говоря, в те годы не только формируется почва для какого-то одного стиля, скорее технический прогресс, помноженный на неустанное движение архитектурной мысли, создает возможность превращения архитектуры в интернациональную.

Японский национальный стиль между тем завоевывает все большую популярность на Западе. Необычайная логичность, чистые, строгие линии, незамкнутость интерьера, гармонически соединяющего наружные и внутренние объемы, каркасное строительство, позволяющее освободить стены от несущих функций и превратить их в обширное поле деятельности декоратора, гармоничное сочетание здания с окружающей природой — все это как нельзя лучше отвечало общим тенденциям, проявлявшимся в развитии мировой архитектуры. В самой Японии группа молодых архитекторов — Маэкава, Сакакура, Хаяси, Нисияма, Исикава, Ито и другие осуществляли активные поиски соединения старых национальных традиций с тенденциями складывающегося современного стиля. Предвоенное строительство в столице и крупных городах Японии (Киото, Осака) давало для этого широкий простор.

Однако большая часть такого рода построек была уничтожена во время бомбардировок американской авиацией центрального промышленного района Японии. Столица лежала в руинах. Железные скелеты фабрик и заводов, груды досок, мусора и щебня, черные пепелища, тянущиеся на километры, тысячи бездомных, ютящихся в жалких, наскоро сколоченных хибарках, — вот лицо послевоенного Токио.

Не случайно, видимо, больше всего пострадали рабочие кварталы Токио. Единственным районом, оставшимся почти нетронутым среди черного моря руин, был

деловой центр — Маруноути. Американские самолеты заботливо обходили эту цитадель японского монополистического капитала.

После войны вновь встал вопрос о застройке разрушенной столицы. Однако разрешить его в условиях капиталистического строя по существу невозможно — мешает столкновение своекорыстных интересов собственников. Восточная часть Токио после его восстановления имеет более правильную планировку, но в целом город по-прежнему бесплано расширяется во все стороны. В сугубо урбанистическом облике его здания современного стиля совершенно произвольно переплетаются с точеными силуэтами храмов и узкими улочками, наполненными серыми толпами деревянных домиков. Именно поэтому токийцы говорят, что они столько раз упускали возможность сделать свой город более красивым.

«Безумный город», «город-лабиринт», «город-спрут», «самый сумасшедший город в мире», «город ущелий и храмов» — как только не называют Токио иностранцы, посетившие Японию. Что же все-таки верно из этого щедрого набора «комплиментов» в адрес японской столицы? Не берусь судить, самый ли сумасшедший город в мире Токио, но то, что он действительно задыхается от нехватки земли, чистого воздуха, широких просторных улиц, налаженного транспорта и, наконец, самого главного для человека — жилья, — это так. Рубрика «Город в кризисе» давно уже не нова для токийских газет.

Как-то газета «Джапан таймс» устроила диспут о дальнейшей судьбе города, напечатав по этому вопросу десять статей, идущих из номера в номер.

Газета предоставила слово двум выдающимся специалистам по истории города — Натану Глейзеру и Токуэ Сибата. Натан Глейзер — писатель и преподаватель социологии в Калифорнийском университете. Завершив свою очередную книгу о Нью-Йорке, он приехал в Токио для изучения этого крупнейшего города мира и сравнения его с американскими городами. Сибата Токуэ — ассистент профессора Токийского городского университета (Торицу), автор нескольких книг о Токио, только что вернулся из турне по самым крупным городам мира.

Итак, консилиум двух видных специалистов. В роли пациента — Токио.

Что же предлагают Сибата и Глейзер? Прежде всего они признают, что рост столицы стоит в прямой связи с сокращением сельскохозяйственного населения. В Японии за последние 15 лет его удельный вес уменьшился с 50 до 35 процентов и продолжает падать. Отсюда горький диагноз — остановить рост населения Токио вряд ли возможно. Город будет расти, он непременно прибавит в ближайшем будущем еще 5—10 миллионов населения (не правда ли, ошеломляющий прогноз?).

Но это не значит, по мнению Сибата и Глейзера, что создавшееся положение безнадежно.

Нужно попытаться использовать все меры, какие еще возможны. Первейшая из них — децентрализация, изменение экономической структуры района, связанного со столицей. Практически это означает выведение нескольких отраслей промышленности из сферы столицы и создание новых индустриальных центров, в первую очередь на побережье Внутреннего Японского моря и острова Хоккайдо. Также следует переместить центры образования — университеты из столицы в другие города. И, наконец, проект, обещающий как будто самый радикальный выход из кризиса — осушение Токийской бухты.

И Сибата, и Глейзер — оба считают проект осушения бухты очень интересным. Новая территория будет застроена современными, благоустроенными, комфортабельными зданиями, «новорожденный Токио» будет способен принять 5 миллионов человек. Подобная практика в истории человечества далеко не нова. В качестве примера можно привести голландцев, с великим упорством в постоянной борьбе отвоевывающих у моря один за другим куски его дна.

«Правда, — заявил Сибата, — я думаю, что только богатые смогут переселиться в этот „Токио-модерн“, а старый Токио — обиталище средних слоев и бедняков — будет постепенно превращаться в трущобы».

Таковы в общем-то весьма неутешительные прогнозы лечения недугов японской столицы, включая последний проект. Однако проекты, плохие или хорошие, — всего лишь проекты.

Каков же сегодня архитектурный облик столицы?

Сегодняшний Токио, как никогда раньше, свидетельствует о высоком уровне развития японской архитектуры, активно использующей современные достижения строительной техники.

Бетон, стекло, алюминий, гранит, дерево смешались с новыми материалами — пластиком, новейшими достижениями химии — полимерами.

То, что современные здания смотрятся с бетонными автострадами одним целым, для нас не удивительно, они дети одного века, но, оказывается, искусством японского архитектора они могут быть объединены с древним, истинно национальным садовым искусством во вполне логичное и гармоническое сочетание. Прозрачная стена из стекла или, наоборот, грубая пористая известняковая или гранитная плита и рядом лаконично-абстрактный каменный сад с цветовой гаммой, определенной гранями камешков или колоритом мха, приютившегося на них.

Безусловно, к этому пришли не сразу, такой подход в корне расходится с утверждениями японских зодчих древности, которые считали, что для гармонии нужна одинаковая фактура, однородность материала в садовом ансамбле. «Гармоническое сочетание архитектуры с пейзажем, — писал известный японский историк искусства Цунайоси Цудзуми, — возможно лишь только тогда, когда они состоят из одного и того же материала. Верхняя часть крыши соответствует кроне дерева».

Но время меняло взгляды архитектора на свой предмет. В 20—30-е годы для японских зодчих, увлекавшихся идеями Гроппиуса, Мендельсона, были весьма актуальны слова немецкого архитектора Брейера: «Здание — дело рук человеческих, искусственно созданное сооружение. Поэтому оно не должно подражать природе — оно должно противопоставлять себя ей. Здание обладает прямыми геометрическими линиями. Если в нем используются свободные линии, то должно быть ясно, что линии эти созданы искусственно, что они не выросли сами собой. Я не вижу никаких оснований, почему архитектура должна подражать естественным, органическим живым формам».

Период подражания западной архитектуре дал немало примеров изолированности, отрыва творений архитектора не только от окружающего ландшафта, но и вообще полного отвлечения от специфики национальной почвы, на которой осуществлялись его замыслы.

Впрочем, представители конструктивизма, оказавшего огромное влияние на развитие архитектурной мысли Японии, совсем не были так уже единодушны в своих взглядах на решения архитектурных композиций.

Райт, который очень много строил в Японии, и не только один, но и в содружестве с японцами (с Сакакура и другими), придерживался совершенно противоположной точки зрения. Здание, по его замыслам, строго функционально, оно не только должно строиться по принципу «форма определяется функцией», но и обязательно сливаться со своим окружением в единое гармоническое звучание.

Достаточно вспомнить его виллу Кауфмана у Медвешьего ручья, отель «Империал» в Токио, музей современного искусства в Камакура, чтобы убедиться, насколько неуклонно всю свою жизнь он подтверждал этот принцип.

Но Райт был не одинок в своих воззрениях. То, что города, выросшие на основе так называемого интернационального стиля, имеют перспективу превратиться в бесконечные ряды каменных, бетонных и стеклянных коробок, уже в 30-х годах вызывало опасение многих архитекторов.

Стоун, знаменитый зодчий, создавший Нью-Йоркский музей современного искусства, писал: «Я лишь не одобряю того, что выдается за современную архитектуру... Я утверждаю, что всякое здание — жилое, общественное или административное — должно быть в какой-то мере согласовано с природой, а не противоречить естественным законам нашего окружения...».

То, что делают сейчас японские архитекторы, опирается на длительные поиски японского зодчества, изучение архитектурного и строительного опыта других стран. За послевоенные годы в крупных городах Японии выросли, поднялись целые архитектурные ансамбли, в смелых линиях которых и общемировые достижения со-

временной архитектуры, и новейшие материалы, и традиционные линии и объемы старого японского интерьера, и методы пространственных решений. Наряду со зданиями Райта, Ле Корбюзье — чрезвычайно изобретательные и в то же время лаконичные творения Кунио Маэкава (особняки в Киото, в районе Токио — Харуми), Дзюндзо Сакакура (спортивный комплекс в Кобэ), Кэндзо Тангэ (дом Курасики, дом Такамацу), Косака (здание министерства иностранных дел в Токио), отель «Кокусай канко» и многие другие постройки одного из самых известных японских архитекторов Дзюндзо Ёсикура.

В последние годы был дан дополнительный стимул к обширному и быстрому строительству — решение Международного Олимпийского комитета провести в октябре 1964 года XVIII Олимпийские игры в Токио.

За два года — два года поистине гигантского маршала, державшего в тисках невероятного напряжения не только столицу, но и всю Японию, на десятках гектаров площади Токио проведены обширные строительные работы. Фраза президента Международного Олимпийского комитета Брэндэджа: «Это невероятно! Японцы разрушили Токио, перевернули все вверх дном!» — облетела все японские газеты. Одновременно Брэндэдж дал высокую оценку качеству спортивных сооружений, возведенных за это время в столице.

Огромная овальная чаша Национального стадиона, четкий строгий рисунок многоэтажного спортивного корпуса в Сибуя, легкие причудливые контуры зданий в спортивном центре Комадзава, красочно переплетенные в один комплекс домики олимпийской деревни — все это сооружения на высшем уровне века. Лицо Токио не могли не изменить силуэты этих современных комплексов, новые дороги, расширенные улицы. Но ведь огромный город, раскинувшийся на десятки километров, — это прежде всего и больше всего жилые здания. Картина, очень характерная для всех крупных японских городов (Осака, Киото, Кобэ) — ультрасовременный центр, а вокруг него тесно прижатые друг к другу деревянные крыши, — остается специфичной и для Токио. Правда, в столице более, чем где-либо, ведется наступление на эти скученные деревянные кварталы. Но посмотрим, что

строится вместо них и кто может рассчитывать на улучшение жилищных условий.

В годы войны в Токио было разрушено 768 тысяч домов — более половины жилого фонда. Почти три миллиона людей остались без жилья. За прошедшие двадцать лет построено около миллиона домов, но этого явно недостаточно, если учесть, что население города неуклонно приближается к 11 миллионам.

Столичная жилищная корпорация («Дзютаку кёкай») строит в столице многоквартирные дома с современными удобствами. Это четырех- и пятиэтажные здания с однокомнатными, двухкомнатными и трехкомнатными квартирами, выходящими или в общий коридор, или на лестничные площадки. Вдоль всего здания на каждом этаже идут длинные, единые для всего этажа балконы. На широкое пространство балкона открываются не двери, а чисто по-японски раздвигающиеся сёдзи, только теперь это обычные стеклянные рамы, уходящие в пазы стены. Летом балконы сплошь увешаны бельем (влажный климат и несметное количество пыли позволяют носить платье только в течение одного дня), и издали эти шеренги четырехэтажных зданий с четкими линиями и яркой расцветкой похожи на плывущие корабли с трепещущими по ветру разноцветными флагами. Дома обычно объединяются в замкнутый жилой микрорайон со своими магазинами, школами, прачечными.

«Дзютаку кёкай» строит в год примерно до 14 тысяч квартир для сдачи в аренду или продажи. Может ли рассчитывать на получение квартиры в домах этой корпорации средний японец — судите сами.

Многokвартирные дома, строящиеся жилищным бюро корпорации, делятся на три категории. Категория «А» для тех, кто имеет годовой доход от 500 тысяч иен до 265 тысяч, категория «В» — для тех, чей доход колеблется между 265 и 205 тысячами иен, категория «С» предусматривает доход до 205 тысяч иен. Следовательно, для того, чтобы попасть в списки соискателей, жаждущих получить квартиры в этих домах, вы прежде всего должны представить доказательства своей кредитоспособности. Но это еще не все. Есть и другие ограничения. Например, нужно жить в столице более трех лет. Квар-

тиры класса «С» имеют современные удобства, но они не слишком комфортабельны — например, есть ванна; но нет душа, или нет изолированной кухни, или отдельного санузла и т. д. Эти квартиры наиболее доступны для «среднего» японца. Однако получить такую квартиру очень трудно. Только один из сорока претендентов по классу «А» и «В» и один из двадцати по классу «С» могут рассчитывать на успех.

Токийское отделение Всеяпонской строительной корпорации «Дзютаку кодан» строит более комфортабельные дома, полностью оснащенные современными удобствами.

Квартиры «Дзютаку кодан» пользуются большим спросом; по словам японских газет, острейшая конкуренция претендентов — «вполне нормальное явление». Только один из пятидесяти соискателей может приобрести квартиру в домах этой корпорации.

Для получивших отказ в муниципальных корпорациях остается один выход (которым, конечно, далеко не каждый может воспользоваться) — частные строительные фирмы. Такие железнодорожные гиганты, как «Токио дэнтэудо кайся» и «Сэйбу тэудо кайся», строят очень много жилых зданий в разных районах Токио. Квартиры в этих домах оборудованы в соответствии с последними научно-техническими достижениями — здесь есть и центральное отопление, и установки кондиционированного воздуха, и гаражи, а кое-где устроены на крышах миниатюрные аэродромчики для приема вертолетов. Но... и представители фирм и пресса единодушно утверждают, что этот «комплекс комфортабельности вне возможностей среднего японца». Месячная оплата таких квартир колеблется от 30 тысяч иен до 120, а месячный заработок служащего — примерно 35 тысяч иен.

Некоторые представители прессы рекомендуют строить собственные дома, рекламируя при этом деятельность Токийского отделения японского жилищного банка, предоставляющего желающим ссуды. Действительно, только за последние годы банк выдал ссуды приблизительно 250 тысячам человек. Но для того чтобы строить дом, надо иметь участок, а земля в Токио очень дорога. Стоимость одного цубо (3,3 квадратных метра) даже в

отдаленных от центра районах за последние годы поднялась с 30 тысяч до 100 тысяч иен. И те же газеты вынуждены публиковать уже менее оптимистичные цифры — только половина из тех, кто, получив ссуду, купил участок, смогла сразу же построить себе дом. Остальные либо еще надеются его построить в будущем, либо окончательно пришли к выводу, что это им не под силу. Словом, для трудового японца получение новой квартиры — поистине тяжелейшая проблема.

Социальные контрасты видны в каждом явлении жизни Токио — в причинах кризиса самого большого города в мире, в его богатстве и нищете, в условиях жизни трудящегося и буржуа, в методах и темпах городского строительства и городской планировки и в его общем архитектурном облике. Не в меньшей мере это относится к методам разрешения транспортной проблемы.

«Паралич транспорта» — термин, к которому давно привыкли в Токио. «Джапан таймс» поместила как-то любопытную историю. Джесс Оуэнс, американский бегун на длинные дистанции, напоминала газета, попробовал соревноваться с лошадью и, конечно, был побит мгновенно. Сегодня же Бикел Абеб из Эфиопии, чемпион мира по марафонскому бегу, может совершенно свободно побить целые орды четвероногих животных города — токийские автомобили.

Рекорд Абеба на олимпийской дистанции — 42 километра за 2 часа 12 минут. А токийскому автомобилю, чтобы покрыть расстояние в 21 километр от центра Токио до аэродрома Ханэда, требуется от полутора до двух часов. Осенью 1961 года премьер-министр Икэда чуть было не опоздал встретить видного государственного деятеля, прилетевшего с официальным визитом в Японию, так как намертво зажатая в автомобильном потоке машина премьера простояла около часа на шоссе между Токио и Ханэда.

Машин много — потоки, реки, ручейки.

Свыше 850 тысяч автомобилей кочуют сейчас в бетонных дебрях столицы, спят в глухих переулках, прячутся от непогоды под мостами. Сейчас их в 20 раз больше, чем накануне войны, и только за последние шесть лет число их выросло в три раза. К тому же ежедневно при-

бывает в столицу из разных префектур до двух миллионов мотоциклов и более 15 тысяч грузовиков.

Хронические перебои и «пробки» на транспорте выработали у токийца практический навык — если ему, допустим, сегодня нужно выехать за город, он должен это сделать между половиной шестого и половиной седьмого утра. Решают минуты — пятью минутами позже он будет стиснут в плотно сбитом запыленном стаде автомобилей, с рычанием замирающем в километровых очередях у каждого светофора. Чтобы доехать только до окраины, потребуется не менее полутора часов.

Но еще более мучительна поездка в общественном транспорте. Однажды я опоздала на автобус, отвозивший нас на работу. Выскочив из отеля, я увидела только красные огоньки заворачивающего за угол неизменно нашего экипажа.

Что было делать? Такси в этом тихом переулке ждать бессмысленно, а до магистрали с большим движением — два квартала. Метро было ближе, и я, не теряя времени, ринулась к этому спасительному, как выяснилось, не для одной меня, а для большинства рабочего люда столицы, виду транспорта.

До этого я в метро была несколько раз и, честно говоря, зная самые нелестные отзывы о нем, ожидала худшего. Конечно, жарко, душно, нет кондиционных установок, в вагонах крутящиеся фены еле колеблют густую массу горячего воздуха, вентиляция станций также оставляет желать много лучшего. Но в каком токийском транспорте летом не душно? Даже в такси вы обливаетесь потом и, открыв окно в надежде хлебнуть глоток чистого воздуха, задыхаетесь от едкого синего дыма. Однако было в столичной подземке такое, что мне понравилось. Станции лежат почти у поверхности — нет длительных спусков и подъемов, для пересадки не нужны переходы — на ту же платформу, куда вас доставил поезд, через несколько минут подойдет следующий, и вы, не затрачивая особых усилий, отправитесь дальше в нужном направлении. Линия метрополитена охватывает центр столицы и соединяет его с отдаленными густонаселенными районами. К тому же цена билета сравнительно с другими видами транспорта — невысокая. Станции токий-

ского метро очень просты, тоннели, платформы, лестницы лишены какого бы то ни было заранее задуманного декоративного убранства, единственное украшение — часто меняющаяся реклама. Рекламные фотографии и тексты, рисунки, броские и скромные, озорные и сентиментальные, иероглифы, цветные, печатные и скорописные, лепятся по стенам, спускаются с вами по лестнице, тихонько раскачиваются перед глазами в вагоне. Они приглашают на новое представление театра Кабуки, настойчиво рекомендуют поинтересоваться национальным ручным производством тканей «нисидзин» в Киото, расхваливают горячие серные источники в Хаконэ или обещают сказочную атмосферу приближающегося «дня кукол».

Люди в японском метро торопливы и деловиты, лица сосредоточены, порой даже суровы. И далеко не каждый, по моим наблюдениям, поднимает глаза к изящным листкам, зазывно распахивающим красочные панорамы, куда-то зовущим, обещающим... Для скольких из этих людей горячие источники Хаконэ, красоты Сэндая, зубчатые вершины Гифу с раскинувшимися внизу альпинистскими лагерями останутся всего лишь заманчивыми проспектами! Не часто здесь можно увидеть беззаботность и сытую праздность.

Трудовой люд, заполняющий с утра до вечера поезда и платформы, и чисто утилитарный, непарадный вид вестибюлей и станций как бы сливаются в одно целое, превращаясь в главное, что определяет, создает впечатление от токийского метро. Токийское метро — это неутомимый работяга, утренняя и вечерняя дорога труженика столицы — это заботы и тяжелые раздумья, лежащие тенью на лицах, мир скромных костюмов, усталых плеч и рабочих ладоней.

Те несколько раз, что я была в метро, приходились по времени на поздний вечер, тогда в вагонах и на платформах было довольно свободно. Теперь же я столкнулась с новыми обстоятельствами, которые весьма изменили мое первоначальное представление о поездке в метро как о довольно спокойном путешествии. Подходя к станции в самые напряженные утренние часы, когда тысячи людей добираются с окраин на работу, я оказалась в плотном людском потоке, медленно текущем вниз

по лестнице. С верхних ступенек было видно, как он, поворачивая, вливался в тоннель.

В первый поезд я не попала, зато во второй меня внесло за какую-то долю секунды и бросило в самую середину вагона. При этом я испытывала ощущение какой-то странной невесомости — мне казалось, что я, не касаясь пола, повисла в плотной спрессованной массе человеческих тел. Посадка еще не была закончена. К вагону подбежали молодые ребята в черных фуражках и начали изо всех сил вталкивать в него оставшихся на перроне. Это были знаменитые «утрамбовщики». Я сразу вспомнила газетные полосы с фотографиями подобных сцен. Транспортные компании нанимают «утрамбовщиков» (в большинстве случаев это студенты), чтобы как-то справиться с людским наплывом в часы пик, и дело здесь не столько в росте населения столицы, на что обычно ссылаются транспортные боссы, сколько в минимальной их заботе о нуждах и удобствах населения и необыкновенно большой — о собственных прибылях. Частные компании и даже администрация государственных железных дорог предпочитают нанять сотню-другую вот таких «утрамбовщиков», чем своевременно обновить подвижной состав, строить новые линии, ветки, станции — словом, создать сносные для пассажиров условия. В электричках, которые перевозят ежедневно до семи миллионов пассажиров, — еще хуже. Метро идет по большей части под землей, и хоть на короткий срок вы здесь избавлены от палящего солнца. В электричке, с грохотом и клубами пыли мчащейся среди скученных, намертво прижавшихся друг к другу серых домишек, невероятно жарко, солнечные лучи шарят по раскавшимся стенам и крыше вагонов и прямо «плавят» пассажиров, и без того обливающихся потом и судорожно хватающих воздух.

...Между тем ребята, «утрамбовывающие» наш вагон, что-то выкрикивали, очевидно вроде нашего «раз-два взяли!», налетали с разбегу, плечами, руками нажимали, толкали, втискивали, вдавливали в человеческое месиво все новых и новых пассажиров. Пот градом лил с лиц ребят. Прилипшие ко лбу косячки волос выглядывали из-под молодцевато заломленных фуражек...

Двери еле-еле закрылись. Парни, переводя дух, отошли от вагонов. Долго отдыхать им не придется, через полторы минуты следующий поезд — компания денег зря не платит! Поезд двинулся. «Как он двинулся? — думала я. — Насколько превышена тяговая возможность состава, сколько, согласно технике безопасности, может поместиться в вагоне пассажиров и сколько в действительности он вместил?»

Говорят, что токийские электрички в часы пик загружены в три, а иногда и в четыре раза больше их нормальной провозной способности. В три, четыре раза! Это страшные цифры. Не менее страшные от того, что известны всем. Говорящие цифры, я бы даже сказала кричащие. Только одни «боги транспорта» умудряются не слышать вопиющего гласа этих цифр. Но если вам кажется, что вы понимаете, о чем говорят эти цифры, не обольщайтесь, это не так. Только попав в эту невообразимую мешанину, духоту и давку и чудом выбравшись из нее без поломанных ребер, вырванного каблука или потерянной сумки, только испытав хотя бы один раз непосредственно на себе все прелести поездки в токийских метро или электричке, можно понять, что такое «превышение нормальных возможностей транспорта в три-четыре раза».

У меня во всяком случае было совершенно зримое ощущение, как стенки вагона прогибаются наружу под предельным напором человеческих тел. Так и кажется — тряхнет такой вагон разок-другой на повороте и лопнет он, как перезревший арбуз, брызнут, как семена, во все стороны люди...

На одном из перегонов я услышала за спиной вежливый мужской голос:

— Извините, пожалуйста. Ваша шпилька...

— Шпилька... — подумала я с ужасом. — Шпилька вылезла из прически и угрожающе торчит у кого-то перед носом. В такой тесноте в раскачивающемся вагоне это совсем безобидное, но довольно прочное металлическое изделие вполне могло стоять кому-нибудь глаза или в самом благоприятном случае царапины на лице. Однако, чтобы поймать эту злополучную шпильку, надо высвободить хотя бы одну руку. Куда там! Ни пошевелить-

ся, ни передохнуть, ни двинуться, ни даже повернуть головы. Ну, а чтобы отодвинуться от твердого свертка соседа, при каждом толчке так и вонзающегося вам в бок, или избавиться от острого угла чьей-то назойливой сумки, успевшей уже порвать ваш чулок, об этом и думать нечего.

— Извините меня, пожалуйста, — начала я, обращаясь к совершенно постороннему «незаинтересованному» затылку.

— Ничего... Не беспокойтесь, — раздалось из-за моей спины. — Сейчас немного лучше. Я потерплю. Что делать, мода есть мода. Эти современные каблуки, действительно, настоящие... шпильки!

Тут только я поняла, что мое ощущение «невесомости» опиралось на вполне реальную почву — необыкновенную, поистине японскую, терпеливость соседа.

После на платформе, уносимые в разные стороны людским потоком, мы еще долго посылали друг другу всевозможные извинения, хотя, насколько понимаю, извиняться должна была одна я.

Человек в утреннем Токио что щепка или песчинка в бурном водовороте. Метро, улицы, трамваи, автобусы — все захлестнуто, запружено разлившимся людским половодьем.

У спуска в подземку приехавший, видимо, из провинции старик. Опустив поклажу на асфальт, оглушенный грохот машин и ослепленный мельканием лиц, подавленный бешеным темпом несущейся мимо него столичной жизни, он повторяет, ни к кому не обращаясь:

— Что же это такое? И куда это все спешат, все едут, едут и едут...

Действительно все едут и едут. Словно весь десяти-миллионный город сдвинулся с места и отправился в путь. Два раза в сутки — настоящее «великое переселение народов».

Ну, а как не быть этому «великому переселению», если тысячи и тысячи промышленных предприятий столицы разбросаны, распылены по самым разным районам города.

Известно, что структура японской промышленности чрезвычайно пестра. Наряду с крупными первоклассными

ми предприятиями существует масса карликовых заводов и фабричек, нередко ничем не отличающихся от ремесленных мастерских. Как ни странно, но в стране, идущей не только в ногу с крупнейшими капиталистическими державами, но по отдельным отраслям и обгоняющей их, свыше двух третей промышленных предприятий составляют мелкие и средние.

Людская река из подземки совсем не обязательно течет прямо к воротам ближайшего крупного предприятия. Конечно, основной поток, как правило, направляется туда, но сколько по дороге ответвляется от него маленьких человеческих ручейков!

Группами и в одиночку люди входят в какие-то двери, порой не отмеченные никакой вывеской, исчезают в проходах между серыми невзрачными домишками.

Куда, вы думаете, они идут?

Неказистая фанерная дверь на скрипучих петлях — это проходная, ворота карликового завода, на котором работает не больше десяти человек. Впрочем, бывает и меньше. Японская статистика отмечает огромное число предприятий в столице, на которых занято менее пяти человек.

Каждое утро вместе с рабочими транспорт осаждают тысячи служащих государственных, муниципальных, торговых учреждений, официанты и официантки ресторанов, баров, обслуживающий персонал отелей, продавщицы универмагов.

Конечно, разнообразие направлений, в которых текут, многократно перекрещиваясь и переплетаясь, людские потоки, — все это не может не осложнять работу столичного транспорта.

У большинства рабочих, спешащих в утренние часы, поездка к месту работы отнимает немало времени — час-полтора — это обычное явление. Конечно, наиболее удобное разрешение вопроса — снять квартиру недалеко от работы. Но в том-то и дело, что для рядового рабочего и служащего это совершенно неприемлемо — арендная плата за квартиры и дома в центральных районах города, так же как и вблизи промышленных предприятий, чрезвычайно высока. Поэтому подавляющему большинству рабочих и служащих приходится снимать квар-

тиры в отдаленных районах, в пригородах, порой за 60—70 километров от центра.

И мчатся переполненные электрички, поезда метро, автобусы и трамваи, торопясь за десятки километров, чтобы успеть утром привезти, а после конца рабочего дня отвезти в самых разнообразных направлениях вечно спешащих усталых людей, проводящих столько времени в жуткой давке токийского транспорта.

Столичные газеты большую часть всех транспортных неурядиц склонны приписывать узким улицам города. С этим нельзя не согласиться, хотя это и не единственная причина.

Лабиринт необычайно тесных улиц и переплетающихся переулков — бич столицы. Они не выдерживают тока крови города, отсюда — частая «закупорка сосудов». В Токио дороги и улицы составляют всего лишь 9,8 процента общей площади города, тогда как в Вашингтоне — 43, в Нью-Йорке — 35, в Лондоне — 23 процента.

Недаром в Токио колоссальное количество катастроф, самые высокие показатели смертности в дорожных инцидентах. Выход из создавшегося положения токийцы видят прежде всего в строительстве новых дорог, в расширении старых, в установлении строгого дорожного контроля.

В 1961 году столичный муниципалитет решил построить восемь новых магистралей, которые вместе со старыми должны были образовать автостраду вокруг столицы длиной 70 километров. К марту 1962 года две дороги были наполовину готовы, а строительство других вплотную приблизилось к деловым районам, где покупка земли требовала крупных ассигнований.

Управление токийского дорожного строительства подсчитало, что для прокладки дорог нужно снести 95 тысяч домов. Это освободило бы огромную площадь в 960 тысяч квадратных километров. Естественно, сделать это было не просто: на стороне частной собственности в капиталистическом государстве стоит закон.

Как-то в одном из управлений Столичной жилищной корпорации произошел любопытный разговор. Я интересовалась темпами и объемом строительства в

столице. Рабочий день кончился, и усталый управляющий был доволен, что не надо больше никуда спешить. Он охотно и подробно рассказывал:

— Строим мы довольно быстро. Но вот прежде чем начать строить... о, сколько надо разрешить всевозможных проблем, и первейшая из всех — земля! Знаете, сколько стоит земля в центральных районах города?

— Знаю, очень дорого.

— Ну сколько примерно?

— 300—600 тысяч иен за 1 цубо.

Управляющий засмеялся.

— Ваши цифры очень устарели. Это было, и, пожалуй, не так давно. Но сейчас в связи с постоянно расширяющимся строительством цены настолько стремительно растут, что даже в отдаленных районах города стоимость земли за последний год возросла в 30 раз!

— А сейчас, как бы это вам наглядно объяснить... — он оглядел комнату.

Мы сидели у низкого квадратного столика на больших шелковых подушках, за разговором неторопливо запивая японские сладости зеленым чаем.

— Знаете, сколько стоит этот кусочек пола, на котором вы сидите? Кусочек пола, что занимает ваша подушка?

— Ну, теперь я не решаюсь предполагать, — ответила я, — боюсь ошибиться...

— 3 миллиона иен.

Конечно, это ошеломляющая цифра. Я подумала, что позолоченные деревянные лепестки лотоса, на которых восседает Будда во многих японских храмах, стоят намного дешевле.

Впоследствии я не раз читала в газетах, что суммы, необходимые для завершения строительных работ, достигают астрономических цифр — 80, 120, 150 миллионов иен.

Решение Международного Олимпийского комитета о проведении в 1964 году в Токио Олимпийских игр в корне изменило и расширило первоначальные планы японского правительства по перестройке столицы. С такими дорогами, улицами, бесконечными «пробками», перебоями было немыслимо встречать олимпийцев, город больше

не мог откладывать серьезную реконструкцию, и больше всего это касалось транспорта. В сентябре 1964 года напряженная, изнурительная гонка была завершена. Двадцать две широкие просторные магистрали, пять высотных сверхскоростных автострад поднялись над городом на огромных бетонных опорах. К четырем ранее существовавшим и теперь удлинненным линиям метро добавились еще две новые. По словам мэра Токио Адзума, эти «олимпийские подарки» останутся столице как ценный сувенир.

Они действительно великолепны, эти сувениры. Широкие «олимпийские магистрали» — бетон, отсутствие светофоров и пешеходных троп, реклам и дорожных знаков, возможность беспрепятственно развивать скорость — все это устраняет причины, порождавшие раньше «пробки». По шоссе от аэродрома Ханэда до центральной части города теперь можно доехать за 20 минут. Несомненно, не угнаться сейчас Бикелу Абебу за токийским автомобилем!

Но транспорт не ограничивается автомобилями, для которых благодаря реконструкции на многие километры протянулась великолепная «зеленая улица», жми себе на газ — и летит, несется навстречу полоса гудрона, стремительно бросаясь под шуршащие шины.

Эта «зеленая улица» имеет свою предысторию. В период утверждения планов реконструкции города жители столицы неоднократно выражали недовольство ими. Казалось бы, почему? Ведь трудовое население все лето проводит в лабиринте раскаленных улиц, дышит влажным, отравленным бензином и гарью воздухом. Выезжать на лето в горы — привилегия немногих.

Но дело в том, что результаты реконструкции поразному выглядят для разных слоев населения.

По старым узким улицам, которые должны были исчезнуть, шел трамвай—самый дешевый вид транспорта, наиболее широко используемый наряду с метро и электричкой рабочими и служащими. При создании новых магистралей трамвай был снят, почти всюду его заменил автобус, где проезд значительно дороже.

Собственники, через участки которых пролегли олимпийские магистрали, получили довольно значительные

суммы, некоторым это даже помогло переселиться в аристократические районы.

Безусловно город стал красивее, современнее. Приехавшие со всего света гости олимпиады отдавали дань восхищения японской технике, необычным темпам и размерам осуществленного строительства. И только японский рабочий, у которого нет машины и, следовательно, нет возможности оценить все качества сверхскоростных автострад, каждый день, отправляясь на работу, отсчитывает лишние иены за дорогу.

Родэн в Уэно

В облике сегодняшнего Токио наряду с магистралями, автострадами, спортивными сооружениями, парками, домами и храмами немаловажное место занимает реклама. Цветовая, полыхающая радугой, лезущая в небо и ползущая вниз, чуть ли не под колеса автомобилей, реклама — неременная жительница торгового и делового центра.

Токийцы говорят, что Бродвею и Пикадилли далеко до Гиндзы. Вероятно, это так — подобное признание я слышала от двух журналистов — американца и англичанки. И это половодье огней, этот буйный разгул неона над улицами — явление, присущее не только Токио, а в той или иной мере свойственное всем японским городам.

Но у этих огней, где бы они ни сверкали, один общий покровитель — бог, который неустанно правит свою неистовую оргию, заставляя все новые города и городишки прорастать стеблями, упирающимися в небо, на которых по вечерам зажигаются неоновые соцветия рекламы. Имя этого бога — Дайкоку — дерзкий, всесильный, неумолимо жадный, жестокий бог наживы и торговли, он улыбается преуспевающему и отворачивается от потерпевшего.

Это в его честь каждый вечер зажигаются огни, язычниками пляшут иероглифы, сыплются холодные искры, мечутся и кричат и кричат всю ночь строчки...

— Покупайте... Покупайте... Пейте... Приобретайте...
Спешите...

— Продукция фирмы «Сони»...

— Автомобили марки «Синяя птица»...

— Крем «Пикасо»...

— Кимоно фирмы Мицукоси...

— Витамины... Шерсть... Теторон...

А бог Дайкоку все более и более требователен, он заставляет работать на себя лучших художников.

Посмотрите на оформление магазинов, всевозможных выставок, экспозиций новинок техники, образцов промышленных товаров — нельзя не заметить большого художественного чутья, вкуса, такта и глубокой национальной самобытности, которая и в современной рекламе присутствует мягко, ненавязчиво, порою не сразу открываясь глазу.

Даже вечерняя электрореклама, несмотря на то что в основе своей она сходна с рекламой западноевропейского и американского города, определенно отличается от нее. Пожалуй, она более утонченна, менее навязчива и криклива, еще более изобретательна и, как правило, говорит о незаурядном вкусе художника.

Природный самобытный вкус японца проявляется и в новой области — промышленной эстетике. Качества японской техники известны всему миру, и не менее известно, насколько мастерски японцы оформляют свою продукцию.

Разве можно не восхититься транзистором нежно-коралловым с белой полосой, в серебристо-черном, плотную пригнанном чехле? Кто сомневается, что гораздо приятнее взять в руки именно такую изящную вещь, чем с теми же качествами, но грубо оформленную? Любуясь белоснежным корпусом приемника «Хитати», четким силуэтом кинокамер «Сэконик» и «Канон», мы почти никогда не задумываемся о труде художника. А сколько эскизов пошло в корзину, прежде чем окончательно легли на кальку строгие линии электронного микроскопа, мотороллера или новейшей модели автомобиля! В том, что без усталости шагает по странам мира маленькая коралловая коробочка транзистора, есть и большая заслуга японского художника.

В оформлении цехов крупнейших предприятий, даже в том, каким шрифтом, каким цветом написаны там иероглифы (объявления, предостережения и прочее), чувствуется все та же ненавязчивая, но необходимая рука.

Вероятно, немалое значение в осуществлении замысла художника имеет специфика японской письменности — иероглифика. Иероглиф сам по себе чрезвычайно декоративен. Он дает такой необъятный простор фантазии художника, что любая реклама, начиная с изощренной, изысканной, большого цветового диапазона на Гиндзе и кончая простыми вывесками на окраинах, — любая из них благодаря иероглифу необычайно выразительна.

Иероглиф, графически изображающий какое-то понятие, ведет происхождение от первых пиктограмм, то есть примитивных рисунков. С дальнейшим развитием письменности происходило все большее абстрагирование от первоначальной натуралистичности рисунка. Написание иероглифа стало культивироваться — веками добились изящества в скорописи, доводя до совершенства, до высшей степени отточенности каждый штрих кисти по шелку или бумаге. С течением времени иероглиф становился все проще, лаконичнее. Но и до сих пор, глядя на него, не только воспринимаешь смысловое его значение, но и получаешь эстетическое наслаждение от строгой гармонии соотношений, четкости и легкости переплетающихся линий. Недаром в японском доме может висеть как картина, как украшение красиво написанный иероглиф.

А посмотрите, как живет иероглиф на японском бумажном фонаре. Именно живет, говорит, дышит. Как он ярок и вызывающе весел, когда фонарь зажжен, как он смеется и кривляется, едва фонарь начинает раскачиваться, собирая в гармошку свои гофрированные стенки, и как он бледнеет и гаснет вместе с пламенем.

А хороводы иероглифов на вечерней Гиндзе! Неоновые, аргоновые, синие, желтые, красные, фиолетовые, голубые, розовые... Стоят, бегут, прыгают, танцуют... На них хочется смотреть, закинув голову стоять часами, удивляясь выдумке, все новым и новым удачам художника, повернувшего их к вам так, что они превратились

в говорящие существа, лукавые и строгие, забавные и сердитые, надменные и радушные, злые, ласковые и спокойные.

Но как ни красив вечерний город с его живописной пестротой, еще более впечатляют праздничное освещение и украшение улиц. Национальный колорит становится тогда основным, ведущим мотивом в весьма современном облике города.

Ветки сливы, бамбука и сосны — символы долголетия и стойкости — можно видеть повсюду: будь то дубовые двери с медными дощечками многоэтажных зданий или сёдзи национального японского дома. Над улицами плывут, неторопливо покачивая светящимися боками, оранжевые и красные бумажные фонари. Звуки гонгов, вылетающие из храмов, смешиваются с гудками автомобилей. И тогда становятся явными те нити, которые связывают сегодняшний вид крупных японских городов с древним искусством оформления японского праздника.

Конечно, в создании современного облика города участвуют и рекламные щиты, вывески, плакаты с силуэтами крылатых коней и четкими подписями на английском языке: «Мобильгаз стандарт вакуум», «Калтекс», говорящими, разумеется, более о серьезных намерениях иностранных фирм, чем о желании украсить своими эмблемами улицы японской столицы. Однако в целом искусство оформления города, несмотря на современные, порой общие для всех высокоразвитых стран, средства технического исполнения, во многом остается очень самостоятельным. Такая самобытность проявляется и в оформлении японского дома с лаконичным искусством национального интерьера, которое в течение многих веков оставалось не подверженным иноземному влиянию. И теперь, несмотря на головокружительные шаги современной строительной техники, облик японского дома во многом представляется таким, каким он был сотни лет назад. Будь то современный отель — здание с бетонными стенами — или деревенский дом, все равно — очередь ботинок, туфель, дзори, гэта, босоножек у порога, необычайная чистота и хрустящая свежесть татами.

Правда, за последние годы в быт обеспеченного японца, в его домашнее окружение вошло множество

новых вещей — это не только телевизор и установки кондиционированного воздуха, но прежде всего европейская мебель, по-европейски оборудованные комнаты. Такой японец сегодня жалуется, что жизнь «на два дома» требует все новых и новых непредвиденных расходов, но тем не менее эти «два дома» не уступают друг другу — в национальном японском доме появляются комнаты с пластиковым полом, с креслами, диванами и книжными шкапами, а в квартирах многоэтажных домов хозяева обязательно оставляют одну-две комнаты в национальном стиле. Если же квартира мала, то хотя бы на метровом пространстве пола создается садик с карликовой сосной в плошке и каменным фонарем.

Любовь японцев к национальному дому сегодня еще очень прочна. Немалую роль в этом, видимо, играют те его качества, которые определены специфическими климатическими условиями, сделавшими этот дом именно таким, а не другим. Как не ценить возможность в удрушающую жару, попеременно открывая ту или иную из стен, создавать сквозняк или спастись от солнца!

Движения японки, раздвигающей сёдзи, каждый раз напоминали мне наш апрель, весеннюю мойку окон, первые распахнутые рамы, свежий ветер, рванувшийся в комнату, сквозняк, шевелящий волосы и глядящий щеки, когда вместе с чистотой сияющих стекол в дом входит простор неба с бегущими облаками, качание легкой сетки робких еще ветвей тополя или березки-горожанки, поднявшейся по соседству с серой толщей асфальта. Правда, лишь эта недолгая весенняя свежесть стекол способна создать иллюзию отсутствия преграды между комнатой и внешним миром. И в этом смысле светлые окна наших новых застроек с их огромной плоскостью стекла, изгнавшей дробность старых рам, с их стремлением занять чуть ли не всю стену, полностью используют все, в общем-то весьма ограниченные возможности сближения комнаты с внешним миром. Но вряд ли существует какой-либо другой тип дома, кроме японского, который так естественно, так гармонично, не нарушая красоты внутреннего пространства, может соединить его с окружающей природой, пустить в дом звон ручья и шорох игл низкорослых сосен. Правда, при этом всплывут в памяти

здания, созданные Миес Ван дер Роэ, Саариненом, Райтом, — прозрачные коробки из стали и стекла, маленькие виллы с полузакрытыми внутренними двориками и стеклянными стенами, едва приподнятыми над землей. Но ведь все основные черты современного стиля, в котором построены эти здания, далеко не новы, все это в той или иной мере было найдено и использовалось очень давно японской национальной архитектурой.

По словам французского архитектора Рагона, японская архитектура сейчас одна из самых современных и модных. Но если уж говорить о моде, то эта «мода» для японской архитектуры длится века. Те ее черты, которые вошли сейчас в общемировой стиль — каркасное строительство и его основные элементы, стены, не несущие никакой нагрузки, четкие ясные линии, сочетание здания с окружающим пространством, — всегда были древней органической сущностью, основой японского национального зодчества. И даже то, как оформляется современный интерьер, как подчеркивается архитектором незагруженность пространства, эти закрытые и полузакрытые внутренние дворики с деревянными решетками, тростниковыми и полотняными тентами — все это имеет самое непосредственное отношение к стилю японской архитектуры, японскому интерьеру, для которого прежде всего характерен простор помещений.

...Медленно ползут сёдзи, открывая светлые татами на полу и лишенные украшений стены; дом шагает в окружающий мир, и в то же время мир этот шорохом трав, лунной дорожкой на воде, замшелыми камнями ложится у самого порога, всплывает в него волнами ночной свежести, приглушенным звоном цикад, дыханием куста, обрызганного утренней росой...

Как-то в утреннем выпуске «Асахи» появилось объявление, что в парке Уэно будет экспонироваться выставка работ Родэна, привезенная из Франции. Днем об этом же сообщило радио. В метро я услышала разговор. Говорили две иностранки.

— Какая чепуха — Родэн в Уэно! Неужели не могли разместить выставку в другом месте? Это все равно, что поставить «Мыслителя» в японском интерьере, на татами. Абсурд! Он не будет смотреться!

На следующий день я отправилась в Уэно, очень японский парк, с красивыми низкорослыми соснами, с каменистыми дорожками и неумолчным стрекотом цикад, с чайными павильонами, где за раздвинутыми стенами действительно светлели татами.

Оказалось, рядом с павильоном, занятым под выставку, — ультрасовременное здание — кино и танцевальный холл. Серая пористая масса облицовочных плит сплошь усеяна дырками, вместо окон асимметрично разбросаны амбразуры, членящие фасад.

И тут же рядом, посредине дворика, образованного этими зданиями, прямо под открытым небом сидел «Мыслитель», а чуть поодаль, в глубине, ближе к стенам, темнела группа «Граждане Кале». У ног их, уткнувшись в каменный газон, лежала треугольная тень от «модерного» холла.

Несомненно, создатели экспозиции проявили незаурядный вкус и такт. Пожалуй, трудно было найти более удачное место для группы «Граждане Кале». Здесь под открытым небом, на земле Хиросимы и Нагасаки, трагедия прошедшей эпохи обрела современный голос, неожиданную способность языком образа говорить «через века» о вполне понятном и близком для японца, переключаясь с его сегодняшним днем, с судьбами его страны.

Соседство современной архитектуры не меняло облика этих вещей, скорее оно выступало просто показателем разных ступеней исторического развития в общем поступательном движении человечества. И смотрелось это так, как смотрится древний японский «сад камней» рядом со стеклянным кубом современного здания или статуя Венеры и Олимпийский факел на фоне четких линий овальной чаши Национального стадиона.

Не знаю, смотрелся ли бы «Мыслитель» на татами, в сравнительно небольших габаритах японского интерьера с низким потолком. Возможно, что и нет. Но древний японский сад, каменные газоны, бамбуковые домики с раздвинутыми стенами, новейшая архитектура — творения зодчих XX века и работы Родэна — весь этот комплекс выглядел исключительно гармонично.

Когда мы говорим об общечеловеческой материальной

и духовной культуре, это нередко звучит абстрактно. А вот тут, в японском парке Уэно, с удивительной наглядностью, может быть, даже слишком наглядно, словно студенческое пособие, был продемонстрирован живой кусочек такого органического единства, которое складывается веками и в создании которого участвуют разные народы.

Выставка в парке Уэно убедительно свидетельствовала о все более активном взаимодействии всего японского со всем неазиатским. Органическое слияние, именно слияние, а не холодное нейтральное соседство Востока и Запада стало основной из характерных черт современной Японии.

Дожди, землетрясения и тайфуны

Я приехала в Японию в середине июля. Сезон дождей — «цую» уже окончился. В течение полутора месяцев, начиная с середины мая, дождь сплошной пеленой окутывает страну. Я очень жалела, что не застала «цую», хотя мои товарищи, приехавшие раньше, с сомнением покачивали головами: «Есть о чем жалеть, зачем это вам понадобилось день и ночь ходить насквозь промокшей и слышать бесконечный шум воды?»

А я жалела, что не слышала этого шума. Мне кажется, что слушать дожди очень интересно. У каждого дождя свой голос и свои повести, и он обязательно несет приметы земли, в которой рождается. Любой из нас прекрасно знает голоса российских дождей. Да и как не знать, если шорохи их идут за нами с далекого детства и память хранит неистовый гул весеннего дождя, короткого, внезапного, хмелеющего, словно озорной мальчишка, от собственной энергии, и спокойную широту и щедрость летнего, и тихую безысходность осеннего. Они, эти заунывные осенние дожди — самые интересные рассказчики. Неторопливо тянут они над землей свою мокрую сеть и рассказывают долго, с каким-то философ-

ским раздумьем, вполголоса, а то и шепотом удивительные истории.

Вот в такие дни хорошо шагать по московским улицам, теряющимся в тумане, когда струйки то сердито, то миролюбиво выстукивают по тонкой скорлупке зонтика и тысячи маленьких капель, как добрый спутник, шлепающим шажком семят рядом.

Но японские дожди, если сослаться на литературу, отличаются совсем иным нравом. Поэты пишут о них так:

Иглы падают, падают, летят иголки.
Тепловатые гвозди сыплются колко
С неба без отдыха и без срока...
Сезонный дождь, полный яда и тлена,
Где льется, в каком уголке вселенной?
Только здесь, только в нашей стране востока!
На черный забор, черные черепицы,
На японский дом, что глядит темницей,
Льет он, и льет, и льет без просвета... *

Дождевые ливни и в особенности тайфуны и землетрясения — это столь национально-характерные для Японии явления, сколь Фудзияма — частица японских островов, а Валдай — кусочек Средней России.

Июль—август — очень жаркие месяцы в Японии. Иностранцу первые дни, пока он не акклиматизируется, кажутся невыносимыми. Термометр показывает 30—40 градусов в тени при 80—82 процентах влажности. Воздух обжигает и липок. В чистом, без единого облака небе неподвижно висит раскаленный солнечный диск. Вер, установки холодного кондиционированного воздуха и вода со льдом на каждом перекрестке — единственные союзники в тяжелой борьбе с климатом. Если вы по старой московской привычке быстрым шагом выйдете утром из дому и заспешите к автобусу, не более как через пять минут вам станет ясно, что московские темпы не годятся для Токио — горячий воздух приклеивает рубашки и платья к спинам, пот струйками течет по лбу, дышать становится трудно, а сердце трепещет где-то у горла. Основываясь на горьком опыте, мы вскоре выработали

---

* Есано Кан, *Майские дожди*, — сб. «Японская поэзия», М., 1954.

«теорию экономии движений», которую причислили к арсеналу активных средств борьбы с климатом. Однако даже это средство не всюду было одинаково действенным.

В первые дни после приезда мы ходили измученные духотой, оглушенные ревом и шумом несметного числа машин. Один из наших товарищей, самый живой и неутомимый, как-то особенно ловко обмахиваясь всером, с удивлением произносил: «У меня полное ощущение, что я в парилке хорошей русской бани. Стоило за семь верст киселя хлебать, затруднять персонал стольких авиакомпаний, чтобы попасть в... Сандуновские бани». Впрочем, не легче в такие дни и японцам. У многих из них на шее повязано маленькое полотенце — носового платка здесь не хватит, чтобы утирать потоки пота, струящиеся по лицу.

За все дни июля и начала августа не выпало ни одного дождя. Из года в год обычная для этого времени жара превращается в катастрофу для города. Люди больше пьют, больше моются, больше стирают, а воды становится все меньше — пересыхают водохранилища. Водохранилище Мураяма в западной части Токио, вмещающее обычно 185 миллионов тонн воды, высохло до такой степени, что в некоторых местах обнажилось дно. Водный голод упорно подступал к городу. Как всегда, первыми жертвами стали рабочие районы, во многих кварталах отключили воду, чтобы подать ее в центр, перестали работать водонагревательные колонки, нельзя стало мыться. Как-то попав в Нэрима (северная часть Токио), мы оказались свидетелями надолго запомнившейся картины. В конце узкой пыльной улицы у колонки стояла очередь. Старики и женщины под палящим солнцем часами качали воду в маленькие квадратные ведра. Струя воды то била, весело играя на солнце, то, сжавшись в тоненькую нить, исчезала совсем. Когда ведра отнимали, капли скатывались в пыль, мгновенно превращаясь в мохнатые шарики. Понурые собаки, сидевшие около колодца, с жадностью бросались и слизывали их...

Жажда... Жажда царила в этих убогих улочках, где домишки, сколоченные из досок, неказистые, тесно прижатые друг к другу, знали цену каждой капле воды.

А в центре, в богатых кварталах, в дорогих отелях

воды было достаточно. И каждый из нас вспомнил, как, приходя вечером после работы, мы открывали краны в ваннах. Одно движение — и вода, холодная, как российские ключи, горячая, как японское солнце, щедрая, добрая, лилась в наши руки и не было конца этому водопаду. А совсем рядом, в Нэрима, Сэтагая, Адати сотни тысяч человек выстраивались с ведрами у колонки. Контрасты капитализма вставали перед нами в живом беспощадном свете.

А солнце все палило и палило... С раннего утра оно лизало своим раскаленным языком поверхность рек и водоемов, десятки тонн воды улетучивались за день. Ни четыре огромных водохранилища, ни десятки резервуаров не могли обеспечить город водой. И что удивительного? Население столицы столь велико, что при существующей системе водоснабжения на человека приходится 400 литров воды в сутки — почти вдвое меньше, чем в столицах крупных капиталистических стран.

В метро люди хмуρο листали страницы газет — прогнозы были неутешительны. Мало надежд было и на многочисленные проекты, при помощи которых правительство предполагало выйти из тупика.

Один из них намечал создание огромного водохранилища в Мусаси (префектура Сайтама). Вода в него должна была поступать из реки Тонэ. Строителям предстояло создать канал длиной 76 километров, соединяющий русло реки со строящимся водохранилищем, и проложить 114-километровый водопровод, подающий воду из Мусаси в центр Токио. Общая стоимость работ оценивалась в 66 миллиардов иен. Завершить основную часть строительства предполагалось к 1967 году. Согласно второму проекту, к северу от Токио, в префектурах Гумма и Нагано, должна быть возведена гигантская 125-метровая плотина, которая создаст озеро, вмещающее до миллиарда кубометров, и это позволит обеспечить водой около трех миллионов жителей Токио. И, наконец, третий проект, дополняющий первые два, предусматривал использование четырех небольших озер у подножия горы Фудзи для снабжения района Токио — Иокогама.

На улице теперь можно было часто слышать разговор об этих проектах:

— Са-а, — с присвистом тянул пожилой японец, обращаясь к своему собеседнику, — хорошо читать столь оптимистичные прогнозы, но как вы думаете, Ямада-сан, если бы к этим прогнозам да еще хороший дождь! Содэс ка? (Не так ли?)

— Хай, со дэс (Так, так, вы правы), — кивал собеседник, и оба вскидывали головы к безмятежному ясному небу.

Только мы не ждали ни дождя, ни падения температуры. Мы были твердо убеждены, что раскаленное солнце на безоблачном небе — неизменно для Японии. «Иначе не бывает, не было бы хуже», — мы даже способны были шутить. Но, оказалось, бывает иначе.

Август перевалил на вторую половину, когда однажды днем мы услышали за стеной не то шум, не то гул. В помещении потемнело. За распахнутой дверью возникла ощутимо плотная стеклянная стена, свитая из многочисленных струй воды.

Это было не похоже ни на один из дождей, которые нам приходилось видеть в своей жизни. Тонны воды низвергались с неба. Словно рухнула гигантская плотина, и тяжелая стеклянная лавина хлынула на землю. Самым странным казалась ее неиссякаемость и равномерность. Не усиливаясь, не затихая, с ровным глухим шумом, с каким обычно идет поток тяжеловесного зерна в элеваторе, струи падали под одним и тем же углом, и били, били, били с одинаковой силой по стенам серых «билдингов», по низким кривым соснам, по двухэтажным деревянным домишкам. На улицах не было людей. Казалось, не успеешь спрятаться — не только в одну секунду промочит до нитки, но и прибьет, прямо-таки пришлепнет, придавит к асфальту. По мостовой, сшибаясь и закручиваясь воронками, мчались грязные потоки. Канализационные стоки не успевали поглощать воду — в некоторых местах во всю ширину улицы разливалось мутное «море» глубиной до полуметра. Запоздавшие машины не шли, а плыли среди стремительных водоворотов, урча и отфыркиваясь.

Минутная стрелка перешагнула двадцатую ступеньку, а сила ливня все не убывала. Светлое это половодье, как никогда, было нужно серому, прокопченному городу,

где трубы безнаказанно бросают хлопья сажи на зеленые листья, на крыши и легкие. Оно необходимо было не только для удовлетворения жажды, но и для того, чтобы смыть всю гарь и копоть, тоннами оседающую на трудовом лице столицы, вымыть и выполоскать все поры этого человеческого муравейника. Недаром японские газеты, глубоко уважающие статистику, сообщали, что на один квадратный километр города ежегодно выпадает до 20 тонн гари. Глядя на кружившие у канализационных стоков густо-черные потоки, в которые превращались струи, падающие с неба, можно было думать, что это вполне вероятно.

К концу августа в газетах замелькали иероглифы «тайфун» и «дзисин», что означает «тайфун» и «землетрясение». Японцы привыкли к этим страшным словам, как к чему-то обычному. И действительно, приходит осень — приходят к побережьям молочные туманы, в которых плутают и разбиваются корабли, один за другим мчатся, как черные демоны, тайфуны, где-то в Тихом океане рождаются гигантские волны цунами и катят свои многотонные грохочущие валы на маленькие клочки земли, затерянные в водной глади.

Что за земля! Прекрасная, как сказка, которую только может создать богатейшее человеческое воображение, и вместе с тем столь суровая, столь бесчеловечно жестокая к человеку.

Улягутся тайфуны, начинают вздрагивать глубины земной коры, отражаясь на поверхности стремительными толчками, корежа и разрывая оболочку островов, пуская огненные языки в города с бамбуковыми стенами, горячей патокой лавы обливая головы вулканов, а заодно и деревни, лежащие близ них.

За осенью придет зима с холодными ветрами с океана, пронизывающими дрожащие и трясущиеся острова насквозь. Закутавшись в теплое кимоно и хаори*, японец переживает зиму в своем не приспособленном к холодам доме, грея озябшие руки у жаровни. Лишь в современных многоэтажных домах центральное отопление

---

* Хаори — короткое кимоно (до колен), надеваемое поверх другой одежды.

и установки искусственного воздуха своим теплым дыханием согревают помещения.

Кончается зима, и наступает наконец самое прекрасное время в Японии — весна. Бело-розовыми волнами лепестков цветущей сакуры хлынет она на острова. Будет синее-синее небо, и мягкие краски земли и воды будут таять и плавиться в сиреневой дымке, бросая пастельные оттиски своих отражений на ткани женских кимоно. Вся Япония тогда — и небо, и море, и горы, и белые города — красочна, как никогда.

Но не успеют теплые ветры отогреть как следует людей и землю — приходит сезон дождей, каждый раз стремящийся сравнять эту необыкновенную страну с безбрежной гладью океана. А потом в туман, в пропитанную влагой почву ударят огненные копыта солнца, и закурится она горячими душными испарениями. Солнце будет палить все сильнее и сильнее, и раскаленные потоки влажного воздуха плотно окутают горы и долины, крутясь над островами, как пар над кипящей кастрюлей. Пойдет на убыль сентябрь, смягчится в своем неистовстве солнце, наступит чудная, ласковая, щедрая осень с тихими закатами на коричневых пляжах, с красно-желтыми пожарами листьев в горах. Но и это недолго. Снова жди тайфунов, которые за несколько часов уничтожают весь труд земледельца. Вчера еще такие виды на урожай обещала земля, обильно удобренная потом, земными поклонами и ведрами воды, вручную вылитыми под каждый зеленый стебелек, сегодня — черное пустое поле. Мало того, что поле пусто, но сорвало и крышу с дома, унесло живность. Хорошо хоть сами живы. Девиз японского труженика, выработанный веками: «Раз живы сами — все можно пережить. Нужно начинать сначала».

Стойкость японца поистине неистребима. Его воля, его трудолюбие, его упорство в борьбе с коварно-капризной природой заслуживают особого уважения.

Многие черты национального характера японца своими древними истоками имеют эту никогда не прекращающуюся борьбу с природой.

...Приближались сентябрьские дни. Целое лето мы прожили спокойно: центральный остров Японии — Хонсю

не трясло. Так бывает довольно редко, ведь в среднем в Японии на каждый день приходится около четырех толчков. В эти летние месяцы не трясло Хонсю, так полегоньку подбрасывало то Кюсю, то Сикоку, то острова, лежащие к востоку в Тихом океане, так что в общем цифра «четыре толчка», видимо, все время оставалась неизменной. К таким толчкам японцы хотя и прислушиваются, но обращают на них минимум внимания.

Но 1 сентября эта, казалось бы, привыкшая к самому невероятному страна ожидает с какой-то внутренней тревогой. Хотя прошло сорок лет со страшного 1 сентября 1923 года, до сих пор каждый первый день девятого месяца для японца полон неизвестности и затаенной угрозы.

Первое сентября 1923 года... 15 минут что-то колокотало и взрывалось в чреве планеты. Острова, и без того постояннодвигающиеся и дышащие, хмурили свое чело, то собирая, то разглаживая тяжелые складки, и творения человеческих рук — многотонные, многоэтажные машины пушинками подскакивали вверх, рассыпаясь, как пирамиды из детских кубиков, небрежно задетые ногой взрослого.

Эти 15 минут дорого обошлись японскому народу. Свыше 150 тысяч человек погибли при землетрясении, обуглились в обжигающих сполохах пожаров, охвативших деревянную столицу. Только на одной из токийских площадей буквально истлели в дыму свыше сорока тысяч человек. Весь район Токио — Йокогама — был начисто разрушен. Ущерб, причиненный хозяйству страны, исчислялся в 5 миллиардов иен.

Правительство не сумело организовать спасение жителей. Тысячи людей сгорели, задохнулись от дыма, были погребены под обломками зданий. Оставшиеся в живых мучились от жажды, голода и ран, ночами замерзали от холода. Свыше трех миллионов человек лишились крова. Изуродованные трупы разлагались среди руин. Началась эпидемия.

В столице росло возмущение бездействием правительства в страшные дни катастрофы. Для того чтобы отвести от себя народный гнев, правительство распускало слухи, что в беспорядках виноваты социалисты, комму-

нисты и корейцы, поджигавшие дома и отравлявшие колодцы. Начались страшные погромы, белый террор, обрушившийся на рабочих и коммунистов. Во время только одного погрома в Токио было убито свыше четырех тысяч корейцев, в течение первых трех дней арестовано 1300 человек. Долго еще тянулся в памяти кровавый след 1 сентября 1923 года, припечатанный огненными языками пожаров, страданиями жертв спровоцированных репрессий. Есть в Токио, в районе Сумида, огромный храм-мавзолей, где хранятся сотни бочонков с костями жертв землетрясения и террора. Каждый год 1 сентября тысячи токийцев собираются к храму, чтобы почтить память своих погибших родственников. Мы знали историю этого страшного землетрясения и в последние дни августа вместе со всей Японией прислушивались к сообщениям газет и радиопередачам. 30 августа землю, улицу, пол под нами несколько раз качнуло. Правда, почти незаметно, но, поскольку это было за два дня до знаменитой даты, несколько настораживало.

Первое сентября было тихим, жарким, сверкающим, как последние дни августа. Прошло оно спокойно, и только ночью начались толчки. Я проснулась от странного ощущения, что что-то происходит, хотя все вокруг было спокойно и отель мирно спал.

Вдруг где-то глубоко внизу, в том «низу», который обычно не ощущается вследствие его постоянной неподвижности, что-то вздрогнуло и двинулось, и тотчас одна стена поползла вверх, кровать накренилась и как отклик на это непривычное ощущение какой-то холодок покатился «под ложечку». В нашем многоэтажном отеле толчки смягчались антисейсмичной конструкцией здания, но тем не менее качающиеся кровати легко выбросили сонных людей на пол.

Японские деревянные домики ходили в эту ночь ходуном, раскачивались светильники, звенела и падала посуда. Слабо сколоченные хибарки бедноты, натужно треща, разлезались по швам. Кое-где треснули дамбы и рухнули мосты. Но специалисты объявили, что землетрясение было не больше трех баллов. А всего в таблице — семь!

Правда, мы видели, как мгновенно превращались в груды досок деревянные дома и как раскалывались многоэтажные гиганты, некоторое время качаясь и упираясь в уходящую из-под ног землю, как сраженный солдат, перед тем как рухнуть. Мы это видели только в кино, к нашему счастью, но подобные кадры даже на полотне экрана здесь, в Японии, отдавались в душе гулким ужасом.

В течение всего пребывания в Японии нам ни на один день не удавалось забыть о вулканическом происхождении островов. Толчки разной силы и длительности бежали сплошной цепью, вспыхивая то в центре, то на севере, то на крайнем юге страны. До самого отъезда мы так и не привыкли к этой «обыденной» черте японского национального быта.

В конце сентября станции метеослужбы сообщили о приближении тайфуна. Было сказано, что в 2 часа дня он обрушится на столицу. Радио и газеты объявили об окончании работ на всех предприятиях города в 12 часов дня. Накануне в каждый номер нашего отеля принесли тоненькую книжечку в три листочка — инструкцию о поведении во время тайфуна. Дирекция отеля просила не выходить на улицу, не открывать окон и проявлять максимум терпения, спокойствия и организованности во время тайфуна.

Утром, сидя в автобусе, отвозившем нас на работу, я вела с собой «внутренний разговор» на два голоса.

— Значит, так-таки и просидишь в отеле, в номере с наглухо завинченными окнами и плотными шторами? — говорил первый голос.

— Угу, просижу. Что поделаешь! Чужая страна, чужие порядки. Опять же инструкция... — отвечал второй.

— И будучи впервые в стране — отгородиться от нее бетонными стенами, не увидеть самой, своими глазами, не почувствовать... — удивлялся первый голос.

— Но ведь можно видеть своими глазами многое, но... не обязательно тайфун! — защищался второй.

— А что тайфун — это не часть жизни японца? — ехидство звучало вполне откровенно. — Или его лучше видеть чужими глазами?

Второй голос что-то неразборчиво мямлил, а первый весьма отчетливо резюмировал:

— Боишься.

— Не-ет, — тянул второй.

— Ну так в чем же дело?

На этом диалог прервался, ибо наш шофер последним лихим разворотом руля подкатил автобус к самому подъезду, и все заспешили к выходу.

В 12 часов работа закончилась, и, когда схлынули толпы токийцев, спешивших добраться до дому, я тихонько подошла к створкам дверей и выглянула на улицу. Там было темно, во всяком случае больше было похоже на сумерки, чем на полдень. Совсем рядом что-то громко выло, как будто где-то в горах в глубоком ущелье металась ночная вьюга. Не понимая еще до конца, в чем дело, я выскользнула наружу и пошла между низкими деревянными строениями. Это выл ветер, однако внизу еще было полное безветрие. Вой шел сверху, где ветер кружился в спустившихся тучах, и, видимо, вся сила, которую он собирался обрушить на город, была еще впереди. Однако очень скоро крутящиеся струи спустились вниз, и двигаться стало трудно. Можно было идти только в ногу с ветром, идти навстречу его полету было бессмысленным занятием. Грязные потоки воздуха, в которых кружились щепки и обрывки бумаги, подхватили меня и потащили, толкая по улице с такой же легкостью, с какой они несли миллионы соринки. Светлое платье, выглаженное только утром, в несколько минут превратилось в серую тряпку. За ворот сыпались бесконечные пригоршни пыли, сухой и колючий песок скрипел на зубах, а волосы, густо напудренные суглинком, стали тверже парика. Рядом со мной, как бы очерчивая линию движения ветра, летели полотнища сорванных бумажных вывесок с мелькающими красными и черными иероглифами, жестяные указатели на треугольных подставках, с грохотом катились мусорные урны, выдернутые кустарники растопыренными корнями, как руками, цеплялись за мостовую. Сила ветра удесятерилась с каждой минутой. Тайфун стремительно приближался.

И тут меня потащило на мостовую. Я отчаянно упиралась, сразу вспомнив страницы японских газет, где

подсчитывались жертвы, брошенные тайфуном под колеса автомобилей. Короткая эта борьба окончилась бы, конечно, не в мою пользу, если б не телеграфный столб, внезапно возникший за пеленой пыли. Я неслась к нему, как к своему спасителю, не задумываясь о том, что встреча может оказаться не столь уж приятной. Наконец наше свидание состоялось. Вытянув вперед руки, я попыталась смягчить силу удара. Но все же он, наверное, был не меньше знаменитого удара дяди Митрофанушки о прилоку конюшни, когда резвый конь внес его туда на полном скаку.

— Целы ли ворота, то бишь столб? — спросила я, потирая лоб. Столб был цел, он стоял, как все японские столбы, прочно и плотно был облеплен многочисленными полосами объявлений с крупными черными иероглифами. Одно из объявлений было оторвано ветром и махало листом прямо над моей головой. На этом куске листа, как крылом осенявшем мою голову, было два крупных иероглифа — счастье и спокойствие.

Непонятно, почему таким страшным бедствиям, как тайфун, во всем мире даются красивейшие женские имена — Нэнси, Юнона, Флора? Но обдумать этот вопрос до конца мне не удалось, с неба хлынули потоки воды, мгновенно охладившие голову и отбившие охоту заниматься размышлениями. В первую минуту было очень неприятно, как будто на тебя неожиданно вылили бочку воды, ну а потом — бочкой меньше, бочкой больше — как-то стало абсолютно все равно.

— Гамбарэ, мисс, гамбарэ! (Держитесь!) — рядом послышался скрип тормозов, и из-за стены дождя выскочило такси.

В двух шагах от меня упала сорванная ветром вывеска с железными крючьями.

После мы ехали по пустому мертвому городу. Он был сер и глух, закрыт и завешен, застегнут, как мундир до самой последней пуговицы. Улицы были абсолютно пусты. Японцы — народ дисциплинированный, вспомнила я.

Машины подбирали последних пешеходов и развозили их по домам. Общественный транспорт не работал. И вдруг... проезжая около большого универмага, я уви-

дела его освещенным, как всегда. К величайшему моему изумлению, он работал!

Фирма точно учла психологию работающего, вечно занятого человека. Освободившись намного раньше обычного срока, каждый стремился забежать сюда на несколько минут и сделать одну-две покупки.

Через несколько минут я была у отеля.

Пока я сделала два шага, отделявшие машину от подъезда, на меня вылилось еще бочки три воды. В сверкающий начищенный вестибюль я вошла, предварительно вылив воду из тувель.

— Са-а! — только и мог выдохнуть мой знакомый мальчишка — бой, выскочивший из-за конторки и со всех ног бросившийся открывать мне лифт.

— Гарина-сан*! Вот ваши ключи! О-цукарэ сама дэсита! (Извините, что вас утомили!) — Это он извинялся за тайфун!

Но я не имела претензий к погоде. Вид у меня, конечно, был не блестящий, но зато я была горда тем, что хлебнула настоящего японского тайфуна. В платье, с которого текло и капало, я прошествовала в вылизанный до блеска, услужливо распахнутый розовый коробок лифта.

Но уж если быть точной — то, что я видела, было только началом тайфуна. Настоящее действие его я увидела час спустя по телевизору. Тайфун, шедший широким фронтом на Токио, вдруг сменил направление, и вся сила его обрушилась на Осака. От кадров, сменявшихся на экране, веяло ужасом: вырванные деревья, начисто разрушенные дома, засыпанные обломками, дымящиеся трамвайные пути с растерзанными маленькими вагончиками. Сухие цифры без всяких комментариев шли за этими кадрами. Беспощадная их объективность была самой яркой иллюстрацией — 260 человек убиты и ранены, разрушено 216 домов, снесена плотина, затоплен целый район.

Теле- и кинооператоры работали рядом с пожарными и спасательными командами. У тех и других на головах

---

* Гарина-сан — Галина-сан. В японском языке нет буквы «л», вместо нее употребляется «р». Сан — суффикс вежливости.

были белые широкие каски — труд их был одинаково опасен в зоне тайфуна. Защищая камеры и «юпитеры» от воды, они делали свое обычное дело, ибо телевизионные фирмы и кинокомпании были заинтересованы в том, чтобы как можно раньше, опередив других, выпустить на экран ленту о тайфуне. Это была не укладывающаяся в наши представления специфическая категория японского «обычного», хотя мы понимали, что и тут, рядом с человеческим несчастьем, рука об руку, не отставая ни на шаг, шла конкуренция.

И надо отдать должное мастерству операторов и работников телевизионных компаний, отснявших и выпустивших ленты на экраны буквально через два-три часа после начала тайфуна, — они были сделаны с профессиональным мастерством и блеском. Вся страна смотрела этот «фильм ужасов». Но нельзя было не задуматься над тем, что было бы гораздо меньше разрушений и жертв, если бы государство строило новые плотины и своевременно ремонтировало старые. Тогда бы не повторялась страшная история Нагой — огромного города, затопленного из-за того, что во время тайфуна рухнула плотина, давно нуждавшаяся в ремонте.

Тайфун бушевал почти двое суток.

Наши товарищи, ехавшие в Осака, попали почти в эпицентр тайфуна. Поезд остановился в ущелье, и это спасло его, хотя и здесь вихрями, метавшимися между гор, так швыряло и качало вагоны, что в течение суток запертые в этой воющей трубе голодные и невыспавшиеся люди пребывали в величайшем напряжении, ожидая каждую минуту катастрофы.

Но прошел тайфун, и, едва улеглись его свирепые потоки, вышли на улицу люди, расчищая завалы, восстанавливая плотины и дома, воссоздавая с величайшей точностью все, что было раньше.

И это было похоже на длительное единоборство, на нескончаемый спор, который ведется веками и тысячами лет между необузданными силами природы и маленьким человеком, у которого всего лишь две руки и которого любой из вихрей тайфуна может легко сломать, как соломинку.

И все же... Проходят тайфуны, землетрясения или

цунами, страшная, изуродованная земля, как гримаса дракона, остается за ними. Но спор не закончен. Человек еще не сказал своего последнего слова. Он поднимается. Размечаются руины, залечиваются раны, отстраиваются города. И не было еще случая да, вероятно, никогда и не будет, чтобы последнее слово не осталось за человеком. Страна, носящая с древности прекрасное имя «страны восходящего солнца», дает нам в этом никогда не умирающие примеры.

Не вбить колья в наши сердца!

Как-то в метро на одной из скамеек у края платформы мы заметили два белых листка. Оказалось, это листовки против американских баз на японской земле. Чьи-то бесстрашные руки разбрасывали эти белые листочки, ежеминутно рискуя быть стиснутыми полицейскими браслетами. Тем не менее белые листочки с красными и черными иероглифами встречались нам не раз во время поездок по стране.

Один из них мне запомнился более других. Он начинался с любопытного разговора с читателем.

— Что ты думаешь о своей стране? Это суверенная, независимая держава?

— Да, — ответишь ты, — Япония одна из сильнейших стран мира, у нее есть конституция и правительство, государственный флаг и национальный гимн, она член ООН.

— Все это так. Ну, а как совместить это с иностранными базами на японской земле? Базы — это японская территория, не принадлежащая японцам, это чужая армия и флот, чужие самолеты, вспарывающие постоянным ревом тишину японского неба, чужая речь и обычаи, бесцеремонно разместившиеся у тебя дома...

Действительно, Сан-францисский мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 года между Японией и США, провозгласил Японию суверенным государством. Но в тот же день был заключен «договор безопасно-

сти» — военное соглашение между США и Японией. Оно позволяло американцам держать в стране свои войска, создавать любое количество военных баз.

Народ Японии не смирился с судьбой, приготовленной ему американской военщиной по договоренности с японской реакцией. В течение десятилетнего существования «договора безопасности» шли бесконечные сражения, стычки между крестьянами, защищавшими свои крошечные поля, и американскими солдатами, превращавшими их в полигоны.

Когда в 1959 году начались переговоры о заключении нового японо-американского военного соглашения, вся трудовая Япония поднялась в едином порыве. Кинопленки донесли до нас неистовую бурю народного гнева, голос многомиллионных демонстраций протеста против нового «договора безопасности». Слезоточивые газы, полицейские дубинки, перевернутые пылающие машины, стоны раненых и крики демонстрантов — все было схлестнуто на этих правдивых кинопленках в один клочущий поток, бьющийся о гранитные плиты парламента. Там, за тяжелыми стенами, под защитой многослойных полицейских цепей, правительство Киси, используя последние возможности пребывания у власти, пристегивало свою страну к упряжке Пентагона.

По новому «договору безопасности» американцы сохранили за собой право создавать базы на территории Японии. Только за последние годы перестроены, расширены и превращены в аэродромы для крупных реактивных самолетов аэродромы Мисава на севере Хонсю, Ёкота и Ацуги вблизи Токио, Ивакуни в префектуре Ямагути, Итадзукэ на острове Кюсю. Предполагается расширить базу радарных установок Вакканай на крайнем севере острова Хоккайдо.

Как-то в электричке мы увидели двух молодых людей, усердно склонившихся над какой-то яркой картой. Потом выяснилось, что это члены Комитета мира из города Фукуока. На карте были изображены японские острова, затянутые густой сеткой коммуникаций. Во многих местах узлами, стягивающими ячейки этой сетки, были базы — американские и базы японских «сил самообороны». Каждая из них обозначалась языком пламени,

бьющим прямо из-под земли. Японские острова на этой карте представляли утыканными безнаказанно бушующими очагами пожара, грозящими охватить всю страну. Сетка коммуникаций, словно серый дым, стелющийся по островам, усиливала это впечатление.

Мы разговорились. Ребята рассказали о многом, и кое-что оказалось для нас откровением.

В первые дни пребывания в Японии мы заметили, что ни в одном из маленьких городков, ни на дорогах, ни тем более в столице нам не встретился ни один американский солдат, ни один военный «джип» или танк. Время, когда для развязных янки вся Япония была прогулочным парком, давно миновало. Ненависть к американской военщине и ее планам, решимость многотысячных демонстраций, требующих вывода американских войск и уничтожения баз, красноречивые лозунги: «Янки—домой!» — заставили заокеанских вояк сменить методы и стиль поведения.

Американские военнослужащие теперь стараются не появляться в военной форме за пределами территории своих баз, танки и другая военная техника действуют лишь в районе полигонов и маневренных зон. Во всех других местах американец обязательно в штатском. В Токио в субботу в барах, ресторанах развлекается масса молодых светловолосых парней, и только по их военной выправке, которую не может скрыть просторная рубашка, можно определить, что это получившие увольнение солдаты или матросы американского флота. Японцы с ними сдержанно вежливы — здесь они гости, посетители. Но порой и гостям вежливо, но безапелляционно говорят — вы нам нежелательны. Есть бары с надписью: «Только для японцев».

Многие западные авторы считают одной из основных черт японского характера сдержанность. Действительно, японцы очень сдержанны в проявлении чувств. Часто в метро, в автобусе, разглядывая лица пассажиров, мы пытались строить догадки, определить, чем занимается, как живет и о чем думает человек, сидящий напротив. И в большинстве случаев приходили к выводу, что это невозможно. Лицо замкнуто, а глаза — темные, бездонные колодцы, в которые, как в безвозвратные глу-

бины, погружается ваш взгляд. Но жизнь изменяет не только облик японской земли, но и характер народа — мы наблюдали и качества, рожденные новыми поворотами жизни. В маленьких рабочих кафе, где по вечерам собирается молодежь, на профсоюзных митингах и митингах солидарности, в откровенных беседах с молодыми японками, живо интересующимися жизнью советской женщины, эти, казалось бы, совершенно непроницаемые лица становились такими открытыми, такими понятными, с ясным, доступным светом глаз и улыбки.

А демонстрации протеста против американских баз или против захода американских атомных подводных лодок в японские порты!

Буря неистовых чувств, стиснутые кулаки, горящие глаза — трудно представить себе более открытое, прямое выражение эмоций. Какими далекими от действительности в этом свете выглядят рассуждения о японском характере, сковывающем проявление искренности.

Впрочем, даже сдержанность японца порой бывает настолько выразительна и красноречива, что становится своеобразной формой выявления вполне определенного отношения.

Как-то в Осака вечером я возвращалась в отель. Улица, свернувшая от центра, была освещена заревом реклам, кувыркающихся в темном небе. Количество прохожих заметно уменьшалось. Впереди меня шла пара. Что-то было в ней такое, что невольно привлекало внимание.

Необычно высокая для японки, тоненькая девушка в красном платье и рядом широкоплечий, светловолосый, спортивного склада парень с несколько развязными манерами. Большая рука его лежала на плече спутницы. Японка и американец. Со стороны это была очень красивая пара.

Я шла за ними, и мне были видны лица тех, кто шел им навстречу. Плотно запахнув кимоно, проковылял старик, гэта его сухо цокали по асфальту, словно выщелкивая, выстреливая что-то осуждающее, тонкие губы были поджаты так, что превратились в одну узкую полосочку. Прошли две молодые японки, ни одна из них не повела даже глазом в сторону встречной пары, они вдруг чрезвычайно увлеклись своим разговором. Про-

плыла женщина с сиреневым фуросики* — каменным, нешелохнувшимся изваянием.

Те двое шли как бы в пустоте. Люди не видели их, не хотели, не желали видеть. И это «невидение» было гораздо красноречивее открытого презрения.

В то же время, обратись эта пара с каким-нибудь вопросом к любому из прохожих, им бы ответили, ответили сдержанно, вежливо, глядя прямо на них и сквозь них. Это была бы не та вежливость и сдержанность, о которой пишут как о национальной черте. Скорее это стиль поведения, несущий совершенно очевидные приметы нынешнего дня, это та вежливость и та сдержанность, с которой японец общается с американцем в своей стране.

С ребятами из Фукуока мы беседовали долго. Они подробно рассказывали нам о борьбе шахтеров Миикэ, об упорных сражениях с администрацией шахт, о победах и поражениях, о похоронах шахтера Кубо, убитого наемными бандитами. Потом перешли к борьбе крестьян за возвращение реквизированных американцами земель. Один из парней был сыном крестьянина из маленькой деревушки неподалеку от Фукуока. Он сразу оживился, как только речь зашла об Утинада — знаменитой деревне, в отчаянной борьбе отстоявшей свою землю от посягательства американской военщины. Весть об этой борьбе, поддержанной рабочими, студентами, железнодорожниками коммунистической и социалистической партиями и даже буддийскими священниками, облетела весь мир. Рассказывая о демонстрациях и стычках крестьян, наш собеседник энергично загибал пальцы, перечисляя префектуры, где они происходили, — Канагава, Тиба, Тоттори, Сайтама, Гифу, Сидзуока, Ибараки, Яманаси.

— Ну и, конечно же, наша Фукуока, — широко улыбнулся он.

— А вы слышали о борьбе на нашей Фудзи?

Конечно, мы слышали. В газетах появлялись сообщения об упорной борьбе крестьян против создания полигона на склонах этой священной для каждого японца

---

* Фуросики — платок для заворачивания книг или иных вещей, которые японцы несут в руках.

горы. Но куда интереснее было слушать самих участников борьбы. Особенно красочно рассказывали они о сражениях, развернувшихся на склонах Фудзи в августе — сентябре 1961 года. За последнее десятилетие подобные сражения проходили не раз.

Американцы создали здесь густую сеть военных объектов, полигонов для стрельб и зон для маневров, у крестьян были отняты земли, пастбища, перерезаны важнейшие дороги. В августе 1961 года американское командование решило провести на северных склонах Фудзи маневры 3-й дивизии морской пехоты. Дивизия, оснащенная танками и пушками, была переброшена сюда с Окинава и должна была начать учения — «наступление на азиатского противника». Несколько дней шли в районы полигонов Хигаси Фудзи и Кита Фудзи укутанные на замаскированных платформах танки и орудия.

Но мощную новейшую технику неожиданно остановили совершенно безоружные крестьяне. В последние перед началом маневров дни в близлежащих деревнях были созданы отряды крестьян-добровольцев, решивших во что бы то ни стало бороться до победы. Едва поднялось солнце, в день, назначенный для «наступления на азиатского противника», крестьяне с белыми повязками на головах вошли в зону стрельб. После бурного митинга, предъявившего американцам требование убираться вон со священных склонов Фудзи, крестьяне сели на землю. Обескураженные неожиданно возникшей ситуацией, представители американского командования метались по полигону, не зная, что предпринять. Наконец после уговоров и угроз на плотно сцепившиеся, как будто спаянные, ряды были пущены танки. Взметывая столбы пыли, грохотом моторов вспарывая утренний воздух, мчались многотонные махины на горстку смельчаков. Но ни один из них не дрогнул, ни одно лицо с презрительно вскинутым подбородком не опустилось вниз, и водители, дрожащими руками вытирая холодный пот со лба, на последних метрах повернули машины в сторону. Не так-то просто, как видно, вести танк на безоружного человека!

Одна из машин дала залп, но белые, застывшие лица с широко раскрытыми глазами, полными ненависти,

не качнулись, не сдвинулись ни на сантиметр в прицельной рамке стрелка и... танк повернул назад. А вслед ему понеслось грозное, единым выдохом: «Не уйдем! Не уйдем! Клянемся, родная Фудзияма, не уйдем, пока не вернут твою землю!»

Отряды крестьян были поддержаны муниципальными советами и демократическими организациями префектур Сидзуока и Яманаси. Сюда приехали рабочие и студенты из многих городов. Движение за освобождение Фудзи получило поддержку всей страны.

Свыше четырех недель крестьяне не уходили с полигона, даже район предполагаемых учений был занят крестьянами, разбившими там палатки и несшими круглосуточное дежурство. Многолюдные митинги на склонах Фудзи многократным эхом катились по японской земле.

Но, конечно, больше всего ребята из Фукуока могли рассказать о борьбе против Итадзукэ — базы, расположенной в окрестностях их родного города Фукуока, одного из самых крупных промышленных центров на Кюсю.

В ноябре 1945 года американское командование создало на острове Кюсю базу Итадзукэ. Стратегическое значение ее возрастает с каждым годом. С началом войны в Корее Итадзукэ стала основным местом базирования американских реактивных истребителей и бомбардировщиков. В последнее время база Итадзукэ играет большую роль в американских планах подготовки агрессивных авантюр на Востоке. На ее летном поле появляются самолеты, отправляющиеся на Тайвань, в Таиланд, Южный Вьетнам. Отсюда идет снабжение американских групп «советников» во всех «горячих местах» Азии. Борьба против Итадзукэ заняла особое место.

— Вы представьте только себе, — говорили нам наши знакомые, — вы только представьте, что рядом с городом огромный аэродром. Население города живет вблизи летного поля, вблизи взлетных бетонированных дорожек, по которым день и ночь гоняют самолеты.

Гул моторов не оставляет жителей ни на минуту в течение суток. Взлетные полосы в Итадзукэ одни из самых длинных на японских аэродромах — до 3600 метров. Причем в последнее время японским транспортным

самолетам окончательно запретили прибывать в Итадзукэ. Только военные самолеты США и их союзников по агрессивным планам в Азии прибывают и взлетают с этого аэродрома.

Жители города неоднократно выступали с требованием ликвидировать базу. Под давлением общественности даже муниципалитет решил добиваться ее ликвидации. В последнее время, когда Итадзукэ стали использовать как аэродром для ракетных самолетов, движение протеста захватило не только Кюсю — массовые демонстрации прокатились по всей Японии.

Но Итадзукэ далеко не единственная база в Японии, которая может принимать реактивные самолеты. На северо-востоке от Токио в префектуре Иватэ расположена Мисава. Мощные самолеты с ревом проносятся над близлежащими городками. День и ночь кружатся, растопырив свои чуткие уши, радары. А совсем рядом со столицей — базы Сунагава и Ёкота. Самолеты 5-й воздушной армии США давно пользуются их аэродромами. На базах выстроены подземные склады для ядерного оружия.

Однажды утром, отправляясь с Токийского вокзала в поездку по стране, мы оказались свидетелями необыкновенной картины. Вся площадь перед вокзалом была запружена автобусами, толпами народа, была черным-черна от непокрытых молодых голов. Ни шума, ни суматохи, казалось бы, вполне естественных при таком скоплении людей. Какой-то приглушенный деловой гул заполнял все вокруг. Лес белых табличек на высоких палках колыбался над толпой. Это были названия предприятий, на которых работали пришедшие сюда молодые японцы и японки. Потом плотной колонной они шли к поездам электричек или садились в автобусы.

Оказывается, это была подготовка к маршу протеста против американских баз Сунагава и Ёкота. В этот день к базам, расположенным вблизи столицы, вышло около ста тысяч человек. От станции Синдзюку, от Токийского вокзала, сломав обычное расписание, шли одна за другой набитые до отказа электрички, цепи автобусов тянулись с раннего утра по улицам столицы, чтобы до утреннего часа «пик» выбраться на загородные автострады.

У ворот базы устроили митинг. Толпы участников марша протеста заняли дороги, ведущие к аэродрому, по шоссе не могла продвинуться ни одна машина. Ораторы бросали пламенные слова в бушующую ненавистью толпу. Волны гнева захлестывали затихшую, словно вымершую базу, застыли на взлетных дорожках черные махины — самолеты, куда-то скрылся обслуживающий персонал. Тысячи японцев сомкнутыми колоннами, скандируя «Базы — долой!», прошли вдоль колючей проволоки и высоких заборов, наглухо отделяющих от внешнего мира Ёкота и Сунагава. Одиноким часовым хмуро глядели на бушующее людское половодье, затопившее улицы городков, на белые плакаты, с которых ощерились, словно нацепленные штыки, черные иероглифы.

Еще более внушительную картину представляли японские города 21 октября 1962 года. В этот день по призыву японских коммунистов и социалистов по всей стране, протестуя против существования американских баз и баз «самообороны», на улицы городов, деревушек, шахтерских и рыбацких поселков вышло около миллиона человек.

К тем формам борьбы, которые существовали раньше — демонстрации, сидячие забастовки, — демократические силы Японии добавили новое — «обход баз», и этот термин получил право на существование.

«Обход баз», объясняли борцы за мир, имеет целью вовлечь как можно больше участников в движение. Не секрет, что множество людей, живущих далеко от баз, плохо представляют, что такое базы и какую опасность они таят.

Люди привыкли к статьям, сообщающим о демонстрациях против баз, к тому, что кто-то против них борется, но сами они никогда не видели эту отторгнутую японскую землю, огороженную колючей проволокой. Поэтому наша задача помимо организации крупных демонстраций привлечь к движению людей, которые живут далеко от баз и маневренных зон и не несут непосредственного экономического ущерба, добиться, чтобы как можно больше населения своими глазами увидело эти бронированные язвы в сердце японской земли.

Такова была первоначальная задача. Но когда на-

чались по всей Японии походы к базам, обнаружилось много такого, чего даже не предполагали организаторы движения, — и то, что территория баз, как правило, превышала официально зафиксированную цифру, и то, что существует много секретных объектов, нигде не отмеченных и не упоминавшихся.

Движение «обход баз» с каждым днем охватывает все больше населения. Организуются выезды к базам из крупных городов и маленьких деревушек. И каждая поездка приносит поразительные результаты. Люди, которые, естественно, знали о существовании американских баз в Японии, слышали о многотысячных походах против них, буквально бывают потрясены, увидев городки, где вывески только на английском языке, где многие километры земли наглухо закрыты для японцев, где колючая проволока и буквы английского алфавита очерчивают чужую страну, бесцеремонно разместившуюся на японской земле.

В один из осенних дней 1962 года был организован поход вокруг Мисава в префектуре Иватэ. О базе много писалось и раньше, газеты приводили подробные данные о существовании в центральной ее части контрольного района с мощными радарными установками и подземными складами. Радарная станция Мисава такой мощности, что может держать постоянную связь с Вашингтоном, с островом Гуам и с базой Вакканай на северной оконечности Хоккайдо. Все это не было новостью, даже известно, что площадь базы — 1 тысяча 600 гектаров, и тем не менее все это, видимо, звучало в какой-то мере абстрактно до тех пор, пока участники похода не увидели Мисава собственными глазами.

Молодежь приехала в город поздним вечером, чтобы переночевать в палатках вблизи базы. По безлюдному, словно вымершему городу шли молча. Только из распахнутых дверей баров и дансингов выбивалась конвульсивная дробь саксафона и ударника, пьяные голоса горланили песни на чужом языке. В кромешной тьме пустых улиц (жители по вечерам опасались выходить в город) еле державшиеся на ногах солдаты фланировали в обнимку с размалеванными японками. Это воскрешало в памяти тяжелые картины первых лет оккупации.

Ночью ребят разбудил дикий вой. Визгливый звук, вибрируя и повышаясь с каждой секундой, врезался в барабанные перепонки, казалось, его задача — начисто лишить слуха все живое вокруг. Это начинался разогрев двигателей. С приближением рассвета, едва лишь чуть-чуть посветлели края неба, начался страшный грохот, тряслись небо и земля, вздрагивал весь город — это реактивные самолеты, один за другим вырываясь из цепких объятий земли, взмывали в небо.

Утром прибыли остальные участники марша, и перед всеми в реальный рост встала цифра — 1 тысяча 600 гектаров. Чтобы только обойти территорию этого грохочущего и воющего «государства», понадобилось трое суток.

И все время, пока люди шли вдоль бесконечных серых глухих заборов, над ними со страшным ревом взлетали или приземлялись черные, громоздкие бомбардировщики с буквами USA на борту. Белыми струями разорванного воздуха перечеркивали небо стаи реактивных самолетов, все вокруг скрежетало и выло, а редкие минуты тишины наполняли уши каким-то странным звоном. И то, что увидели участники маршей вокруг баз, зажгло гневом не одно сердце, сделало активными участниками движения «Янки — домой!» не одну сотню молодых японцев.

В одной из городских школ Мисава участники марша присутствовали на занятиях. Взлетная площадка аэродрома расположена совсем рядом, и бомбардировщики со страшным ревом идут прямо над крышами школы. В течение нескольких минут после каждого рейса малыши, зажимающие ладошками уши, бессмысленно смотрят на учителя, пытаясь вспомнить, о чем он рассказывал. А самолеты все идут и идут, раскачивая, как карточный домик, вибрирующие стены школы.

Городские муниципалитеты многих населенных пунктов, расположенных вблизи баз, вопреки общему требованию населения ликвидировать иностранные базы приняли компромиссное решение — требовать от вооруженных сил США средств на постройку звуконепроходимых помещений. В конце 1962 года правительство объявило, что ему удалось добиться разрешения этого

вопроса — выделены ассигнования на строительство специальных школьных зданий.

По всей стране прокатилась буря возмущения, население города Мито (префектура Ибараки), неоднократно страдавшее от взрывов снарядов на соседнем полигоне, от катастроф с американскими военными самолетами, обрушивавшимися вместе со своим смертоносным грузом прямо на жилые кварталы, вышло на улицы с плакатами: «Нам не нужны звуконепроницаемые школы — нам нужно уничтожение баз!», «Не стены, а коренное решение вопроса о базах!».

Как не вспомнить здесь один из многочисленных американских фильмов, рассчитанных на обработку общественного мнения. Фильм назывался «Звук свободы», и содержание его сводилось к тому, что существование военных баз на японской земле — явление неизбежное, вызванное необходимостью защиты страны от коммунизма. Базы — это «единственная реальная преграда против страшной заразы коммунизма» — такова идея фильма. И потому вой бомбардировщиков, свист «реактивов», взрывы снарядов — это тот звук, без которого не может существовать японец, ибо этот звук защищает его свободу: «чем громче будет этот звук, тем крепче будет спать японец». Фильм этот сам по себе вызвал не одну демонстрацию протеста.

Но нет! Не хотят японцы спать под визг снарядов и завывание сирены. Тот, кто хоть раз увидит японскую демонстрацию против американских баз, или одну из японских конференций мира, или сессию Всеяпонского совета борьбы против баз, оказывается свидетелем незабываемой картины, предельно ярко демонстрирующей стремления и надежды всей объединенной в едином порыве страны.

Суровые лица рабочего и шахтера, рыбака и строителя, гневный взгляд пожилой крестьянки. Вчера еще ее усталые, узловатые руки сажали рис, увязая по локоть в холодной земляной жиже. Сегодня, сжатые в твердый кулак, вместе с тысячами других они поднимаются над рядами демонстрантов.

Идут студенты со своими преподавателями, художники, артисты, музыканты, из храмов спешат при-

соединиться бонзы. А вот маленькая официантка. Та, что приветливо улыбается каждому посетителю. Она ли это? Серьезный, сосредоточенный взгляд, она даже как будто стала выше, вся — словно натянутая струна. Нет здесь маленькой официантки из бара, есть непреклонный борец за светлый день, за чистое небо Японии будущего. Она одна из многих, одна из тех, кто выходит на демонстрации, созывает конференции, одна из тех, кто в палашую жару и в гололед идет в маршах мира через всю страну, кто посылает своих товарищей туда, где накал борьбы требует все новых и новых пополнений.

Когда в газетах появилось сообщение, что Управление сил самообороны решило создать на острове Ниидзима ракетную базу и полигон для маневров, различные организации, борющиеся за мир, коммунистическая и социалистическая партии прислали сюда своих представителей, поддержав движение протеста, с которым выступило население острова.

Над той частью Ниидзима, которая называется Хабата, поднимается гора Мураяма. Именно здесь было намечено строительство ракетной базы. Строительные батальоны уже начали сооружение дорог, ведущих к Мураяма. Представители организаций, поддерживающих борьбу Ниидзима, устроили на вершине горы свой наблюдательный пост, в задачу которого входило следить за всеми передвижениями «сил самообороны». Организовать работу наблюдательного поста была задача не из легких. Несколько человек на вершине горы должны были день и ночь не ослаблять бдительности — на остров переправлялись хулиганствующие молодчики из правых организаций и совместно с солдатами и полицейскими избивали отважных борцов, стараясь их запугать и заставить покинуть пост. Порой часовые оставались на сутки-другие совсем без пищи — хулиганы подстерегали крестьян, несших пищу и воду, и все у них отбирали.

Вести о мужественной борьбе маленького островка дошли до газетных полос, и тогда студенты, рабочие, крестьяне со всей страны организовали бесперебойную смену представителей в Ниидзима. Каждые две недели прибывали новые и новые группы вместо отъезжавших.

В марте 1961 года группы сопротивления начали издавать печатающуюся на мимеографе газету «Новости совместной борьбы». Газета прекрасно справлялась с поставленной перед нею задачей — на всю Японию звучал голос Ниидзима. Он не только рассказывал о событиях на острове в Тихом океане, но и призывал всех японцев активнее выступать против военных баз. Выпуск такой газеты — далеко не единичное явление в истории борьбы против пребывания американцев в Японии.

В поездках по стране нам часто попадались газеты, брошюры, книги, дающие четкое представление об угрозе, которую несут иностранные базы японскому народу. В них детально описывались базы, приводилась статистика ущерба, который приносят они населению. Колонки цифр, составленные с большой тщательностью, позволяют судить об экономическом, моральном и прочем ущербе — закономерном следствии пребывания американских войск в Японии.

И все эти издания неопровержимо доказывают, что каждая из баз — Ёкота или Мисава, Кадэна или Наха на Окинаве — каждая из них — очаг новой войны. Кроме того, иностранные базы — это рассадник проституции и разврата, пьянства и преступления. Тысячи японцев пострадали от бесчинств заокеанской солдатни. Вся Япония сегодня единодушна, как никогда, в своем стремлении уничтожить эти зловещие очаги.

Двухсоттысячная демонстрация в Йокогама против захода в японские порты кораблей и подводных лодок с ядерным оружием на борту, стотысячный митинг протеста у базы Ёкота против размещения на ней бомбардировщиков 55-БН, массовые выступления жителей Кобэ, Осака, Киото и других городов префектуры Хёго против захода американского авианосца «Китихок» — флагмана группы авианосцев 7-го флота США, стотысячная демонстрация у базы Игадзукэ, буря протеста в связи с заходом атомной подводной лодки «Морской дракон» в порт Сасэбо и агрессией США против вьетнамского народа — вот перечень последних выступлений японского народа, перечень, который не может не увеличиваться, пока по японской земле ходят американские солдаты.

Для японских трудящихся выступления против военных баз, против японо-американского союза и борьба за свои классовые интересы — разные тропки одной дороги, ведущей к большой цели. Цель эта — миролюбивая, демократическая, независимая Япония.

В сегодняшней борьбе демократических сил Японии особенно наглядно видно, какую огромную силу представляет организованный рабочий класс. Самая влиятельная его организация — Генеральный совет профсоюзов Японии — Сохё. Он объединяет сейчас свыше четырех миллионов японских труженников, в него входит более 60 профсоюзов. Созданный в 1950 году по указанию генерала Макартура и задуманный как реформистская организация Сохё вопреки воле ее создателей довольно скоро превратился в крупнейшую прогрессивную организацию, руководящую мощными профессиональными объединениями японских трудящихся.

Нынешний день Сохё — это непрерывная борьба. Каждой весной и каждой осенью в Японии начинаются выступления, митинги, забастовки — дни классовой солидарности труженников, дни упорного отстаивания демократических завоеваний, непрекращающегося наступления на капитал. Шаг за шагом в этой борьбе демократические силы добиваются уступок, а в некоторых случаях и прямого отступления реакции.

Единый фронт всех трудящихся страны больше всего пугает правящий класс, который ищет выход в усилении реакции. Именно такой характер носили попытки внести исправления в закон о полномочиях полиции в 1958 году и ввести закон о «предотвращении политических насилий» в мае 1961 года. Полиции предполагалось предоставить право производить обыски и аресты без всякого ордера. По подозрению какого-нибудь полицейского чиновника любой человек мог быть арестован на улице, у себя дома, по существу без всякого на то основания. Эти законопроекты были направлены прежде всего против демократического движения. Митинги и демонстрации попадали под постоянный прицел полиции. Аресты профсоюзных руководителей должны были стать «законным явлением».

Общественность Японии понимала, что, опираясь на

закон, правительство сможет урезывать демократические права, гарантированные конституцией. Члены Сохё и других демократических организаций, с каждым годом завоевывающих все больше сторонников, бросили в те дни клич: «Нет! — полицейскому государству!». Более 500 организаций заявили о своей готовности принять участие в борьбе против пересмотра закона о полномочиях полиции. Национальный совет борьбы против пересмотра закона организовал митинги и демонстрации протеста по всей стране.

Профсоюз шахтеров объявил о прекращении работы, митинги в рабочее время прошли на предприятиях горно-рудной, сталелитейной, целлюлозно-бумажной, химической промышленности, на частных железных дорогах, в доках, на судовой верфи. 357 тысяч учителей и 150 тысяч студентов не пришли в классы и аудитории.

Окончательный удар замыслам правительства нанесла всеобщая политическая стачка 5 ноября 1958 года, по своему размаху и числу участников крупнейшая в истории японского рабочего движения.

В этой стачке приняла самое активное участие японская интеллигенция. Писатели, поэты, художники, журналисты боролись рука об руку с рабочими. Пять с половиной миллионов бастовавших машиностроителей, докеров, рабочих типографий, химической промышленности, шахтеров и металлистов, то есть почти все организованные рабочие, а также студенты, учителя и преподаватели высшей школы заставили правительство отказаться от пересмотра закона о полномочиях полиции.

Точно так же благодаря объединенным действиям демократических сил дважды (в октябре 1961 и феврале 1962 года) правительству пришлось отказаться от внесения на рассмотрение парламента законопроекта о предотвращении политических насилий.

Эти успехи были очень важны — народу удалось нанести поражение реакции и почувствовать вкус победы. Она явилась результатом большого опыта, приобретенного в многочисленных битвах, в весенних и осенних наступлениях, во всенародной борьбе против военных баз, за запрещение атомного и водородного оружия.

Однако в такой сложной политической обстановке не каждый натиск трудящихся масс кончается отступлением реакции. В мировом демократическом движении нет, наверное, страницы, равной той, что вписало японское движение против «договора безопасности». Тревожные дни конца мая 1960 года, когда правительство под охраной пяти с половиной тысяч полицейских протащило через нижнюю палату решение о ратификации военного договора с США, в Японии не забудут никогда. «Национальный совет борьбы против договора безопасности» поднял всю страну. Забастовки множества профсоюзов, входящих в Сохё, перемежались «волнами единых действий» с ежедневными демонстрациями, требующими отставки правительства и роспуска парламента. Семнадцатая кампания единых действий вылилась наконец в грандиозную общенациональную политическую забастовку, парализовавшую жизнь сорока крупнейших городов Японии. Известно, что под напором народного возмущения был отменен визит в Японию президента Эйзенхауэра. Однако добиться решающей победы в борьбе против «договора безопасности» демократическим силам не удалось.

19 июня 1960 года, несмотря на грандиознейшие забастовки и демонстрации, «договор безопасности» автоматически вступил в силу. 20-го его утвердила верхняя палата парламента. Всеобщая стачка, охватившая шесть миллионов человек, была ответом на решение, принятое вопреки воле народа. Это она, эта буря гнева, явилась в конечном итоге причиной отставки правительства. Одновременно эти события стали как бы начальной вехой мощного всеяпонского движения за отмену «договора безопасности».

Постоянное неумолчное эхо этой борьбы доносят к нам тревожно отстукивающие аппараты телетайпов, сообщения радио, пестрые полосы японских газет.

Борьба идет. Белые повязки на головах бастующих — на улицах городов, у ворот заводских предприятий, у стен парламента, у глухих заборов американских баз.

Плотно прижавшись друг к другу, часами сидят женщины у резиденции министра труда. Их мужья — работники государственных и муниципальных учреждений.

Этой категории трудящихся бастовать запрещено, и их жены, прошедшие чуть не по всей стране, протестуют вместо своих мужей!

Тысячи и тысячи белых повязок. Текут по ним черные иероглифы — бесконечный перечень отрядов рабочего класса. Как-то мы попробовали расшифровать их выразительный язык.

Митинг, созванный Сохё, должен был проходить в парке Хибия. Нас было трое. Выбрав удобное для обозрения место около трибуны, мы договорились, что каждый будет сообщать о том, что он видит со своего пункта наблюдения.

По аллеям плотным потоком текли забастовщики, колонна за колонной заполняя обширную поляну.

— Вижу колонну рабочих металлургической промышленности, — начал сообщения первый.

— Идут связисты! Железнодорожники! Японский профсоюз учителей!

В «репортаж» вступил третий:

— Всеяпонский профсоюз рабочих электроэнергетической промышленности, Ассоциация национального телеграфа и телефона! Химики! Юристы! Металлурги! Лесоводы! Горняки!

Я еле успевала записывать, к тому же надо было смотреть и самой. В моем «секторе» были шахтеры, работники печатных агентств, Всеяпонский профсоюз работников государственных медицинских учреждений, профсоюз работников полиграфической промышленности, федерация профсоюзов городского транспорта...

А колонны все текли и текли, все новые и новые транспаранты с названиями организаций — своеобразные свидетельства солидарности рабочего класса Японии врывали на поляну. Читать их было уже невозможно — вокруг трибуны и дальше, насколько хватало глаз, колыхалось море черных непокрытых голов и почти сливавшаяся воедино, масса белых плакатов, флагов над ними...

И каждый раз, читая японские газеты или оказавшись невольными свидетелями грандиозных митингов и рядовых, не самой первой величины забастовок, мы поражались тому, какие мощные демократические силы созрели в современной Японии.

Я уже говорила, насколько удивительное зрелище — походы и конференции борцов против военных баз. Здесь проявляются черты трудовых людей Японии, вставших плечом к плечу в тяжелой борьбе. Но среди участников движения против баз не только рабочие, население городов и крестьяне, чьи земли под постоянной угрозой реквизиции. Здесь и люди, имена которых и занимаемые должности, казалось бы, должны были отвести их на противоположный движению полюс. Дело мэра города Сунагава — один из подобных примеров. Мэр города, где расположена крупнейшая американская база, категорически отказался исполнить приказ губернатора — разрешить проведение измерительных работ для расширения базы. Губернатор возбудил дело против мэра Сунагава и выиграл его. Но это не остановило мэра, он немедленно апеллировал в Верховный суд. Решением Верховного суда дело снова было передано в местный суд. Весь ход этого затяжного процесса широко комментировался газетами, мужественная позиция мэра была по достоинству оценена всеми честными японцами.

Слова другого мэра — мэра города Миядэн на митинге протеста против баз стали поистине крылатыми, известными каждому японцу.

— Можно вбить колышек в землю, — сказал мэр, имея в виду отторжение японской территории под американские базы, — но в душу народа колья вбить не удастся!

«Не вбить колья в наши сердца!» — можно увидеть на транспарантах многолюдных демонстраций против военных баз, на митингах против «договора безопасности». Эта фраза-лозунг, фраза-оружие обладает огромной притягательной силой, зовущей японцев к упорной и мужественной борьбе.

«Булжник—оружие пролетариата»

Мы выехали из туннеля, соединяющего центральный остров Японии Хонсю с островом Кюсю, когда солнце стояло в зените. Несколько часов езды по автостраде,

проложенной глубоко под бушующими волнами Симонсэцкого пролива, — и вот мы в одном из крупнейших промышленных районов японского Юга.

Ленты дорог, забитых грузовиками, то и дело пересекаемые железнодорожными ветками, катились в глубь острова. За ветровым стеклом, вплотную прижатые к обочине, шли здания, серые, приземистые, перемежавшиеся стеклянными кубами заводских корпусов и редкими островами зелени; окраины больших городов торопились слиться с маленькими городками и поселками.

Здания, здания... А над ними неровным, упрямым частоколом ощерились в раскаленное небо фабричные трубы. Клубы дыма, гарь, копоть... Промышленный пейзаж Южной Японии... Он сопровождал нас всю вторую половину дня. К вечеру мы проехали Тагава — один из центров угольного района Кюсю, — и чем дальше двигались на юг, тем отчетливее и разительнее были перемены в пейзаже, к которому мы уже успели привыкнуть.

Шахтерские поселки с тихими узкими улицами, с наглухо закрытыми зданиями шахтных управлений были почти пусты. С наступлением темноты это становилось еще более заметно. Громады терриконов, словно стражи, поднимали над улицами свои темные горбы, неосвещенные верхушки шахтных копров сливались с нависшим небом, кое-где в черных щелях переулков редким светлячком робко светил огонек.

На все наши вопросы мы слышали один и тот же ответ:

— Шахты закрываются. Одна за другой... Рационализация.

Еще в 1958 году бастовавшие японские рабочие требовали отмены капиталистической рационализации.

В последние годы во многих капиталистических странах каменный уголь все чаще вынужден отступать под натиском более дешевых видов топлива — нефти и газа. В Японии монополии пошли на небывало быструю и интенсивную замену угля нефтью. Это привело к настоящему кризису в угольной промышленности. Однако закрыть все шахты сразу невозможно. Тогда-то и была пущена в ход «рационализация».

Многочисленные мелкие и средние шахты, где было мало техники и добыча велась в основном вручную, стали закрываться. На крупных шахтах также началось увольнение шахтеров, так как новая техника позволяла использовать меньше людей.

Что же должны были делать те, кто неожиданно оказался «свободным»? Идти за ворота. Это — непосредственный для рабочего результат капиталистической рационализации. Новая техника влечет за собой более высокие нормы выработки. Общая добыча угля на шахтах, где проводилась «рационализация», повышалась, а то, что число шахтеров на них становилось меньше, позволяло монополистам перевести эти шахты в разряд второстепенных. Ну, а это в свою очередь было поводом для снижения заработной платы — ведь на второстепенных шахтах всегда платили меньше. Разрешение одной из сложных проблем экономики легло тяжелым грузом на плечи шахтера.

Защищая интересы угольных монополистов, проводивших «рационализацию», правительство не могло предложить никакого другого выхода из кризиса, кроме подобных мер массового увольнения рабочих-угольщиков, усиления интенсификации труда и снижения заработной платы.

Вот как выглядело осуществление так называемого плана приведения в порядок предприятий различных компаний. Крупнейшая компания «Мицубиси Косан» объявила об «упорядочении штатов». С этого дня ни один шахтер, работающий на шахтах компании, не мог чувствовать себя спокойным. Комиссия, «упорядочивающая» работу шахт, рассматривала в отдельности кандидатуру каждого рабочего. Сегодня он еще спускался в забой, долгие часы проводя во влажном воздухе глубоких штреков, сегодня он имел трудную, но все же кормящую его семью работу, завтра по воле корректных людей с белоснежными воротничками он, годами гнувший спину ради прибылей компании, мог оказаться на улице. На улице. Без всякой перспективы получить работу.

Вслед за «Мицубиси Косан» начали вывешивать списки уволенных компании Мицубиси, Сумитомо, Фурукава, Обэцу, Убэ и другие. Угольные монополисты старались

предотвратить всякое сопротивление. «Карающий меч» компаний обрушился прежде всего на тех, кто мог бы сплотить шахтеров, организовать их отпор натиску капитала, — на руководство Танро — Японской федерации профсоюзов угольной промышленности. Эта организация горняков занимает видное место в боевом профсоюзном объединении — Сохё. Сражаясь с Танро, монополисты выступали против всего профсоюзного движения Японии. Горняки, которых поддержали рабочие и служащие других отраслей промышленности, оказали упорное сопротивление попыткам монополий провести «рационализацию». Танро приняла решение всемерно расширять борьбу, отстаивая интересы шахтера, и действительно, в ряде случаев шахтерам удалось добиться победы.

Когда в декабре 1958 года компания «Убэ Косан» по примеру «Мицуи Косан» приступила к «упорядочению штатов», шесть тысяч шахтеров начали многодневную битву с хозяевами шахт. Этот отряд горняков был лишь небольшой частью армии шахтеров, но они добились не только отмены предполагавшегося проекта «рационализации», но и повышения заработной платы. Число участвовавших в движении все возрастало, весной 1959 года уже 200 тысяч бастовавших требовали прекращения «рационализации» и повышения заработной платы. Однако с каждым месяцем горнякам все труднее и труднее становилось отстаивать свои позиции. В одном из шахтерских поселков близ Миикэ мы поинтересовались, каков месячный заработок шахтеров. Выяснилось, что средняя шахтерская семья (с тремя детьми) в Миикэ имеет месячный доход 10 тысяч иен. Составление бюджета такой семьи кажется мне непостижимой эквилибристикой. При наших весьма скромных потребностях мы тратили в Японии ежедневно на еду около тысячи иен. Как может свести концы с концами семья из пяти человек, пусть даже при самом экономном ведении хозяйства, на 10 тысяч иен?

В декабре 1959 года компания «Мицуи Косан», несмотря на сопротивление профсоюза угольщиков Миикэ, объявила о проведении нового этапа ее плана «рационализации». В черный список, вывешенный в шах-

тоуправлении, были включены самые активные рабочие, деятели профсоюза угольщиков и Всеяпонской федерации профсоюзов угольной промышленности. Всего уволено 1297 человек. Осуществить «рационализацию» подобным же методом предполагалось и на других шахтах.

В ответ на действия компании профсоюз Миикэ объявил всеобщую забастовку. Десять месяцев длилась тяжелая борьба. Правительство оказывало всевозможную поддержку компании Мицуи. На помощь ей были брошены огромные силы — свыше 15 тысяч полицейских, вооруженных бомбами со слезоточивыми газами, были стянуты морские части «сил самообороны». Однако запугать шахтеров не удалось. В конце марта 1960 года в Миикэ произошло настоящее сражение — ультраправые громили демократические организации, устроили налет на рабочие пикеты, в результате свыше двадцати человек были тяжело ранены. Наемные бандиты убили шахтера Киэси Кубо.

Страницы японских газет пестрели сообщениями о трагедии в Миикэ. «Поющие голоса»*, откликающиеся на любое событие в жизни своего народа, исполняли перед тысячами слушателей песню о шахтере Кубо. Песня-марш, посвященная шахтерам Миикэ, звучала во всех уголках Японии:

Мы славные шахтеры Миикэ!
Мы не боимся репрессий!
Мы ведем борьбу,
Чтобы сломить врагов,
Чтобы укрепить мир на земле!

Со всех концов в Миикэ приезжали шахтеры, рабочие, крестьяне, служащие. Приезжали для того, чтобы выразить борющимся свою поддержку, сочувствие, встать хотя бы на короткое время с ними в один строй. Свыше 500 тысяч человек с такой миссией солидарности побывали за это время в Миикэ.

---

* «Поющие голоса» — крупнейшее хоровое объединение, созданное в Японии в послевоенные годы. Во главе его стоит Акико Сэки — лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

В Миикэ шли письма, телеграммы со всех концов Японии, из многих стран мира. Был объявлен сбор средств для бастующих. В фонд помощи Миикэ было внесено 600 миллионов иен от Сохё, около 70 миллионов от крестьян и рыбаков Японии, 27 миллионов иен прислали трудящиеся других стран. Большую помощь оказали советские профсоюзы.

Немалую роль в борьбе шахтеров сыграла Тамбукё — организация жен шахтеров. Извечные пролетарские традиции, родившиеся еще во времена первых революций в европейских странах, традиции героических жен коммунаров, нашли отклик и в Миикэ. Шахтерские жены в одном ряду с мужчинами отбивали налеты бандитов, стояли в пикетах, готовили еду для бастующих.

В мае—июне, когда обстановка в стране все более накалялась в связи с обсуждением «договора безопасности» в парламенте, обострилось положение и в Миикэ. Шахтеры были вместе со всей Японией, требующей запрещения соглашения, ведущего к милитаризации. Два лозунга плыли рядом, качаясь над шахтерскими касками: «Поддержку борьбе Миикэ!», «Не допустим ратификации договора безопасности!».

В июле компания Мицуи, стремящаяся любым путем добиться возобновления работы на шахтах, обратилась к правительству за помощью.

В город Омута, центр угольного района на Кюсю, были стянуты полицейские силы. Одновременно на помощь бастующим прибыли делегаты различных демократических организаций страны — всего к середине июля в Миикэ приехало сто тысяч рабочих. У шахт проходил оборонительный рубеж — по одну сторону были нагромождены броневики, машины с боеприпасами, ящики со слезоточивыми бомбами, огромные белые полицейские мотоциклы — «отобаи» шеренгами перегораживали узкие улочки, по другую сторону стояли темные шеренги безоружных шахтеров. Над позициями противников с жужжанием и стрекотом фланировали вертолеты.

Правительство приложило все усилия, чтобы сорвать забастовку на шахтах Мицуи. И хотя шахтеры не сумели добиться полной победы, десять месяцев упорной

борьбы не прошли даром для профсоюза шахтеров, для трудящихся всей Японии, они явились хорошей школой воспитания боевого классового духа, школой подготовки к новым боям.

В тех сражениях, которые сегодня ведут японские шахтеры, широко используются методы борьбы, найденные и проверенные во время длительной забастовки в Миикэ. Нам неоднократно случалось видеть, как в один и тот же день и час останавливались в городах разные предприятия и тысячи людей выходили на улицу. Не волны тайфуна, а «волны единых действий» — так назывались эти одновременные забастовки — захлестывали всю страну.

На лестницах министерства торговли и промышленности, куда нам однажды пришлось зайти, — молчаливая цепочка сидящих прямо на ступенях людей. К кабинету министра пробраться было невозможно. Коридоры оказались заполненными все той же плотной цепью людей, вьющейся по лестницам всех этажей.

— Что здесь происходит? — спросили мы.

— Забастовка. Бастующие предъявили министру требования, подписанные тысячами людей. Забастовка в поддержку увольняемых шахтеров. Два дня вот так сидят на лестнице...

И министр два дня не мог выйти из кабинета.

Забастовки на несколько месяцев, дней, забастовка на сутки, на час-два в начале работы... Мало ли живого, действенного несет вихрь классового сражения — формы борьбы рождаются в самой борьбе.

И это тем более важно, что наступление на права шахтеров продолжается. Правительство сумело протолкнуть в парламенте законопроекты об угольной промышленности. «Рационализация» на шахтах воплощается в жизнь. Увольняются не десятки, не сотни шахтеров — десятки тысяч! В декабре 1962 года в дни «волны единых действий» шахтеры выдвинули лозунг: «Не допустить увольнения 70 тысяч шахтеров!».

...Идут в Токио через всю страну молчаливые колонны шахтеров: шахтерские лампочки, белые повязки, стягивающие угольно-черные волосы, иероглифы на спинах — плакат обернут вокруг тела.

Где-то в Омута, Убэ и Тагава их товарищи спускаются в забой, чтобы, неделями не выходя из угольных штреков, бастовать вместе с теми, кто наверху начал сидячую забастовку.

...Идут шеренги в Токио. Идут, чтобы перед серым зданием в центре столицы начать голодную забастовку, идут, чтобы предъявить требования о запрещении «рационализации», о прекращении увольнения шахтеров, идут, чтобы их видела и поддержала вся страна.

«Борьба рабочего класса»... Что стоит за этими словами, мы почувствовали в разговоре с ребятами из Фукуока (о них я говорила раньше). Рассказывая о стычке шахтеров с полицией и штрейкбрехерами в Миикэ, один из них вытащил аккуратно сложенный лист серой бумаги. Это был очень беглый рисунок — молодой шахтер в азарте боя поднимает с земли кусок отливающего синевой каменного угля. Беспокойная скупая линия бежала по бумаге, очерчивая порыв молодого гибкого тела. Набросок был так выразителен, так жил отчаянной атмосферой схватки и вместе с тем был так знаком, что у меня невольно вырвалось:

— Кто это?

Ребята объяснили, что это рисунок их товарища, молодого художника-самоучки, участника боев в Миикэ, он сделал зарисовку под непосредственным впечатлением очередной стычки. Это эскиз. Потом он написал его углем на асфальте перед самым носом полиции, занявшей «линию обороны». С асфальта его, конечно, стерли, а вот эскиз они очень берегут.

И вдруг я поняла, почему этот рисунок казался мне таким знакомым. Конечно же, это был Шадр, живые контуры одной из лучших его работ — «Булыжник — оружие пролетариата».

Правда, при детальном рассмотрении обнаруживались и различия, но весь облик шахтера, рожденный как бы единым дыханием, по своему огромному душевному накалу словно повторял силу и темперамент молодого русского пролетария, защищающего в схватке свои классовые интересы.

Я спросила, знают ли они Шадра, слышали ли о нем.

— Садура? (в японском языке нет буквы «ш», а сочетание согласных читается, как сочетание слогов) — Садура? — задумчиво протянули оба сразу. — Нет, не слышали.

Знал ли их товарищ скульптуры Шадра, а может, вообще никогда не слышал о нем? Неизвестно. Но каков бы ни был замысел автора, как бы ни назвал он свою работу, несомненно, что рождена она была грохотом боев и в ней жило то же эхо революционных сражений, что и в грозном названии шадровского произведения «Булыжник — оружие пролетариата!»

Вероятно, это был один из тех случаев, которые подтверждают истину, что образы и идеи художнику дает сама жизнь, пафос же и трудности революционных сражений могут создавать похожие ситуации во всех концах мира!

Шел по улице мальчишка...

Мимо нашего отеля каждое утро проходил мальчишка. Лет восьми-десяти. Аккуратный, как все японские дети, — ровная щеточка густых черных волос, белоснежная тетороновая рубашка с коротким рукавом, синие отглаженные брючки с замысловатой бронзовой пряжкой на ремешке. Спокойный маленький человек с ранцем за спиной уверенными и неторопливыми шагами мерил асфальтовую дорожку. Куда он исчезал, пройдя под нашим окном, мне как-то не удавалось выяснить. Наверняка он шел в школу. Куда может идти утром такой малыш? Но школы вблизи не было видно, во всяком случае не было слышно. Если в Москве в квартале, где вы живете, есть школа, можно не сомневаться, что вы об этом знаете. С раннего утра она гудит, как трудовой улей. Когда в школе последний звонок, пространство между домами заполняется бегущими веселыми мальчишками, стайками девочек, ребячьи голоса так и бьются о стены и окна домов, неумолчным гомоном наполняя старые московские переулки! И так мы привыкли к этому, что только в воскресный день можем себе представить школь-

ное здание безмолвно глядящим в затихший до понедельника переулок.

В этом японском квартале, где было много домов, по виду похожих на школу, совершенно не чувствовалось сутолоки и шума. За кварталом сразу же начинался зеленый массив парка Сиба, вряд ли дети шли через весь парк куда-то на другую улицу. Следовательно, школа могла быть только где-то недалеко. Как-то утром я заметила на асфальте небольшие клетки, начерченные розовым мелом. Они напоминали наши «классы», в которые так любят играть московские ребяташки. В клетках кое-где были нарисованы какие-то значки и иероглифы. Разглядывая их, я вдруг услышала за спиной: «Ду ю вонт ту плэй исикэри?» («Вы хотите играть в исикэри?»)

Это был тот маленький школьник, которого я видела каждое утро. К сожалению, я не умела играть в исикэри, но Таро (так звали мальчика) очень толково изложил правила игры, и я пришла к выводу, что игры детей, несмотря на расстояния, разделяющие страны, имеют много общего. Исикэри — одна из любимых игр японских ребят, — почти полностью соответствовала нашей игре в «классы».

Таро ловко прыгал, придерживая висевшую через плечо голубую фляжку с чаем для завтрака. Учился он в третьем классе начальной школы. Обучение в японских школах начинается рано. Едва малышу исполнится шесть лет, мама и папа ведут его в школу, и начинается школьный «марафон» — в начальной школе — шесть лет, в средней школе первой ступени — три года и, наконец, в средней школе второй ступени — еще три года. Далее идут высшие учебные заведения и университеты — дайгаку с четырехлетним сроком обучения.

— Но где же твоя школа? Далеко она отсюда? — спросила я.

И тут произошло невероятное — мальчишка показал мне здание, выходящее окнами в соседний двор, хорошо видный из нашего отеля. Правда, выход из школы был на другую улицу, но все равно удивительно — в течение двух месяцев жить бок о бок со школьным зданием и не подозревать об этом. Это было совершенно непостижимо!

Потом я не раз бывала в японских школах, но до самого отъезда не переставала удивляться тишине в классных комнатах, необыкновенной дисциплине и вежливости учеников. Преподаватели подтверждали вычитанное мной в литературе еще до приезда в Японию положение — «проблема дисциплины в японских школах не существует».

По всему видно было, что это так. Но почему так, в чем причина? Кто-то сослался на испокон веков существовавший в японских школах режим, поистине «железную» дисциплину, которая достигалась применением телесных наказаний. Другой же учитель, рассказывая о формировании характера ребенка, заметил, что вообще японцы — народ большой дисциплины и организованности. С этим нельзя было не согласиться.

— Следовательно, вы считаете, — спросила я, — что дисциплина в японских школах — проявление национальной традиции?

— Если хотите, да, — ответил он.

Но все же ответ этот как-то не удовлетворил меня. Возможно, что длительное применение телесных наказаний накладывало отпечаток на облик школы, на ее порядки, на стиль поведения школьника. Точно так же как нельзя не признать влияния созданного самурайским классом режима на формирование характера японца, так нельзя не признать влияние режима старой японской школы на воспитание поколений японских детей. Но в современной японской школе телесных наказаний нет, а дисциплина осталась. В чем тут секрет? Только ли в традиции, в том, о чем говорили преподаватели, или в целом комплексе каких-то условий? Многие в японской школе очень и очень любопытно и заставляет задуматься.

Японцы очень любят детей, и в работе учителей это особенно видно. Молодые преподаватели проводят с ребятами массу внеучебного времени. Физическому воспитанию школьника придается огромное значение. Игры на воздухе, утренняя зарядка на школьной площадке, частые соревнования — обыденность японской школы. В одной из маленьких горных деревушек, где домики лепятся по скалам, а поля создаются из принесенной

с долины земли, на самом лучшем месте деревни мы увидели стадион. Настоящий стадион с большим футбольным полем, площадками для тенниса и бейсбола. И это в деревушке, где каждая горсть земли на вес золота, где знают цену каждой крупинке почвы, каждому сантиметру годного для земледелия пространства!

А экскурсии со школьниками по историческим местам или с целью изучения природы родной страны, постоянные походы в музеи? Куда бы ты ни приехал, всюду встретишь колонны ребят в ученической форме; эти поездки входят в учебные планы. Часто дети едут за сотни километров от дома, и везде рядом с ними внимательные, любящие преподаватели.

Безусловно, энтузиазм молодых учителей, целеустремленность в сочетании с любовью дает очень много, но это не единственный фактор в воспитании школьника. Давно существует проблема — школа и семья. Не хочу, чтоб создалось впечатление, что в Японии какие-то особые, идеальные условия для формирования характера школьника — прогрессивные, энергичные, талантливые преподаватели и помогающая им семья. У японской школы существуют свои большие трудности, о которых скажу ниже. Но то, что семья — хороший помощник школе, это точно. Японские дети очень хорошо воспитаны. Это бросается в глаза. В поездах, в метро, автобусах, в столовых и кафе маленькие японцы не доставляют своим поведением неприятностей соседям. Матери, приходящие за покупками в универмаг — «депато», оставляют малышей на крыше магазина — здесь устроен небольшой садик для игр, тут же клетки с ручными животными, для которых за небольшую плату можно купить угощения. Пока взрослые делают покупки, дети под присмотром служащей универмага спокойно играют наверху, кормят белок и коричневых бурундучков, прыгают в истикэри. Как правило, нет ни слез, ни криков.

У моих знакомых в Токио — в семье японского социалиста Ситиро Ходзуми — четверо детей. Можно долго рассказывать, как вежливы эти дети, как внимательны друг к другу и взрослым, с каким спокойным достоинством и свободой они держатся, но самое интересное — понять, как возникают все эти качества.

Ни для кого не секрет, что сила воздействия взрослой среды на молодое поколение необычайно велика. Как часто все истины, которые стараются внушить ребенку родители, мгновенно и непоправимо рассыпаются в прах, если он только раз увидит, что для родителей они ничего не значат. Ведь маленький человек получает представление о качествах людей — их достоинствах и недостатках, их взаимоотношениях с огромным миром, в который он пришел, по поведению своих близких — членов семьи. И вот тут-то должны родители примерами собственного поведения подтверждать свою систему нравственного воспитания. Именно это, а ничто другое — мерило их воспитательных способностей, их педагогического таланта.

Я бы сказала, что эти качества счастливо соединились в семье моих японских знакомых. Умная строгость отца, на редкость гармонично дополняющаяся мягкостью, светлой улыбкой Макико-сан, матери многочисленного семейства, создают в семье атмосферу исключительного дружелюбия, атмосферу, наиболее благоприятную для прорастания в душе ребенка лучших человеческих качеств, наиболее эффективную в смысле выполнения задач воспитания.

Как-то они приехали ко мне в отель со своим младшим восьмилетним сыном. Мальчик свободно участвовал в беседе взрослых, без излишнего смущения задавал вопросы о жизни, отдыхе и учебе своих сверстников в Советском Союзе. Потом мы перешли к другим, неинтересным для ребенка темам, но он спокойно досидел до конца беседы, не проявляя нетерпения, казалось бы, вполне оправданного в его возрасте. Нормы человеческого поведения в силу многогранного созидательного воздействия воспитателей давно, видимо, перестали быть для этого малыша книгой за семью печатями. Такое отношение к детям, серьезный подход к их воспитанию характерны для большинства японцев.

На советскую выставку в Токио приходило множество семей. Выставка работала в самый жаркий период года — в августе. Несмотря на большое число посетительниц, идущих нескончаемой вереницей, дети, проходящие с родителями, с большим интересом рассматривали

экспонаты, особенно различные действующие модели машин и механизмов. Молодые мамы с детьми за спиной ходили между стендами, разговаривали с переводчиками, неторопливо и обстоятельно расспрашивали работников выставки, безмерно удивляя их безукоризненным поведением своих крошечных дочерей и сыновей. Конечно же, эти черты характера не появились у маленьких японцев сразу при рождении; воспитание в семье, ежедневное, неотступное и с самого раннего возраста — видимо, решающий фактор.

В одной из японских газет мне попало сообщение об экспериментальных классах и даже школах, обучение в которых ведется на основании максимального учета возможностей усвоения учебного материала. Поскольку в начальной и средней школе первой ступени основное внимание уделяется освоению иероглифического материала, преподаватели поставили ряд опытов, определяющих границы возможностей запоминающего устройства мозга. В результате пришли к выводу, что самое активное восприятие материала осуществляется школьником всего лишь в течение семи-восьми минут. Дальше наступает снижение, говоря языком графиков, кривая застывает на месте, а потом резко идет вниз. На основании этого уроки в экспериментальных школах длятся не более восьми-десяти минут, потом небольшой отдых, затем смена занятий, чередование разнообразных школьных дисциплин и снова краткий отдых. Успеваемость учащихся в таких школах намного перехлестнула предполагаемый преподавателями наивысший уровень. Впрочем, подобные результаты не могут не напомнить успехи нашей педагогики. Экспериментальные начальные классы, где ребят обучают алгебре и геометрии, с успехом доказывают, что возможности школьника значительно выше, чем это предусмотрено ныне существующими программами, — абстрактное мышление может быть развито на ранних стадиях обучения у самых обыкновенных детей — невундеркиндов.

Многое для нас в системе воспитания молодежи в Японии неприемлемо и чуждо. Однако интересные, непрерывные творческие поиски прогрессивной японской интеллигенции не могут не быть нам близки. В нашей

стране, неустанно заботящейся о развитии науки и улучшении системы образования, школа и учитель постоянно находятся в поле зрения всего народа. Именно учителю доверено лепить души тех, кто через несколько лет примет эстафету строительства новой жизни. И от того, сумел ли учитель в школе или преподаватель в вузе передать своим ученикам не только знания, но и вдохновенность, которой начинается настоящий творческий труд — великая радость бытия, сумел ли он открыть перед глазами своих слушателей красоту мира и человека, научил ли понимать ее, зависит многое — богатыми или бедными духовно они выйдут в жизнь, смогут ли принять бой за ее новые рубежи.

Прогрессивный японский учитель стремится привить своим ученикам лучшие человеческие качества, но в условиях капиталистического мира осуществить это нелегко. Против учителя — и гангстер на экране, и тысячи страниц бульварной и детективной литературы, наполненных убийствами и насилием, против него политика правящего лагеря, насаждающего в среде молодежи дух шовинизма. И не всегда учитель одерживает победу в этой борьбе. Одной из самых серьезных социальных проблем современной Японии стала непрерывно растущая детская преступность — свыше 30 процентов уголовных преступлений в стране совершается подростками.

Обо всем этом мы беседовали с учителями из города Урава, прославившегося на всю страну своими мужественными выступлениями против восстановления реакционного курса в системе обучения. Не будет преувеличением сказать, что преподаватели засыпали нас градом вопросов. Их интересовало все — общественное и социальное положение учителя в нашей стране, его заработная плата и права профсоюза учителей, возможности повышать квалификацию, пользоваться мировой новейшей литературой по педагогике, творческие искания учителя и отражение их на страницах газет, работа школ со специализацией по языку и многое, многое другое, что просто невозможно упомнить и тем более пересказать.

Безусловно, и мы были не менее любопытны. Нас также интересовали труд и жизнь японского учителя, его место в общественной жизни, идеалы и стремления.

Из бесед с нашими знакомыми и из всего увиденного нам было ясно, что труд и энтузиазм, горячая влюбленность в свое дело — все это есть у лучших представителей японской интеллигенции.

Но как отличается положение этого неутомимого труженика от жизни учителя в нашей стране! Как много бюрократизма, рутинности, косности, старорежимной неподвижности приходится преодолевать преподавателю средней и высшей школы Японии в своей работе! Каким поистине недюжинным должно быть упорство учителя, чтобы бороться против тенденций реваншизма и ремилитаризма, дух которых правящие классы хотят насадить в среде молодежи, каким настоящим героизмом должен он обладать, чтобы выстоять в борьбе против наступления, развернутого правительством в последние годы на прогрессивную японскую интеллигенцию.

Никкёсо — профсоюз японских учителей насчитывает свыше 600 тысяч человек, это самый большой профсоюз страны. Боевая молодежь в его рядах имеет за своими плечами немало сражений, немало побед в борьбе с правительством за свои права.

Наступление на прогрессивную интеллигенцию правительство развернуло особенно широко весной 1958 года. С середины 1957 года в Японии появились признаки экономического спада. Показатели выпуска продукции в статистических ежегодниках и толстых экономических журналах, прежде подымавшиеся по клеточкам таблиц, застыли, а потом стремительно кинулись вниз.

На складах стали скапливаться горы готовой продукции. Предприниматели, столкнувшись с серьезными экономическими трудностями, как обычно в таких случаях, попытались переложить все тяготы на плечи трудящихся. Начались массовые увольнения рабочих, перевод на положение временных, сокращение рабочей недели, косвенное снижение заработной платы.

Но, как известно, наступление на жизненный уровень трудящихся влечет за собой наступление идеологическое, вернее, это два процесса, которые всегда сопровождают друг друга, затрагивая самые различные сферы общественной жизни. Справиться с растущим движением трудового народа в Японии — задача в наши дни далеко не

простая. Даже такие средства, как массовые аресты, ныне оказываются малодейственными. Сегодня ими нельзя запугать борцов Японии, ряды которых множатся с каждым днем, и тем более нельзя остановить мощные волны осенних и весенних наступлений трудящихся.

Однако реакция все еще не отказывается от новых и новых попыток подорвать неистребимый дух сопротивления, расправиться с теми, кто стоит во главе движения, чья жизнь — каждодневный подвиг. Одной из таких попыток и было наступление на прогрессивную интеллигенцию. Наиболее ярко оно проявилось в борьбе против профсоюза учителей.

Почему именно учитель оказался в поле зрения реакции?

Никкёсо в массе своей состоит из довольно молодых людей, переживших войну. Они никогда не смогут забыть атмосферу военного угара, разгул шовинизма, ужасы Хиросимы. Тем настойчивее их борьба за счастье молодого поколения, за его не омраченное пожарами войны будущее.

Правящие круги Японии прекрасно сознают, что во многом учитель формирует демократические убеждения молодежи, воспитывает ее в духе ненависти к войне, стремления к миру и готовности к борьбе за свои идеалы. Сегодняшний японский учитель — это рядовой огромной армии, ведущий неустанные тяжелые бои на самой передовой линии огня. И этот живой пример, который учит критическому отношению к действительности, учит не сгибаться перед силой, — лучшее, что может дать учитель своему ученику.

Но жизнь японского учителя на виду не только у ученика. Возвращаясь как-то из очередной поездки, мы остановились у маленькой деревушки, поджидая спускающуюся с горы встречную машину. У обочины дороги стояли два крестьянина и о чем-то спорили, энергично жестикулируя. Не успели мы понять, в чем предмет спора, как один из спорщиков уверенно заявил:

— Пошли к учителю, он разберется, — и оба решительно зашагали к деревне.

Эта сценка весьма обычна для японской деревни. В Японии, как и во многих странах Востока, до сих пор

существует своеобразный культ учителя — к нему идут с разными делами и вопросами, для множества семей он признанный друг и советчик.

И деревне, и городу так нужен этот постоянный огонек свободомыслия и мужества, неброское, но стойкое пламя которого притягивает не только молодежь, но оказывает влияние и на многомиллионные массы родителей.

Однако для деревенских боссов, помещиков и зажиточных крестьян, рассчитывающих подольше сохранить свое влияние в деревне, так же как для хозяев капиталистических предприятий в городе, фигура прогрессивного, энергичного учителя очень опасна. Именно поэтому репрессии обрушились на учителей.

Раньше учебные программы хотя и составлялись на основе инструкций министерства просвещения, но решающее слово в их разработке принадлежало советам по образованию — выборным органам в каждом городе и префектуре.

В 1957 году началась замена членов этих, как правило, демократичных органов назначаемыми министерством представителями. Система назначения прежде всего привела к тому, что министерство просвещения получило возможность утвердить угодные ему кандидатуры. Состав советов незамедлительно изменился, в нем большую роль стали играть люди с реакционными взглядами.

Одним из способов воздействия правительства на боевой профсоюз учителей было введение системы аттестации. Советы по образованию разработали квалификационные правила, по которым все учителя делились на пять групп — очень хорошие, хорошие, обычные, слабые и очень слабые.

Успехи преподавателя в его педагогической работе и его личные качества рассматривались в соответствии с квалификационной таблицей из 150—170 вопросов. Вопросы самые разные — выполняет ли данный учитель правила преподавательской работы в школе? Дает ли ученикам достаточные знания? Точно ли соблюдает распорядка школьной администрации? Дисциплинирован ли, аккуратен, вежлив, честен, порядочен? Содержит ли

в порядке свои вещи, одежду, скромн ли в личной жизни?

Каждый из вопросов давал простор произволу членов советов по образованию. По их заключению преподавателя могли перевести из города в деревню, снизить заработную плату и даже уволить. Система аттестации превращала советы во всеильные организации контроля, в карающую инстанцию для профсоюзных активистов, для так называемых левых учителей. Расчет реакции был прост — запугивая репрессиями, подорвать волю учителей к борьбе, резко изменить общее направление в системе образования.

Введение аттестации вело к полному уничтожению демократической системы просвещения, насаждению в школе махровой реакции. Борьба за идеологическую обработку молодежи приняла совершенно открытые формы. В школу вновь стали проникать идеи реваншизма, воинственного духа самурайства, духа, требующего возрождения японской армии и пересмотра препятствующей этому конституции. Изменялись учебные программы, курсы истории, на страницах школьных учебников вновь стала оживать изгнанная с них фигура императора как живого символа «Великой Японии», представителя «вечной и непрерывной» династии, объединяющего японский народ для «великой миссии», о которой пока говорилось глухо, скороговоркой.

За десятилетия, прошедшие после окончания второй мировой войны, японцы привыкли к тому, что в журналах и газетах появляются фотографии императора Хирохито, императрицы Нагако, их детей, широко освещается их частная жизнь, где они выглядят вполне обычными людьми с человеческими достоинствами и недостатками. Выросло новое поколение, которое смотрело на императора совсем иначе, чем отцы, падавшие ниц и ползавшие на коленях перед императорским дворцом. Да и сам Хирохито и его семья в последние годы совсем не чуждались «паблисити». Журналы пестрели статьями о мебелировке императорских апартаментов, о свадьбе наследного принца Акихито, нарушившего традиции императорского дома, женившись на женщине «некоролевской крови» — дочери мукомольного магната.

Когда у Акихито родился сын, он и жена делились с читателями толстых журналов своими мыслями о том, как они хотят воспитывать мальчика, отвергнув старую систему уединенного воспитания наследника. Они хотели воспитывать его сами, и журналы помещали фотографии невестки Хирохито, играющей со своим сыном на лужайке перед особняком около Парламентской библиотеки.

Не менее широко освещала пресса женитьбу младшего сына императора, Иосихито, печатались корреспонденции о многоступенчатых конкурсах претенденток из женских колледжей на почетное место невестки императора, публиковались пожелания относительно внешних данных будущей супруги Иосихито и прочие разные подробности.

Старые японцы ворчали — их оскорбляло такое жонглирование императорским именем. Неслыханное дело — на газетных полосах портреты Иосихито, обсуждение различных туров конкурса, ажиотаж вокруг столь необычной темы, это уж совсем никак не вязалось с древними национальными традициями.

И вот, когда страна добилась того, что императора и его окружение стали воспринимать совершенно иначе, чем раньше, снова начинаются попытки воскресить представление о его божественности. Восстанавливаются атрибуты старой школы — торжественный дух школьных линеек, когда в мертвой тишине актового зала вытягиваются в струнку преподаватели и ученики, когда директор с окаменелым от благоговения лицом поворачивается к шкафчику в стене, распахивает дверцы и глазам присутствующих предстает портрет императора. Дух фанатизма незримо вползает в школьные здания, уродуя психику самых маленьких и отравляя ядом шовинизма души старших.

Но это соответствует политике правительства. Была разработана даже специальная программа идеологического наступления под лозунгом «хито дзукури» — «формирование человека». Она включала насаждение идей реваншизма, раздувание культа императора, пропаганду теорий сотрудничества труда и капитала, в основе которых лежал старый принцип: хозяин — отец,

рабочие — его дети, долг хозяина — заботиться о детях, долг детей — беспрекословно слушаться отца-хозяина.

Преподаватели, которые попытались бороться против восстановления реакционного курса в современной школе, немедленно подверглись репрессиям.

Борьба против прогрессивной японской интеллигенции выглядела уже не как отдельные выпады реакции против боевого Никкёсо, но вполне отчетливо выливалась в широкое наступление против трудящихся, преследующее классовые реакционные цели. Именно поэтому упорное сопротивление введению системы аттестации охватило самые широкие слои японцев и превратилось в общенародное движение за демократические права.

В марте 1958 года закрылись двери школ: учителя объявили забастовку, подавляющее большинство учителей по всей стране не вышло на работу. В Токио состоялся митинг, на котором более 40 тысяч человек протестовало против введения реакционной системы аттестации. Борьба Никкёсо была поддержана выступлениями многих профсоюзов. Правительство, обеспокоенное размахом движения, начало репрессии против профсоюза учителей, против профсоюзных активистов и всей прогрессивной интеллигенции, несогласной с курсом правительства.

Аресты учителей, обыски и налеты на квартиры лидеров движения, на помещения профсоюзных центров, увольнения учителей, выговоры и снижения заработной платы стали массовыми явлениями. Арсенал репрессий был неограничен, угрозы в адрес Никкёсо сыпались как из рога изобилия.

В ответ на наступление правительства начались демонстрации, в которых участвовало свыше двух миллионов рабочих и служащих. В эти дни над колоннами демонстрантов, на митингах солидарности с учителями развевались лозунги: «Прекратить репрессии!», «Отменить реакционную систему аттестации учителей!». Бастовали студенты 53 университетов. По всей Японии вышли на улицу преподаватели и начальных школ и высших учебных заведений.

И... правительство отступило. В системе аттестации

были произведены значительные изменения и пересмотрены сроки ее введения. Несмотря на то что правительство до конца не отказалось от дальнейших своих видов на введение этой системы, победа была велика. Она показала и интеллигенции и рабочему классу, союз которых укрепился в эти суровые дни, что только упорная непрерывная политическая борьба может заставить отступить реакцию.

За эти годы Никкёсо расширил и укрепил свои ряды. Он и сейчас один из самых боевых профсоюзных объединений Японии. Учителя рука об руку с другими профсоюзами выступают против планов расширения полномочий полиции, против введения закона о «предотвращении политических насилий». Они были и остаются активными борцами против «договора безопасности».

Амулеты с неба...

Чудо, чудо... Японское чудо, итальянское, западногерманское... Чудо ли?

Разговор начался совсем случайно. Утром мы были на предприятиях фирмы «Хитати» — радиоаппаратура, приемники и транзисторы, которые известны всему миру. Корпуса за корпусами, светлые помещения с белоснежными потолками, живая, мягкая цветовая гамма оформления цехов на уровне современной технической эстетики, идеальная чистота, аккуратные, отглаженные халаты рабочих. Почти ту же картину мы обнаружили на заводе компании «Мацусита дэнки», одном из лучших японских предприятий. Цех транзисторов напоминал сверкающий стерильный зал какого-нибудь фармацевтического предприятия. Вероятно, здесь была подсчитана не только освещенность каждого сантиметра рабочего места, но даже кубатура воздуха — ровно столько, сколько нужно для интенсивного труда работницы в течение ее рабочего времени. Рабочее место тоже, наверно, определялось в сантиметрах, так густо, словно в ячейках, сидели маленькие работницы — мимо них, извиваясь

спиралью, ползла змея конвейера, захватывая у каждой какие-то детали и неся к концу маршрута готовые изящные, сверкающие транзисторы.

Транзистор. Я вспомнила, что только накануне разговаривала со своим знакомым — владельцем маленькой обувной лавочки около нашего отеля. Хозяин сидел тут же за перегородкой, отделявшей его уголок от стеклянных витрин, где стояли изящные на каблучках-гвоздиках туфли из разноцветной мягкой кожи. Я застала его, как всегда, за работой — рядом уже стояла одна готовая крошечная (совсем для Золушки!) красная туфелька с обрубленным носиком и высоким гордым каблучком. Цены в его магазине были значительно ниже, чем в центральных универмагах — «депато», — там туфли стоили 4—5 тысяч иен, а у него — 2,5—3 тысячи. На мой вопрос, как он сводит концы с концами, хозяин отвечал уклончиво.

— Да так, понемногу. Кто же здесь (он имел в виду — в этом районе, далеком от центра) будет покупать за 4—5 тысяч? Ничего, пока держусь. Пока... Вот сегодня закончу эти, — он стукнул молотком по красному каблучку, — транзистор будет доволен — в центре ей не купить, дорого.

Я подумала, что ослышалась.

— Кто, — говорю, — будет доволен?

— Торандзисута (транзистор).

— ?!

— Да вон она!

Через дорогу к соседнему дому бежала девочка лет шестнадцати в черных брючках и голубой рубашке-распашонке.

Увидев мое недоумение, он объяснил:

— Это моя соседка Мияко, она работает у Мацусита. Так как-то повелось, что этих работниц стали звать «транзисторами». Разве вы не слышали?

— Нет, я не слышала.

И теперь, проходя по цехам, я вспомнила этот разговор. Значит, все эти девочки, маленького роста, хрупкие, худенькие, наверно не старше шестнадцати лет, действительно чем-то напоминающие крошечные изделия их рук, — все эти Мияко, Митико, Теруко, Ханако, Ма-

сико, Айко — все это просто масса без имени, вернее, с одним именем — «транзистор».

Народный язык столь же меток, сколь наблюдателен глаз. В этом названии отразилось остро подмеченное стремление крупных фирм набирать молоденьких работниц 15—16 лет, фирма расчетлива — подростку платят гораздо меньше, чем взрослому.

Когда мы шли к автобусу с завода, один из наших инженеров сказал:

— Чудо, какое производство! Как часы. Несколько минут — и транзистор!

— Восемь минут, — подсказал кто-то.

Наш японский гид, господин Охара — Охара-сан, как мы его звали, очень уверенно заметил:

— Весьма обычный момент, так сказать, частное проявление японского экономического чуда.

И тут началось. Охара-сан засыпали вопросами. Что такое «экономическое чудо», по мнению японца? Каковы причины его возникновения, что оно принесло рядовому жителю страны (о монополиях никто не спрашивал), каковы дальнейшие перспективы «чуда» и множество, множество других вопросов.

Охара-сан изумился такому натиску всегда спокойных своих подопечных, не проявлявших чересчур назойливого любопытства.

— Я считаю, — начал он, — самым главным необыкновенное трудолюбие и стойкость духа японцев. Японцы перенесли такие трудности, такие невзгоды после войны, и все же необычайная организованность, упорство, дисциплинированность, исключительное национальное самосознание и единая целеустремленность всей нации помогли все преодолеть.

Мы внимательно слушали. Безусловно, можно и должно было согласиться с тезисом о необыкновенном трудолюбии и терпении японского народа. Несомненно, ту сегодняшнюю передовую капиталистическую Японию, поднятую буквально из руин, могли создать только бесконечно трудолюбивые руки. Но, конечно, усилия миллионов тружеников весьма отличаются от усилий представителей монополий, с которыми по воле Охара-сан они были объединены его почти магически

звучащей фразой — «единая целеустремленность всей нации».

Целеустремленность представителей монополий не вызывает сомнения. Скорбя в послевоенные годы о гибели «Великой Японии», они больше всего оплакивали свои потерянные прибыли, а гордясь современными «чудесами», отнюдь не безразлично относятся к тому, что приносит конъюнктура в их карманы.

В цветистой формулировке Охара-сан наряду с подчеркиванием исключительности японцев было слишком много объединительных скобок, благодаря которым счастливо обходилась весьма не последняя вещь в сотворении «чуда» — эксплуатация. А между тем всем, чего достигла Япония, она обязана прежде всего труду миллионов людей, которые, выдержав лишения послевоенной разрухи, создали и создают кровью и потом своим шедеврами индустрии и в этой стране, кричащей о своем процветании, получают нищенскую заработную плату — 10 тысяч иен в месяц. Трудом всех этих маленьких безвестных «транзисторов», неутомимыми пальцами и недюжинной выносливостью их и было соткано японское «чудо».

Именно жесточайшая эксплуатация позволила монополиям в послевоенные годы собрать громадные суммы, необходимые для создания новых производственных мощностей. Недаром японская статистика откровенно заявляла, что к концу 50-х годов норма прибавочной стоимости в японской промышленности достигла 400 процентов.

С целью повышения производительности труда монополисты все шире применяют сверхурочные работы, усиливают интенсификацию труда, в то же время удерживая заработную плату на низком уровне. Общеизвестно, что в Японии заработная плата рабочего значительно ниже, чем в других капиталистических странах. Японский рабочий получает в семь-восемь раз меньше американского, в четыре раза меньше английского, в несколько раз меньше западногерманского, французского и итальянского рабочих.

Безудержная эксплуатация трудящихся позволила Японии сделать за послевоенные годы необыкновенный

рывок, заставивший говорить о ней как об одной из самых развитых и быстро развивающихся капиталистических стран.

После окончания войны Япония лежала в руинах, основные промышленные центры — районы Токио, Йокогама, Осака, Кобэ были разрушены. Вместо тысяч многоэтажных заводских корпусов маячили ржавые железные скелеты.

А теперь? Первое место по судостроению в капиталистическом мире, достигнутое еще в 1957 году, первое место по производству искусственного волокна, по выпуску транзисторов, по улову рыбы, второе после США по выплавке стали. Перечень первых и приближающихся к первым мест, который хвастливо ведет японская статистика, можно бы продолжить и дальше.

Растут новые отрасли промышленности — электронная, атомная, множество ответвлений новейшей нефтехимии — и как растут!

Четыре пятых производства электронной аппаратуры вывозится за границу, тончайшие и сложнейшие приборы плывут на японских кораблях, летят на самолетах в 78 стран мира — в Европу, Северную и Южную Америку, в Африку. Япония проникла не только в глубь «черного континента», но и в глубь «европейского сообщества». Продукция японской индустрии пользуется большим спросом в странах Европы, и Япония рассчитывает и впредь использовать эти возможности. Столь соблазнительные перспективы для монополий, их неустанная погоня за прибылями торопят промышленность вперед и вперед. Наряду с тяжелой металлургией, тонким машиностроением, с различными отраслями синтетического производства растет изо дня в день дитя века — атомная промышленность. В 1963 году была создана экспериментальная атомная электростанция в Такаимура; в спутнике столицы городе Кавасаки крупнейшими японскими фирмами во главе с Мицуи Тосиба построен частный ядерный институт, занимающийся фундаментальным исследованием атомного ядра и промышленного использования радиоактивного излучения.

Шагает вперед и техника ракетостроения. В 1955 году на живописном пляже Митикава была запущена

первая японская ракета. Она была длиной 30 сантиметров, ее так и называли — «ракета-карандаш». «Карандашная ракета» ушла ввысь всего лишь на один километр. Теперь же Япония продает в разные страны мира прекрасно сработанные ракеты для исследования ионосферы. Один из последних образцов ракетной техники, «Капа 9-М», подымается на 400 километров. В январе 1963 года была завершена и подготовлена к производству по американской лицензии боевая ракета «Ника-Аякс». В Токио носятся с проектом создания пассажирской ракеты, которая бы ходила по маршруту Токио — Нью-Йорк и покрывала бы это расстояние за 2 часа 25 минут. И говорят, работа над проектом идет успешно. В 1968 году Япония намерена запустить «спутник».

Ну, словом, «чудо». Но как свидетельствует жизнь, чудес на свете не бывает — у самого необычайного есть вполне определенная основа.

Много лет назад, когда в Японии произошли события, потом получившие название «революции Мэйдзи», по стране прошел слух о «чуде». Говорили, что в Нагоя над одним из храмов с неба спустились амулеты. Монахи толковали это как предвестие больших перемен. Перемены действительно произошли огромные, но «чудо» с амулетами было ни при чем. Видно, настало время, когда зревшие в недрах феодализма силы пробили себе дорогу и страна вышла на капиталистический путь развития.

Так и у современного японского «чуда» есть вполне реальные основы. Как мы видим, самое главное — эксплуатация людей труда. Но не только это. В разрушенную экономику страны, в ее лихорадочно западающий пульс живительным потоком хлынуло золото американских займов. И поскольку новая индустрия создавалась почти на пустом месте, обновление основного капитала достигало огромных масштабов, у японских монополий появилась возможность не только строить, но и реконструировать техническую базу страны на уровне происходившего в послевоенном мире научно-технического переворота. Примерно треть промышленного оборудования, приобретенного монополиями, была оплачена государством, то есть опять же трудящимися — за

счет выплачиваемых ими налогов как прямых, так и косвенных.

Возникали предприятия, оснащенные не хуже некоторых промышленных объектов США. Обновление основного капитала, строительство новых предприятий способствовали расширению внутреннего рынка. Японские монополии начали конкурентную борьбу на внешних рынках. Новейшая техника плюс низкая заработная плата позволяют японским монополистам бить конкурента дешевизной товара.

Длительное время Япония не несла сколько-нибудь серьезных военных расходов. Даже после создания «сил национальной самообороны» доля военных расходов в ее бюджете не превышает 11—13 процентов, в то время как у других капиталистических стран она в несколько раз больше, у тех же, скажем, Соединенных Штатов военные расходы достигают почти половины бюджета.

Мало того что Япония не тратила средств на военные нужды, Соединенные Штаты предоставили ей возможность нажиться на войне в Корее. За период военных действий американцы закупили в Японии оружия и боеприпасов на 1,3 миллиарда долларов (включая оплату за услуги). Японским монополиям это напоминало о минувших временах наживы на военных поставках и о том, что такие возможности могут вновь возродиться на путях реваншизма и ремилитаризации. При непосредственной поддержке американской военщины в Японии всплывают лозунги реванша, идеи пересмотра конституции, мешающей созданию армии. Ну, а пока достичь этого не удастся, монополии довольствуются производством и поставкой винтовок, минометов, безоткатных орудий и других видов вооружения для американских приспешников в странах Юго-Восточной Азии и выдвигают лозунг: «Оснащать вооруженные силы Японии оружием собственного производства».

Однако для такого расширения промышленности нужны люди, постоянное пополнение. И в этом смысле аграрная реформа Макартура и особенно «кихон но-гёхо» — основной сельскохозяйственный закон, принятый в 1961 году, — сделали все, чтобы обеспечить «чудо» людскими резервами.

Закон 1961 года был фактически второй аграрной реформой послевоенного времени. Реформы 1946—1949 годов в основном ликвидировали помещичье землевладение, но бурно шагающую индустрию не устраивали темпы развития сельского хозяйства, еще отягощенного феодальными пережитками, ей нужно было сельское хозяйство, полностью опирающееся на капиталистические методы. Создание крупных капиталистических хозяйств фермерского типа и, следовательно, огромное разорение мелких собственников, арендаторов и имел в виду основной сельскохозяйственный закон. По подсчетам японских экономистов, свыше 60 процентов мелких хозяйств будет разорено, зато город с его лихорадочно растущими предприятиями обеспечивается рабочей силой.

В общем нет амулетов с неба, есть реальные причины. Другой вопрос — какие же перспективы этого процветания. Тысячи обезземеленных крестьян хлынули в промышленные центры. Строящиеся корпуса фабричных предприятий втягивают эту бесконечно текущую армию. Как-то Охара-сан, опять же напирая на фразу: «Сами видите, какие темпы развития» — с гордостью спросил: «Вы видели наши магазины?»

Да, конечно, мы видели магазины. Есть на что посмотреть. Охара-сан, наверное, считал магазины основным, самым наглядным для приезжего показателем благополучия в экономике. Но мы видели и более бесспорные доказательства — бетонно-стеклянные коробки строящихся предприятий, бесконечные цепи зданий в строительных лесах, прекрасные дороги, прокладывающиеся непрерывно, дымящие жерла цементных заводов — «лакмусовая бумажка» промышленного подъема, стройки в центре страны и на окраинах, бетономешалки, бульдозеры, поезда за поездами с платформами, загруженными строительными материалами.

В Токио, по пути на работу, каждое утро мы наблюдали, как меняется облик улиц. На строительных площадках, которые в столице, особенно в центре, стоят миллиарды иен, росли буквально на глазах один за другим многоэтажные здания, не зная усталости электрическая «баба» с раннего утра с визгом била каменный грунт, забивая в землю железные стебли каркасных кон-

Утренний Токио. Деловой район
города — Маруноути

В Кобе рядом со зданием банка «Сан-
ва» высится «Интернациональный
отель»

Монорельсовая дорога, построенная к Олимпийским играм, соединяет центр столицы с международным аэродромом Ханэда

Современные японские здания —
алюминий, стеклопластик, бетон

Деловые центры японских городов похожи друг на друга. Асфальтированные магистрали, толчея «билдингов» — это центр Осака

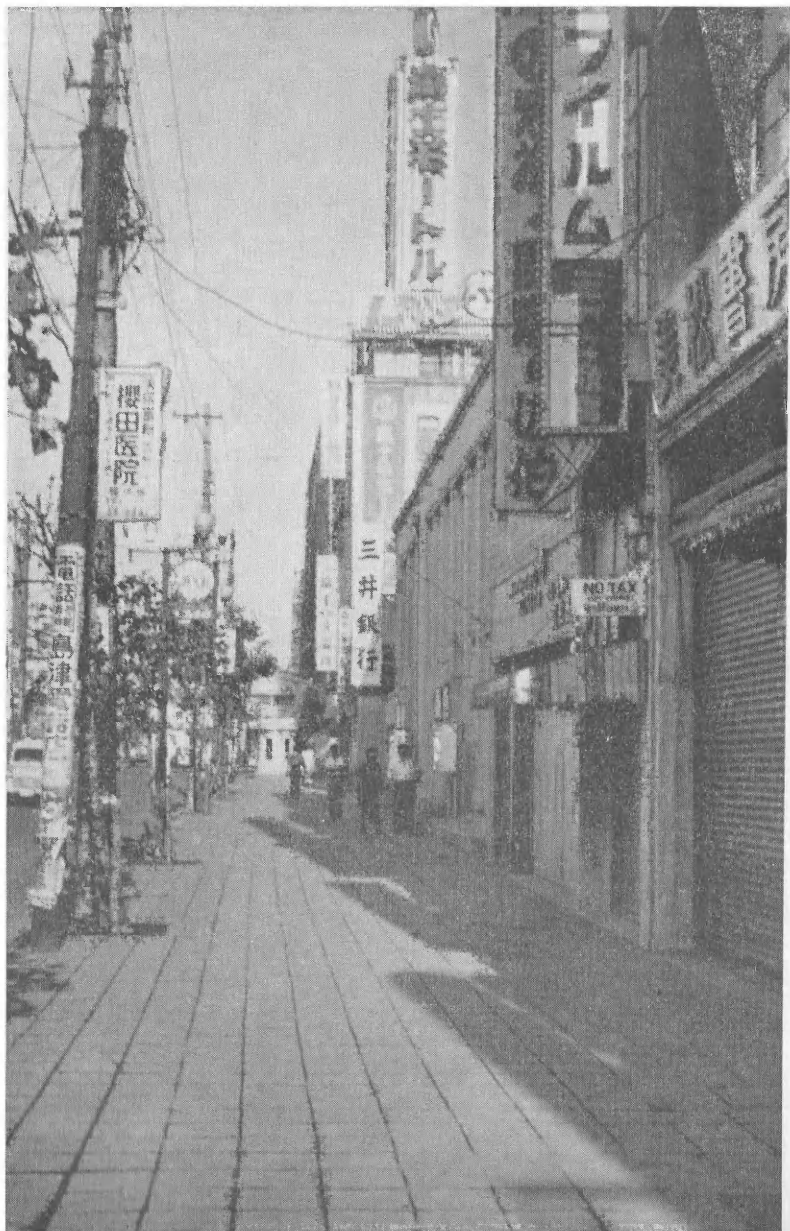

А это Киото. Силуэты древних храмов и современных строений, поток машин и автобусов

Зажатые между машинами пешеходы, полосатые тенты магазинчиков, небо, прокопченное фабричными трубами,— городская окраина

Эта улица с двухэтажными домами
тоже типична для японских городов

Дом состоятельного японца, сочетающий национальные формы и современные удобства.

Японский сервис разнообразен — обед прямо клиенту на дом

Радиозавод компании «Мацусита дэнки». В сборочном цехе телевизоров

**В маленьком рыбацьем поселке сушат
рыбу**

Молодежь протестует против «договора безопасности»

«Долой договор безопасности!»

Сидячая забастовка шахтеров против закрытия шахт

Жены шахтеров протестуют против
увольнения их мужей

Американские военные базы. Грохот моторов, черные крылья самолетов над головами детей

«Нет!» заходу «поларисов»

**Токио задыхается от нехватки воды.
В больницу воду доставляют на гру-
зовиках**

В рабочих районах летом нет воды.
Нужно ждать, когда придет цистерна

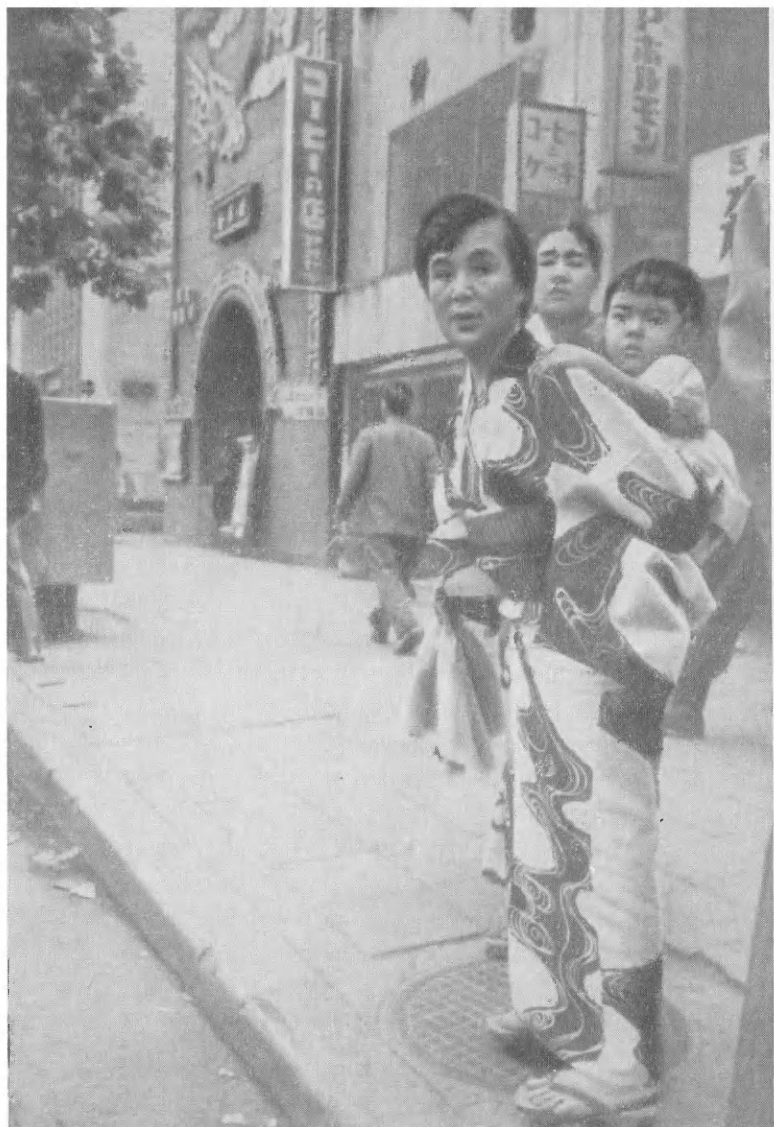

Малышам удобно за маминой спиной

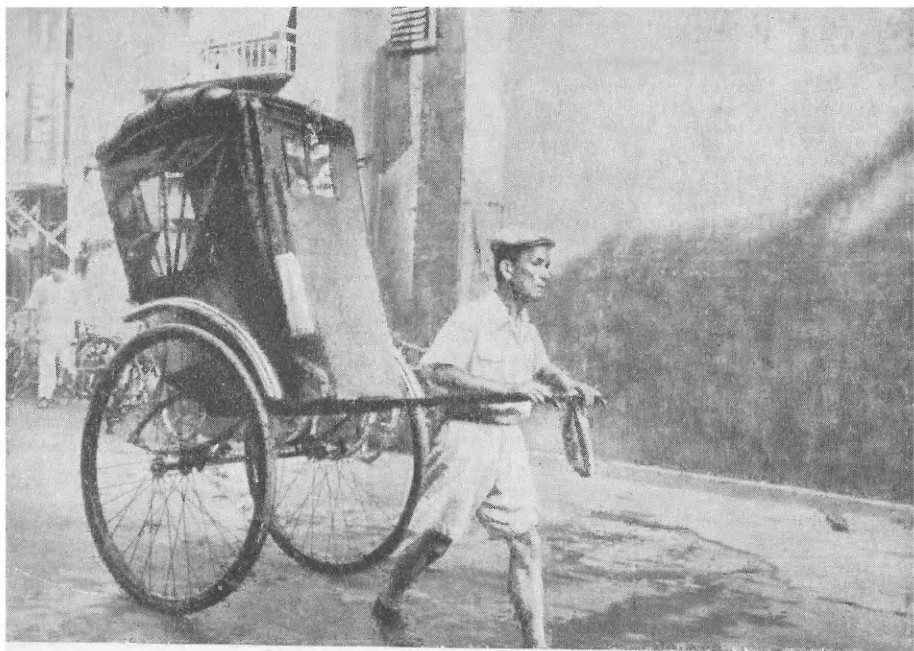
В поход, в поход! Пока до парка
Хибия

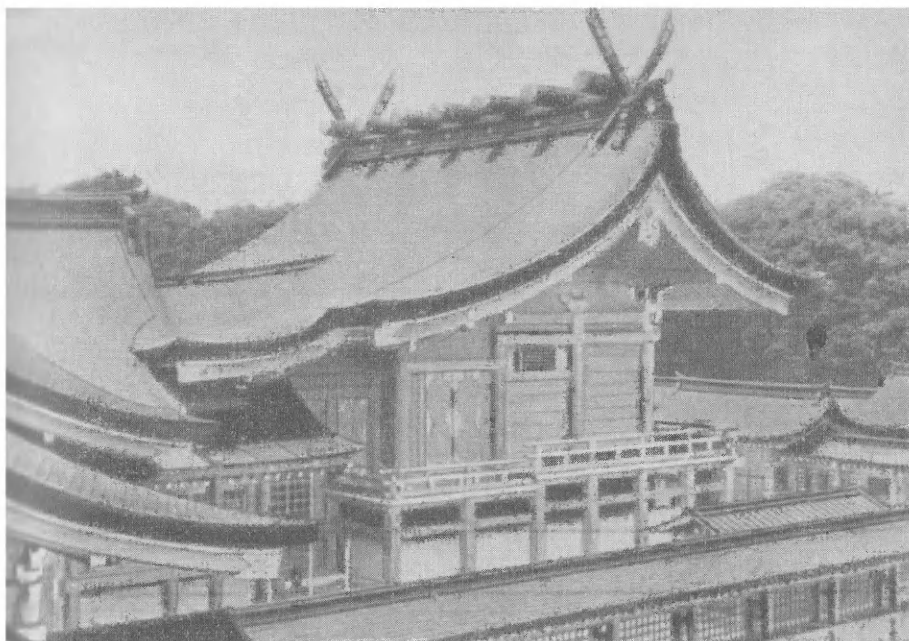
Наряду с европейской одеждой в городах носят национальное кимоно

Иногда можно встретить и рикшу

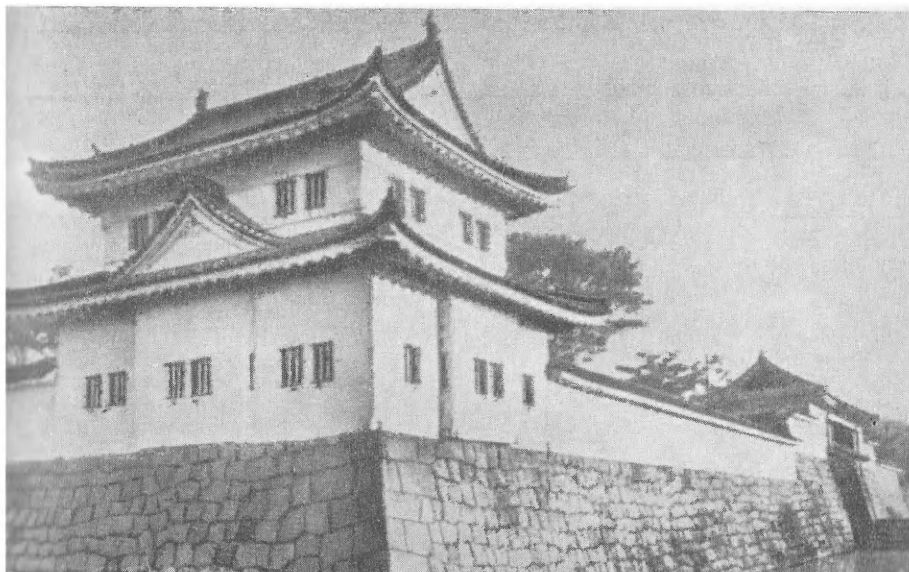
По колено в холодной воде — нелегко
выращивать рис

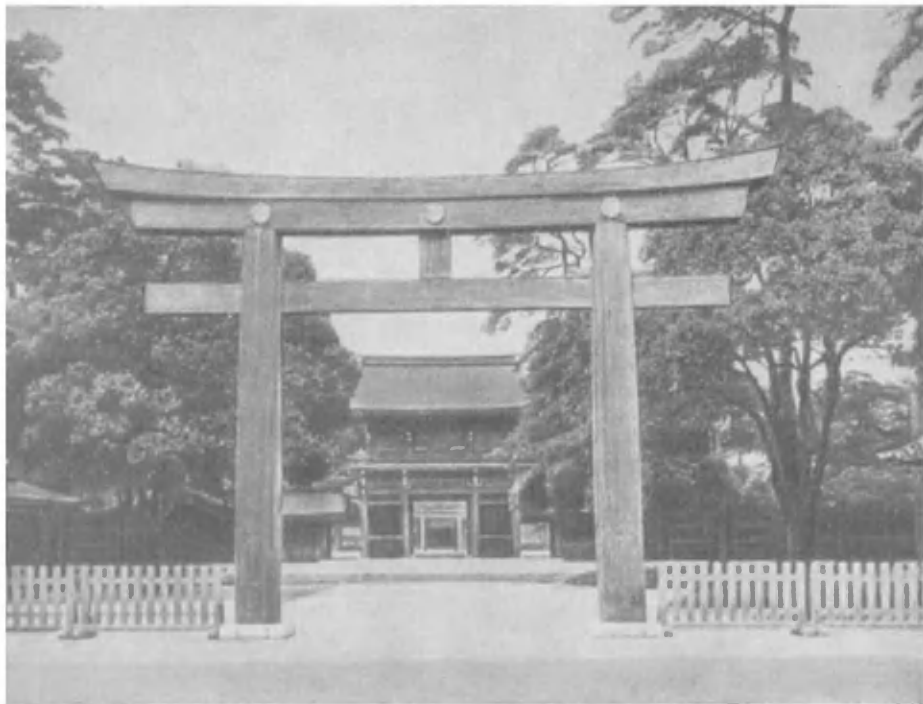

Храм Мэйдзи в одном из токийских парков

В зеленоватые воды крепостного рва
смотрится древний замок в Киото

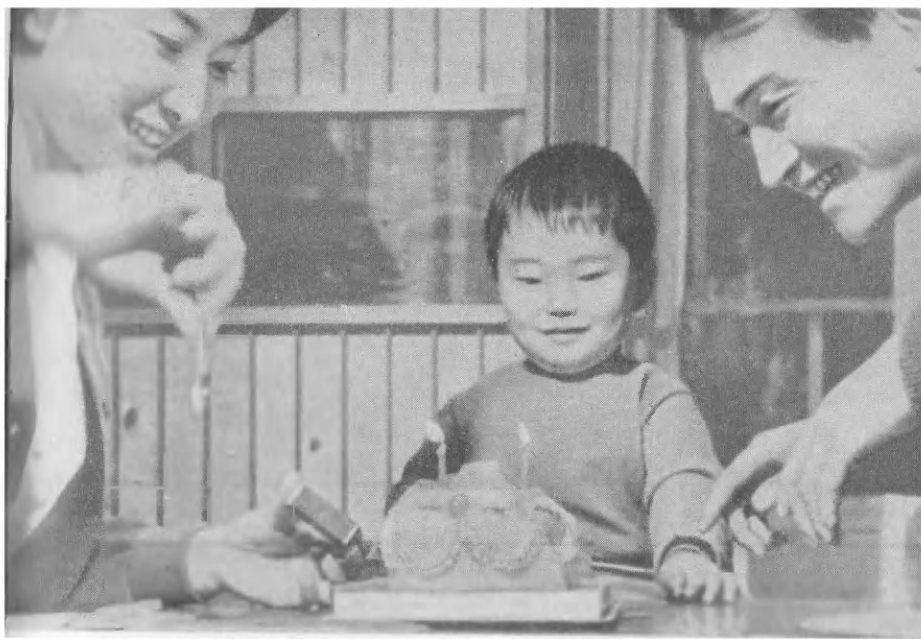
Тории — ворота, ведущие в синтоистский храм

Знаменитая статуя Будды в Камакура

Марико Окада в роли Сэнъя Хама-
мура в фильме «Танцовщица»

Фудзико Ямамото в фильме «Быть двухлетним мальчиком нелегко»

Интерес к СССР велик у японцев. На уроке русского языка

Суламифь Месерер ведет занятия
в балетной студии в Токио

струкций. Ажурные переплетения их стремительно поднимались над землей. Словом, признаков бурного подъема более чем достаточно.

Ну, а магазины? Как-то я убила выходной день на знакомство с ними и за целый день смогла обойти... всего лишь два магазина. Это были здоровенные, в восемь-девять этажей, самодовольные, гордые универмаги — «депато», название свое ведущие от искаженного английского «department store», которым японцы заменили свое «хяккатэн», звучащее сейчас почти как анахронизм. Осмотреть такой магазин, если, конечно, не только забежать, а действительно осмотреть, ознакомиться с декоративным оформлением его секций, с тем, как подается товар покупателю, присмотреться к работе персонала. нужно немало времени.

И оказалось, что вопреки желанию Охара-сан магазины далеко не самые бесспорные показатели процветания. Как раз именно магазины гораздо больше, чем что-либо, показывают внутренние, подспудные процессы экономики, которые при первом взгляде могут пройти незамеченными.

«Депато» полным-полны товаров. Милая продавщица с очаровательной улыбкой (но ни в коем случае ничего не навязывая!) поможет вам выбрать, посоветует, примет заказ на индивидуальное изготовление. Выбрав что-нибудь, отдав деньги, вы можете двинуться дальше, чтобы не ждать, пока она завернет покупку, завяжет ее разноцветными шнурками с доброй дюжиной бантиков и привесит обязательный ярлычок фирмы — хозяина «депато». Где-нибудь она вас догонит и, низко поклонившись, вручит покупку, поблагодарив и пригласив прийти еще.

У эскалаторов стоят аккуратные маленькие девушки — живые куколочки, у которых строжайшее назначение — целый день, кланяясь перед каждым посетителем, петь мелодичным голоском: «Домо аригато! (Благодарим вас!) Маттэ ирасяй масэ! (Приходите еще!)» — и еще протирать белоснежным полотенцем поручень эскалатора, по которому скользит рука покупателя.

В парфюмерном отделе, где опьяняющими волнами плавают тончайшие ароматы, продавщицы у всех на

виду делают и посетительницам и себе маски, кладут на лицо декоративный крем, густо-черный карандаш скользит по веку, создавая удлинённые, прямо-таки нездешние, «марсианские глаза».

За парфюмерией идут куклы, о которых можно говорить очень долго, но ещё лучше на них смотреть, обувь, целые отделы «женского царства» с нейлоновым бельём, шелковыми стегаными халатиками, ажурными чулками и прочей мелочью, невообразимо воздушной, в мягких пастельных оттенках. Ещё дальше отделы керамики, очень современной, смелой расцветки и формы, фарфор с бережно соблюденной традиционностью и осторожно добавленной новизной, целые отделы-этажи национального платья с тончайшей палитрой тканей диковинной расцветки, нарядными шелковыми кимоно и твердыми парчовыми «оби» *. Если подняться ещё выше — отделы зонтиков, сумок, портфелей, чемоданов, пуговиц, сверкающих пряжек и пестрых косынок.

Яркий калейдоскоп товаров, с выдумкой и изобретательностью поданных покупателю, кажется совершенно нескончаемым.

Конечно, если при такой загруженности магазинов товарами в них бы мало было покупателей, дальнейшие перспективы «чуда» вырисовывались бы вполне отчетливо. Но ситуация не так проста. Есть в магазинах покупатели. Понятно, что далеко не все, кто здесь ходит, покупают, но покупают. Особенно в воскресенье — народу совсем много. Конечно, «средний» японец, имеющий примерно 30 тысяч в месяц, не каждый день может покупать экстрамодные туфли за 5 тысяч иен или, скажем, модный свитер за 4 тысячи, но раз в месяц, наверное, он сможет это сделать. Впрочем, он может покупать в магазине и что-нибудь другое, не обязательно за 5 тысяч иен.

И вот это «что-нибудь другое» вы обнаруживаете обычно совсем случайно, попадая или на самый верхний этаж, или, наоборот, в полуподвальное помещение. Здесь товары, вышедшие из моды, то, что у нас принято называть «уценённые товары». Покупателей в этом отделе

---

* Оби — широкий пояс, которым подвязывается кимоно.

всегда много, основная масса и «средних» японцев и тем более низкооплачиваемого населения может покупать только здесь.

Эти распродажи характеризуют не только возможности покупателя, но и сбыта тоже. Зато варивание страшно — не успеваешь шагать за модой, за соседом, выпускающим продукцию, находящую спрос на рынке, прогоришь, вылетишь в трубу. И раз в месяц в «депато» выбрасывается на распродажу все то, что не успело найти покупателя, «устарело» за этот весьма короткий срок. Товар производится очень небольшими партиями, чтобы избежать повторения рисунков, расцветок, всеми силами побить в соревновании соседнюю фирму. Художники работают в поте лица, буквально выкладываясь в изобретательности, в бесконечных поисках все нового и нового.

Как-то в «Мицукоси-депато» внизу на манекене я увидела красивый пушистый свитер с тремя полосами очень мягкой расцветки. Пока я дошла до восьмого этажа, а потом спустилась вниз, чтобы купить его, мой манекен... уже оказался в другой одежде. На все мои расспросы я слышала одно и то же:

— Сумимасэн! (Извините!) Такого больше нет.

— Могу ли я где-нибудь найти такой свитер?

— Нет. Это изделия только нашей фирмы, была очень небольшая партия.

— А если я зайду завтра или на днях?

— Сумимасэн. Мы не повторяем выпущенных изделий.

И чем более вы присматриваетесь, тем более явственно проступает лихорадка вечной спешки, стремительной гонки — за модой, за соседом и, главное, за клиентом. Это чувствуется во всем — и в потоках беззаботно сверкающих товаров, и в сияющих улыбках очень учтивых продавщиц. Чуть ли не каждую неделю меняются экспозиции товаров, устраиваются выставки новинок, если вы придете сюда через месяц — вы и отдела этого не найдете на месте: все перегорожено, перекроено, заново оформлено и все с новыми эффектами, находками оформления, с такой подачей товара, что невозможно если уж не купить, то хотя бы не остановиться. Придумыв-

ваются самые разнообразные формы привлечения покупателей (говорят, был в одном «депато» случай, когда в качестве рекламы демонстрировался взятый напрокат слон). Устраиваются всякие юбилеи — я видела, как «Сога-депато» отмечал 250 лет со дня основания своего торгового дома. Это была настоящая феерия с огнями и серпантином на всех этажах, с выступлением старейших представителей фирмы, с демонстрацией мод лучшими манекенщицами Японии.

Утром, едва вы включаете радио, нежнейший детский голосок поет вам песенку, в которой говорится, что вам совершенно необходимо купить какие-нибудь витамины за тысячу иен (бодрость и энергия!), необыкновенные магнитофонные записи, шерстяное белье фирмы «Фукусима». Затем последует маленькая сценка — детский голосок будет говорить:

— Мама, купи мне, пожалуйста, красивый костюмчик в универмаге «Такасимая».

— Где? В «Такасимая»?

— Да, да! Только в «Такасимая»!

А вечером, перечеркивая экран телевизора серпантином иероглифов, неоднократно прерывая пение или какую-нибудь пьесу, та же фирма будет истошно кричать: «Только в „Такасимая“!».

Эта фирма еще не накануне краха, она просто борется. Но я слышала голоса «горящих», тех, что на краю пропасти, разорения. У них нет средств, чтобы кричать о своих товарах в эфире, и они кричали о своей беде голосами специально нанятых «зазывал», которые размахивали у прохожих под носом яркими флагами и надувными шарами, стараясь затянуть их в свою лавчонку:

— Пожалуйста, заходите! К нам, к нам! Продаем!

— Ровно в половину!

— Половинная цена! Половинная цена!

Приветливо кланяющийся хозяин, радуясь каждому посетителю, разбрасывал по прилавку гору шерстяных кофт, весенних костюмов, непромокаемых плащей, а за его улыбающимися губами прятался немой крик: «Погибаю! Тону! Горю!».

Темпы «чуда» не под силу прежде всего мелким собственникам. Но и роскошные «депато», средние и ма-

ленькие торговые предприятия одинаково вызывают сейчас совершенно определенное ощущение лихорадки, которая пока еще исподволь, но чем дальше, тем ощутимее начинает бить японскую экономику. И это уж не просто подхлестывающая плетка конкуренции — это отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть.

В последние годы в японской прессе все чаще можно встретить термин «либерализация торговли». За этими словами кроется сложное положение во внешней торговле Японии, в котором она оказалась в результате военных и экономических отношений с США. Торговые связи этих стран очень тесны — около трети японской торговли приходится на Америку, вложения американских фирм составляют 94 процента всех иностранных вложений. Но, оказав помощь в создании послевоенной промышленности Японии, американцы уже в 60-х годах столкнулись с последствиями своей политики: японские изделия — синтетический текстиль, транзисторы, электронная аппаратура — ударили по американской продукции, в то же время далеко не все американские товары могли беспрепятственно проникать в Японию. Начиная с 1959 года американцы пытаются избавиться от долларового кризиса, настаивая на проведении Японией так называемой либерализации торговли, что должно было привести к расширению американского экспорта. К началу 1965 года было «либерализовано» более 90 процентов японского импорта, причем, по подсчетам американского посольства, с каждых 10 процентов «либерализованного» американского ввоза в Японию США получают 100 миллионов долларов прибыли.

Осуществляя «либерализацию» торговли, Япония не только уступала требованиям американцев. Как это ни покажется странным, в этом были заинтересованы и ее собственные монополии.

Японским монополистам в погоне за прибылями приходится постоянно бороться за расширение внешних рынков. Продукция сотен предприятий тяжелой промышленности, удельный вес которой в японской экономике все продолжает расти, настойчиво требует сбыта и прежде всего в экономически развитых странах. Но завоевать новые рынки далеко не просто...

Вслед за США, ограничивающими ввоз японских товаров, к подобным мерам прибегли и страны Европы. Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды установили такие тарифы, которые были по меньшей мере втрое выше тарифов на подобные товары из других стран. Открывая в результате «либерализации» свой рынок, Япония получила моральное право требовать от других государств отмены дискриминационных мер. Правда, «либерализация» имеет и другую сторону. Добиваясь равноправия для своих товаров, Япония должна была широко открыть свой рынок. Непосредственным результатом этого явилось превышение импорта над экспортом. За 1964 год оно достигло небывало высокой за весь послевоенный период цифры — 1167 миллионов долларов. Но, открыв рынок для чужеземных товаров, японские монополисты с еще большим рвением стали добиваться успехов в конкурентной борьбе на мировом рынке, успехов, для которых несомненно требовалось выпускать все больше и больше изделий, все выше поднимать их качество, снижать издержки производства.

Статистика за 1964 год показывает увеличение объема производства добывающей и обрабатывающей промышленности почти на 17 процентов по сравнению с предыдущим годом. Экономические справочники беспристрастно фиксируют скачок, резкое увеличение выпуска продукции в металлургической, машиностроительной и химической промышленности.

Но вместе с тем те же беспристрастные справочники дают отчетливую картину неравномерного развития японской экономики, внутренние противоречия которой лишь углубляются скачкообразным развитием отдельных отраслей.

Экономический барометр страны уже дважды очень сильно показывал отклонение от благодушного «ясно». В 1958 году налицо были кризисные явления, в 1962 году снова приостановились темпы победного шествия цифр по клеточкам схем и таблиц.

В 1964 году Япония пыталась разрешить сложные проблемы экономики путем ограничения темпов экономического роста. Поскольку японская промышленность

почти полностью работает на привозном сырье, это прежде всего должно было привести к сокращению импорта. Монополии в этой ситуации нашли для себя выход — они сокращают рабочую неделю и избегают затоваривания, уменьшая выпуск продукции.

А средние и мелкие предприятия? Они «горят». У них нет крупных фондов, которые позволили бы маневрировать и пережить трудный для предприятия период.

Государство оказывает помощь крупным предприятиям, разорение мелких и средних считается естественным процессом. Из общей суммы кредитов «горящим» предприятиям, как правило, достаются лишь «кошкины слезы».

Всем известен сейчас печальный пример Кавагути — города-спутника столицы, начавшего 1965 год сплошной чередой банкротств средних и мелких предприятий.

Наряду со снижением темпов экономического роста правительство Японии все чаще и чаще говорит об «активизации экономической политики», что попросту означает продолжение настойчивой борьбы за расширение рынков.

Рынки... Рынки... Это то магическое слово, с которым связывают свое будущее монополии. Но события последних лет свидетельствуют о том, что именно это представление монополий о будущем приводит к резкому обострению отношений с Америкой, желающей держать Японию по-прежнему только в своей орбите.

В последние месяцы 1964 года Токио и Вашингтону пришлось признать, что японо-американские отношения вступили в самый напряженный период за все послевоенные годы.

Столкновение интересов Японии и Америки сейчас происходит везде, в самых разных районах мира — на суше, на море и даже в воздухе. Япония добивается расширения своих прав в рыболовстве и китобойных промыслах, борется за господство на морских путях, оспаривает монопольное положение американской авиакомпании, обслуживающей «воздушный мост» между Азией и Америкой, добивается создания японской кругосветной авиалинии.

В то же время внутри страны японские монополисты во многом рассчитывают на поддержку американцев. При их содействии они приступили к оснащению армии отечественным вооружением. Серьезная проблема для японских монополий предотвратить взрыв недовольства в стране, неизбежно вызываемый тяготами экономического «чуда». В Японии больше 400 тысяч безработных, около 8 миллионов заняты неполную рабочую неделю. Из провинции, где для молодежи нет работы, тысячи и тысячи людей идут в развивающиеся промышленные центры. Статистика показывает, что столица, уже насчитывающая свыше 10 миллионов населения, продолжает увеличивать его примерно на 300 тысяч каждый год. Из них 200 тысяч называют ежегодным социальным приростом. А что такое эти 200 тысяч? Это рабочие руки, которые требуют, чтобы их заняли. Но в современной Японии предпочитают занимать молодых (от 16 до 30 лет), а вот что касается того, что вам перевалило за 30, то это, как говорится, «сумимасэн» («извините»), — ваша личная беда.

И те, кому посчастливится получить работу, могут быть спокойны пока. Пока... А что дальше? То же самое беспокойное «пока» стоит перед средними и мелкими предприятиями, оказавшимися перед лицом все усиливающихся трудностей (впрочем, даже и монополии не избавлены от страха за будущее), об этом же «пока» думает шахтер, рабочий, служащий, который сегодня еще имеет работу, думает крестьянин, ждущий, что его участок вот-вот будет раздавлен или самоуверенной поступью фермерского хозяйства, или «либерализацией» импорта сельскохозяйственных продуктов (с середины 1963 года в Японию начат импорт сельскохозяйственных товаров). Свободный ввоз продовольствия разоряет крестьянина, лишая его даже тех небольших сумм, что он получал от продажи сельскохозяйственных продуктов — результата тяжелого непрерывного труда. В то же время для городского жителя цены на продукты питания находятся в постоянном движении вверх. Принятый в 1961 году план премьеры Икэды, известный как план «удвоения национального дохода в течение десяти лет», на практике обернулся удвоением трудностей и противоречий

японской экономики. Правда, монополии действительно быстро идут к поставленной цели: удвоению своих прибылей. Но это значит, что еще больше стала пропасть, отделяющая их от простого японского труженика. Увеличение заработной платы, которое он завоевал в результате тяжелой борьбы последних лет, «съел» катастрофический рост цен. На 50 процентов повысилась квартирная плата, на 15 процентов подорожал проезд на транспорте, на 20 процентов поднялась плата за медицинское обслуживание, на 50 — расходы за обучение детей в школе. Еще выше «прыгнули» цены на продукты. Мясо стало дороже на 30 процентов, овощи — на 60, рыба — на 40 процентов.

Возвращаясь с рынка, японская хозяйка несет в своей сумке в два раза меньше продуктов, чем покупала годом раньше, хотя денег на эти продукты истрачено столько же.

Громкие разговоры о «процветании» идут параллельно тихим, но мучительным мыслям, следующим за сегодняшним «пока»: «А как дальше?».

Конечно, разрешение всех спорных вопросов, связанных с «чудесами», можно предоставить самой жизни, ибо это самый точный и беспристрастный судья. Однако, что касается японского «чуда», несомненно, что один из сложнейших вопросов дальнейшего развития страны — это отношения японских и американских монополий, их стремление вывести Японию на путь ремилитаризации и реваншизма.

Размышления о будущем японского «чуда» вызвали в памяти один случай. Однажды у нас произошел разговор о засорении современного японского языка англицизмами. Людей, хорошо знающих английский язык, как удалось мне убедиться на практике, немного в Японии, но зато чуть ли не каждый может употреблять какие-то, очевидно, прочно вошедшие в быт транскрибированные и совершенно невероятно звучащие английские слова, например «санкю барабаю» вместо «thank you very much» («большое спасибо»). А взгляните на вывески кафе — «Рира» вместо «Лилия», «Вирудзинниа» — «Вирджиния», «Анудзера» — «Ангела». Немало и просто курьезных, поражающих своей ненужностью заимствований

из чужого языка. На мой вопрос, зачем это все надо, мне ответили:

— В стране много американцев.

Но ведь транскрибированные названия и термины — это для японца: американец не будет утруждать себя изучением японской слоговой азбуки, которой обычно пишутся иностранные слова. Для иностранцев, владеющих английским, и для любого американца кругом достаточно названий на чистом английском — на узких токийских улицах: «No parking» — «Нет стоянки», «No stopping» — «Не останавливаться» и, наконец, по всей Японии «Yankee, go home!» — «Янки, убирайтесь домой!».

Масса английских слов, транскрибированных так, что порою не сразу поймешь, откуда произошло столь неудобоваримое, уродливое сочетание, заполняют страницы японской прессы. Часто эти слова вытесняют японские и начинают фигурировать на правах законного и единственного термина (например «депато»). Каждый год издаются справочники, в которые включают вновь рожденные слова, получившие право хождения в прессе, политической и исторической литературе. Каждый год выходят элегантно, великолепно оформленные словари газетных терминов, выпускаемые крупнейшим газетным концерном «Асахи».

Но сколько можно издавать, будь они хоть самые развеликолепные, эти словари? Не пора ли перестать засорять язык?

В тот день мы возвращались из Западной Японии — района Тюгоку. По краям дороги бежали дорожные знаки, плакаты с иероглифами и английскими словами. На крутом вираже перед спуском стоял огромный дорожный знак со словом «сурипу», написанным катаканой (слоговой азбукой), и черным восклицательным знаком.

«Сурипу»... знак давно остался позади, а я все не могла понять, что он означал.

— Что такое «сурипу»? — спросила я у молоденькой японки-кондуктора, занятой разговором с пассажирами.

Она глянула на меня округлившимися от ужаса гла-

зами и, оглянувшись на сидящих вокруг мужчин-японцев, залилась краской внезапного смущения.

— Это... женское нижнее белье, — ответила она еле слышным шепотом.

Ох! Который раз попадаю в неприятное положение! Но тут же я подумала: «Ну белье, ну и что в этом криминального?». Попробуй разберись в этих нравах — стриптиз и полуголые красотки на рекламных щитах на каждом шагу, и вдруг название безобидной женской комбинации бедную девочку доводит чуть ли не до обморока.

Однако еще через секунду явилась другая мысль. Я давно привыкла к манере подачи материала на страницах буржуазной прессы. Сообщение о визите какого-нибудь государственного деятеля, отчет о правительственном приеме или телеграмма об очередной забастовке транспортников могли быть помещены между игриво раскинувшимися во всю страницу лифчиком и кружевными штанишками — и это воспринималось как нечто вполне привычное. Но зачем, скажите пожалуйста, кричать на шоссе во весь голос да еще с восклицательным знаком о существовании такой детали дамского туалета? Нет, здесь что-то не так. И тут меня осенило. Да ведь это «слип», английское «слип» — «скользко», превращенное в «сурипу», как будто нет своего достаточно емкого, выразительного слова «субэру»! А комбинация, оказывается, тоже называлась «сурипу», нейлоновая — она же тоже скользкая! Так вот это «сурипу» мне и вспомнилось, когда мы говорили о дальнейших перспективах японского экономического «чуда».

И если бы можно было представить современное японское «чудо» машиной, двигающейся по крутым горным дорогам, я бы сказала об этом языке японских дорожных плакатов:

- Абунай! (Берегись!)
- Сурипу! (Скользко!)
- Тайхэн сурипу! (Очень скользко!)

Гейша XX века

Есть на Гиндзе дом, по виду ничем не отличающийся от других. Современный фасад его холодно-щеголеват, внизу несколько узких окошек, а сверху глухая серая стена, как бетонный лоб, украшенный неоновой короной. Корона из разноцветных английских букв, с веселым миганием складывающихся в слово «Куин би» — «Пчелка». Но вопреки названию, видимо оттого, что неоновый огонек зажигает букву постепенно, ползя по ней снизу вверх, вывеска напоминает сытую, холеную, породистую кошку, которая, всласть выпавшись, потягивается, выпрямляя лапки, и лениво выгибает над городом крутую упругую спину.

Глубокой ночью, когда столица спит, когда гаснет и меркнет и становится пустынной Гиндза, еще долго стынут в темной вышине неоновые буквы... Почему этот роскошный ресторан называется «Пчелка» — никто определенно не знает. Большинство сходится на том, что это намек на здешние цены, которые кусают и жалят. Цены здесь действительно необыкновенные: только входная плата — несколько тысяч иен.

Широкая лестница с плавным поворотом ведет на второй этаж. В зале полукругом вполоборота к сцене расставлены круглые столики. Верхнее освещение обычно выключено, и в мягком полусвете на столах колеблются синевато-голубые тени газовых светильников. Неверное пламя их дрожит и мечется, языки с белым острием лизут края оградительных колпачков, в сиреневой полутьме, как на дне морском, двигаются люди с дрожащими отсветами на лицах. Весь облик этого зала несет настолько явную, неприкрытую печать бутофории, что невольно вспоминаются сцены из оперы «Садко».

В глубине зала, где нет столиков, пол слегка приподнят и там на стульях, расставленных вдоль стены, сидят девушки. Их много, 50—60. Самые разные и в то же время совершенно одинаковые. Это девушки для танцев — гёрлс, или гейши сегодняшнего дня.

Иностранцы, попадая впервые в Японию, обязательно спрашивают: «Скажите, а есть ли у вас сейчас гей-

ши?» — на что японцы отвечают: «Нет. В том понимании, как было раньше, нет».

Быть гейшей — профессия, которую осваивают с малых лет. В специальных школах старые гейши обучают молодых множеству вещей — танцам, игре на музыкальных инструментах сямисэне, кото, искусству вести умный, живой разговор, чайной церемонии, «икэбана» («жизнь цветка») — сложным приемам составления японского букета, умению выражать определенные символы соединением цветочного стебля и сухой ветки дерева.

Институт гейш — явление очень древнее, исторически сложившееся, обусловленное тем тысячелетним культом мужчины и зависимым положением женщины, которые существовали в Японии. Вековые традиции превращали женщину со дня ее рождения в полную собственность мужчины — сначала отца, брата, потом мужа. Вся жизнь ее была лишь отражением жизни «высшего существа» — мужчины, подчинена удовлетворению его прихотей и потребностей. Даже внешне и до сих пор тип японской женщины носит печать этого длительного унижительного положения. Каждое ее движение — это сама покорность, мягкость, уступчивость, красивость, которая должна ласкать глаз мужчины. Достаточно посмотреть, как вползает она в комнату на коленях, чтобы прислуживать гостям, как низко она кланяется, почти складываясь вдвое и касаясь лбом пола, как учтиво и скромно улыбается, каким напевным, мелодическим голосом говорит (в удивительном тембре его слышатся те же древние каноны — услаждать слух мужчины), как движется неслышно, словно тень.

И веками было заведено, что отдых свой «высшее существо» проводило в изящном чайном домике, где его встречала очаровательная, похожая на диковинную бабочку, женщина.

В наши дни, особенно в последние десятилетия, когда темпы жизни изменились, институт гейш становится слишком дорогим и не отвечающим времени предприятием. Длительная подготовка гейш оказывается во многих случаях ненужной и неоправданной в суматошной жизни, с грохотом мчащейся по японским островам,

словно скачущая тень курьерского поезда. Правда, гейши еще есть в стране, даже, наверное, их не так уж мало. Они по-прежнему приглашаются на официальные приемы, существует даже контора, принимающая подобные заказы. (Известно, что чем почетнее гость, тем опытнее должна быть гейша, которую сажают рядом с ним).

Как-то вечером в Осака, в одном из погружающихся в темноту переулков, я встретила рикшу — явление довольно редкое в больших городах Японии. В колясочке важно восседала гейша. Сиреневое кимоно ее перехватывало черное с золотом твердое оби. Этот широкий пояс каменным кольцом сжимал плоскую грудь и огромным пропеллером угрожающе торчал сзади. На голове ее была сооружена прическа, которую мне доводилось видеть только на гравюрах Утамаро. Черные, залитые плотным слоем лака волосы были украшены огромными шпильками с яркими шишками на концах. Лицо, набеленное и нарумяненное, походило на маску и от неестественной белизны так и светилось в темноте. Наверное, это была весьма пожилая и очень уважаемая гейша. Она проплыла мимо меня как символ старой, уходящей в вечность Японии, и водоворот машин на перекрестке, поглотивший рикшу, и стройная японка, простучавшая мимо каблучками-шпильками, были одной из многих существенных примет этого.

Еще раз мне довелось увидеть гейш на одном из больших приемов в Токио, устроенном в нашу честь госпожой Арита, занимавшей важный пост в комиссии по организации нашего пребывания в стране. После старинных танцев, исполненных гейшами в саду у озера при свете луны, все перешли в чайный павильон. Здесь были низкие столики, уставленные шедеврами японской кухни, и несколько гейш с веселой хлопотливостью принялись усаживать нас на большие шелковые подушки. В памяти остались их мягкие, как бы скользящие движения, грациозность, с которой они подносили рисовую водку — сакэ, их песни под сямисэн и обращение к гостям с просьбой не садиться по-японски на пятки (оказывается, довольно часто иностранцы бывают наказаны за попытки подражать японцам — не имея длительной практики сидения на пятках, к концу приема гости не могут под-

нягся, затекшие и одеревеневшие ноги отказываются идти).

Но эти гейши — остатки бывшего величия старой школы. Сегодня их заменили новые, отвечающие духу времени и имеющие довольно мало общего с прежней профессией гейш, — это гёрлс — гейши электронной Японии нынешнего дня.

В «Пчелке» все гёрлс отвечают требованиям самых взыскательных клиентов. Они молоды, изящны, очаровательны. Чуть ли не половина этих девушек — студентки. Днем они чинно слушают лекции, прилежно корпят над конспектами в библиотеке, выполняют лабораторные работы, вечером — оживленные и улыбающиеся сидят на освещенной части зала и ждут приглашения. Впрочем, помимо танцев с ними посетителей целый вечер развлекают по очереди то певица, подымающаяся на круге прямо из-под пола, то каскад полуголых девиц на маленькой сцене в углу зала.

Вечер в «Пчелке» обходится посетителю в 5—10 тысяч иен (на эту сумму семья рабочего из пяти человек живет целую неделю). Но деньги идут отнюдь не гёрлс — им платят 1—2 тысячи иен, а остальное получает хозяин этой фабрики увеселений.

И никого из клиентов, веселящихся с этими сверхсовременными красотками, совсем не интересует, действительно ли они так веселы и беззаботны. Кто замечает напряженность улыбки и тревогу, притаившуюся в зрачке, когда слишком долго не приглашают? Есть ли кому дело до того, что сквозь стеклянные двери со сверкающей Гиндзы сюда совершенно свободно на правах самого всесильного клиента входит конкуренция и расправляется с этими девицами, как в любом бюро по найму рабочей силы, оставляя одних и выбрасывая других?

Ханако, одна из самых красивых гёрлс «Пчелки», очень хорошо знает эти беспощадные законы. Обычно раз в месяц в заведении устраивается конкурс. Та из девушек, которая имеет самое большое число приглашений, равно как и наибольшее количество лестных отзывов клиентов, занимает первое место, свидетельствуя тем самым свою наивысшую ценность. Руководствуясь тем же принципом, определяют значимость остальных.

Не пользующихся успехом выгоняют — всегда можно набрать других.

Только те, кто от конкурса к конкурсу занимает первые места, чувствуют себя более или менее прочно, хотя, естественно, прочность эта весьма относительна, всего лишь до прихода новых, более молодых и красивых.

...Танцует на тоненьких каблучках-шпильках с долговязым рыжеволосым парнем Ханako — современная гейша, гейша послевоенной Японии. На ней не кимоно — белое платье льнет к груди, оставляя на обозрение смуглые плечи и спину. Вместо высокой неподвижности средневековой прически — короткая современная стрижка. Фирма «Бергель» коснулась ее век своим мягким иссиня-черным карандашом, ровный матовый цвет лица создали новейшие мэйк-ап и лосьоны, душистой порошей легла на щеки голливудская пудра.

Ханako не умеет играть на сямисэне и танцевать средневековые танцы. Но это и не нужно для ее собеседников. Как правило, большинство приезжающих сюда не любят тягучих медленных звуков сямисэна.

Ханako не поет нежных японских песен — она говорит с клиентами о романах Франсуазы Саган, о фильмах с Брижит Бардо и Клаудиа Кардинале, о последних альбомах американских нуддистов и о выставке современной скульптуры в Камакура.

Даже эта беглость разговора не может скрыть ее грустной иронии и жадно-наблюдательного настороженного ума.

А потом она снова танцует в полуосвященном пространстве между столиками с газовыми светильниками. Танцует. Она на работе. Завтра утром — университет.

Как в каждом из крупных городов Японии, есть в столице районы, стяжавшие сомнительную известность. Отблеск былой славы Ёсивара — квартала публичных домов в Токио живет до сих пор в этих районах, освещая их запретную, ушедшую в подполье, призрачную жизнь.

В сентябре 1958 года в Японии был принят закон, запрещающий проституцию. Таким образом, официально зло было уничтожено. Но только официально. В этом смысле Япония шагнула в один ряд с «высокоцивили-

зованными» странами Запада, где этот порок, искорененный на бумаге, продолжает цвести пышным цветом.

Ёсивара перестала существовать, но вместо нее возникли ночные клубы, кафе, дансинги и прочие заведения с названиями и без названий в районах Синдзюку и Асакуса. У гидры, свившей еще в XVII веке свое злобное логово в Ёсивара, была снесена голова, но вместо нее, как в старом мифе, поднялись десятки других, они качаются и вытягивают над домами свои огненные шеи и светящиеся пасти с неоновыми языками.

Борис Пильняк после своей поездки в Японию в 1932 году писал, что ничто и нигде его так не поражало своей совершенной непонятностью для иностранца, как Ёсивара. Для европейца подобные места связаны с представлением о самых гнусных притонах, наполненных алко-голем и похотью. И то, что в залитых светом кварталах Ёсивара, ведущих совершенно официальное существование, посетителей встречали трезвые, тихие, вежливые японки, казалось, по его словам, большей аномалией, чем обстановка в тартушах Смирны и найтлокалах Берлина*.

А в действительности ничего удивительного не было. Ёсивара была одной из черт того национального быта японцев, о котором шла речь раньше, быта, определявшего все тем же культом мужчины. Мужчина, символом высокой души которого, ее воплощением считаются на японских островах прекрасные цветы вишни — сакура, с чисто японским педантизмом и любовью к аккуратности и порядку (как ни парадоксально звучит это в применении к Ёсивара) создал этот мир, куда продавал своих дочерей, жен и сестер и где, действительно, совершенно трезвые (не имевшие даже права утопить в вине свое бездонное отчаяние) японки улыбались, в душе презирая и проклиная своих всесильных хозяев.

Недаром Токугава, который создал Ёсивара для развлечения своих солдат, обнес квартал тройными стенами, превратив его в тюремный двор. Выйти из-за этих стен и умереть под чужим забором было привилегией лишь больных, не нужных больше в этом вертепе.

---

* Б. Пильняк, *Камни и корни*, М., 1935, стр. 22.

Но века жизни на коленях вопреки всему не могли уничтожить нравственной чистоты японской женщины. Летом 1958 года, когда обсуждался закон о запрещении проституции, тысячи женщин пикетировали здание парламента, требуя закрыть Ёсивара. Опираясь на принятый закон, японская общественность ведет сейчас трудную борьбу с корпорациями владельцев подпольных заведений. Трудную и, можно сказать, неравную, потому что бороться с этим старым в мире капитала злом, оставляя нетронутыми его социальные корни, действительно задача не из легких. В конце декабря 1963 года была раскрыта целая организация торговцев «живым товаром», регулярно поставляющая в увеселительные заведения курортных районов девушек в возрасте от 14 до 18 лет. Японские работорговцы усердно стараются не отстать от своих французских собратьев по профессии, поднявших эту торговлю на новую, «модернизированную» основу, где строго определяется продажная цена женщины и столь же строго подсчитывается общая сумма годового дохода. В большинстве случаев представителям «темного бизнеса» как Запада, так и Востока удается оградить свое «золотое дно» от действий властей.

В японских газетах неоднократно шумно обсуждался вопрос о районах увеселительных заведений, разлагающе действующих на нравы молодежи, но дальше пустых словопрений дело не идет. Слишком много дельцов, делающих свой «бизнес» в темных улицах-ущельях, заинтересовано в существовании этих кварталов, надевающих вечером призрачный наряд красочного веселья. Золото огней, рассыпанных над домами, кажется живой данью золотому тельцу — богу, навсегда окопавшемуся в этих значных местах.

Много странных сцен запечатлелет память, если хоть раз рискнешь побродить вечером по причудливо переплетенным улицам этих районов.

— Сэр, одна секунда! — Легкие неслышные шаги догоняют прохожего.

— Видимо, сэр очень спешит, очень занят, но... фирма всегда к вашим услугам, вам стоит лишь позвонить...

Корректные молодые люди отменно вежливы, но пре-

дельно настойчивы. В пальцах, длинных и быстрых, — визитная карточка. Обычная карточка, как у всякой торговой фирмы, с адресом и телефоном. Лицо юноши серьезно, манеры учтивы; глядя со стороны, можно решить, что этот достойный молодой человек рекламирует продукцию какой-нибудь солидной фирмы: пылесосы, мотоциклы или знаменитую японскую оптику. Но торговля человеческим телом идет здесь по тем же законам коммерции, и в лице этого молодого человека вас встречает такая же торговая фирма и столь же хорошо знакомый «сервис», которым так полна японская земля!

...Текут ночные улицы, стремясь к рассвету: одни в огнях, другие в тишине и темноте. Дреmlют дома со спущенными железными шторами, словно устало смеженными веками. И лишь для Асакуса, Синдзюку и многих других подобных районов это время бурной, неестественно интенсивной жизни. Где-то спят уставшие за день люди, благословляя ночь за то, что она несет передышку, а здесь — бежит неон по трубкам в ночной пустоте неба, у низких притолок оранжевыми плодами приглушенно светятся бумажные фонари, скользят бесшумные прохожие, откуда-то из тьмы доносятся обрывки резкого смеха, сыплются осколки мелодий. Темные, глянцеvитые громады машин уткнулись носами прямо в стены домов, где в полумраке за узкими стеклянными дверьми в ожидании «гостей» застыли хрупкие силуэты маленьких японок...

Дары Нептуна

Проезжая утром на работу в Харуми, мы регулярно в одном и том же месте (за несколько кварталов до реки Сумиды) начинали ощущать, как в свежий утренний воздух вливается какая-то тяжелая струя сырых запахов. Высовывая головы из автобуса, мы старались разобраться, в чем дело. Улицы были сонные, без признака дневной суматохи. Откуда проникал сюда этот терпкий, острый поток, пропитавший целые кварталы двухэтажных серых домишек? «Здесь недалеко рыбный ры-

нок, — сказала кондуктор и потом добавила: — Если вам удастся, обязательно съездите — это очень интересное зрелище».

Рыбный рынок в Токио — один из самых крупных в мире рынков подобного типа. Вполне естественно, ведь Япония занимает одно из главных мест в мировом рыболовстве. Сотни тысяч рыболовных судов бороздят моря и океаны планеты, добывая свыше пяти миллионов тонн рыбы в год. А если добавить добычу крабов и трепангов, сбор морской капусты, охоту на китов, то легко себе представить, какое место в жизни этого мужественного народа занимает море и связанные с ним промыслы. Для того чтобы увидеть рыбный рынок во всей полноте его кипучей деятельности, нужно встать пораньше и приехать туда по крайней мере в 4—5 часов. Стоянок такси в городе нет, машины должны все время находиться в движении. Несмотря на то что центры Токио, Осака и других крупных городов Японии по вечерам представляют собой настоящую феерию света, окраины их и даже улицы, отходящие прямо от центра, обычно погружены в темноту, редкие фонари скупно освещают только свое собственное подножие. Машины на таких улицах мчатся с включенными фарами дальнего света, ослепляя прохожих и не снижая скорости на перекрестках. И только у такси, идущих обычно со средней скоростью, той, что у нас принято называть скоростью, обеспечивающей безопасность, на крыше виден рубиновый гребешок — пластмассовая коробочка с горящей внутри лампой. На фоне ее ярко светятся иероглифы, написанные на стенках коробочки, — это название компании, которой принадлежит машина.

Мы стояли на пустынной улице минут десять, пока наконец не вспыхнул вдали спасительный рубиновый огонек. Узнав, куда мы едем, шофер заулыбался, хмурое, усталое лицо его как-то сразу расправилось и посветлело:

— Вы молодцы! Вы увидите сейчас такое!!! — Дальше последовала загадочная улыбка.

И только попав через несколько минут на берег реки Сумиды, мы поняли эту загадочность и оценили это немногословное обещание.

Рынок занимает огромную территорию при впадении реки Сумиды в токийскую бухту. Сонно-безмолвный город повернулся к гавани холодными, отчужденными спинами домов. Туман, стлавшийся по Сумиде, закрывал берег и дырявыми клочьями сползал по стенам и крышам близлежащих кварталов.

Но снизу сквозь все эти толстые ватные пеленки, наглухо укутавшие реку, пробивался такой неистовый, такой неистребимый ритм трудовой деятельности, такое еле сдерживаемое ранними часами дыхание жизни, что само собой возникало представление, будто город как заснувший в бухте корабль: пустынный рубка его и капитанский мостик, не видно матросов, но где-то внизу, ни на минуту не затихая, идет работа, неумолчным эхом, глухо и сосредоточенно выбивают пульс поршни, и, еле заметно отзываясь на их толчки, вздрагивает пустынная палуба...

Под покровом темноты и тумана с океана в устье Сумиды шли и шли корабли и кораблики, баржи, моторные боты, флотилии лодок, какие-то неповоротливые посудины, груженные доверху и чуть не черпающие кормой черную маслянистую воду. Вполголоса, чтобы не разбудить город, перекликались гудки, торопливо что-то буркая друг другу, ворчливо переругиваясь, освобождали место вновь прибывшим маленькие катера.

А на берег с этих морских колымаг катились, лились, сыпались тысячи тонн рыбы и других бесценных даров морских глубин! Казалось, море задалось целью затопить город серебром чешуи и гнало на серые домишки перламутровые, жемчужно-розовые, зеленоватые волны трепещущей живности, нагромождая все выше и выше свои сокровища.

Одноглазые черно-чешуйчатые камбалы, белые с одного бока и плоские, как игральные атласные карты, летели на асфальт, словно мощная рука тасовала нескончаемую карточную колоду. Треска и мелкая рыбешка мутным, без блеска, потоком шли в закрома и специальные отсеки. А вслед за ней хлынул из подошедшего танкера жемчужно-голубой паводок сардины.

Из промысловых рыб сардины занимают первое место по улову. Не пытайтесь конкурировать с ними в коли-

честве, но зато полные ощущения своей необыкновенной значимости, проплыли в корзинах желтохвостые, самодовольные жители Цусимского пролива и течения Куросиво. Огромные рыбы, доходящие весом до 40 килограммов, били своими плоскими золотыми хвостами, так и норовя хлестнуть по рукам и лицам удачливых рыбаков, перехитривших их. (Около 50 тысяч тонн желтохвостов в год удается поймать японским рыбакам). Палтусы, головли с тяжелой чешуей, как будто закованные в панцири, падали рядом с синими морскими угрями и золотой макрелью с коричневыми полосками на спине. Но самым важным в этом пестром смешении рыб выглядели тунцы. Крупные, гладко-сытые, блестящие, торжественно улегшиеся сомкнутыми черными рядами. Для японского рыбака тунец — своего рода драгоценность, мясо его очень высоко ценится, и если случается рыбаку сбиться с курса или бурей унесет его в сторону с заданного маршрута, то, возвращаясь к родному порту, он будет питаться мелкой рыбешкой, жевать морские водоросли, но не тронет тунца. Мясо тунца подают сырым — нежное, розовое, тающее во рту, оно — дорогое украшение японской национальной кухни. «Оно — для других зубов», — отшучиваются рыбаки.

А лососи, кета! Эта разодетая в серебро «элита» укладывается на высокие прилавки, не повернув даже носа в сторону таких простолюдинов, как сельдь или ласкири.

Бегут непрерывно один за другим грузчики с плетеными корзинками на плечах на берег и обратно, к прилавкам. Муравьиная их цепочка деловито-молчалива, только тяжелое дыхание да топот дзори.

А рыбные дюны все растут и растут. Скумбрия лежит вперемежку со скатами, пестрые плавники которых так и топорщатся ядовито-фиолетовыми колючками. Красные карпы полусасыпаны толстыми морскими окунями. Они методично разевают рты в безмолвной говорильной горячке, словно навязчивые ораторы на телевизионном экране с выключенным звуком.

Крюки с тяжелыми цепями опускают на берег огромные туши акул, безобразных, синих, со злыми вылупленными глазами и ощеренными ртами. Мясо акул

идет в Японии в пищу, особенно лакомым считаются плавники, из которых готовят великолепный суп. Осмотрщики быстрыми движениями вспарывают брюхо акул и другой крупной живности и проверяют качество мяса. Маленький фонарь так и снует, забираясь в самые отдаленные уголки распахнутых туш. Его непременный спутник — счетчик Гейгера, ведь улов, бывает, подвергается радиоактивному заражению, и это нужно своевременно выявить.

Вслед за несметными шеренгами разноцветной, разнокалиберной, знакомой и впервые нами увиденной рыбы, как бы перехватывая эстафету, сомкнутыми рядами идут корзины, пропитанные иодистым запахом морских отмелей, — это последние прибежища многочисленных обитателей морского дна. Серые креветки и langoustes, усыпанные бородавками темных колючек, крабы, живые,двигающиеся обязательно по касательной к овалам корзин, огромные розовые омары, как невиданные цветы, раскачивающие, словно маховые тычинки, свои сломанные, щелкающие клешни. Среди буйных зарослей черных, серых, голубых, фиолетовых, светло-зеленых водорослей двигаются, осторожно отдергивая и втягивая колючие пальцы, оранжевые морские звезды, копошатся трепанги, извиваются страшные, меняющие цвет кольца осьминогов. И как завершающий аккорд этого изобилия — на прилавках и корзинах высятся холеными неприступными красавицами знаменитые тихоокеанские раковины — нежные, необычайно утонченные, с шепотом волн, запрятым в замысловато закрученной розовой глубине, с последними брызгами океана на чистых краях.

И каждый из нас подумал о том, как прекрасна, как необычайно щедра и богата наша планета, одни лишь морские ее глубины могут предоставить человеку такое изобилие сокровищ.

Дары Нептуна, седобородого старца с трезубцем... А может, вон того стоящего у кромки воды рыбака? Разгрузив баркас, он стоит на песке, докуривая последними жадными затяжками папиросу, готовый вот-вот прыгнуть на качающуюся палубу и уйти опять на месяцы в море. Крепко сколоченный, с бронзовым лицом, с короткими пружинными ногами, один из тех, что состав-

ляют трехмиллионную японскую армию тружеников моря. День за днем ведут они отчаянную борьбу, отвоевывая богатство морских пучин. И для того чтобы это несказанное изобилие хлынуло на берег, нужна их твердость, их мужество, их руки, загорелые, огрубевшие, не боящиеся тяжкого труда, холодного секущего ветра и ледяной воды, руки, великим гимном которым и был этот рыбный рынок, этот необыкновенный кусочек японской столицы.

С первыми лучами солнца становится все громче приглушенный раньше шелест голосов. Рыбаков становится все меньше, зато стремительно растет толпа покупателей.

Где-то справа раздается сухой щелкающий звук, и сразу же за ним вскидывается нарастающий гул толпы. Начинается аукцион.

Но как ни интересно нам было увидеть его, сделать это, даже присутствуя совсем рядом, оказался не просто. Плотная толпа оптовых скупщиков окружала главного оценщика аукциона. С великими трудами мы со своими аппаратами и кинокамерами добрались до перевернутых корзин из-под рыбы, которые неожиданно оказались великолепной трибуной.

Аукцион шел уже полным ходом. В центре круга на помосте с деревянным молотком подпрыгивал и что-то громко кричал бронзово-загорелый невероятно подвижный коренастый человечек. Внешне он был похож на бывалого моряка, прошедшего полжизни в море. Кожаная куртка, надетая на матросскую шерстяную робу, маленькая кепка с крошечным козырьком, надвинутая на самые глаза, деревянная прокуренная трубка, небрежно торчащая из кармана, и грубый рокочущий бас — ну, настоящий мореход из Зурбагана, оживший образ фантастической страны Александра Грина.

Бас оценщика грохотал над толпой, а тело казалось совершенно изолированным от дел, которые вершил голос. Оно вздрагивало, тянулось навстречу толпе, потом отпрыгивало обратно, легко клонилось в стороны, подчиняя все траектории движения шарнирных локтей, колен и плеч одному ему известному ритму.

— Есть покупатель на три тысячи!

Рука вскидывает молоток, и вместе с ним взлетают брови, плечи, складки загорелого лба и даже кепка. Бас срывается в толпу бумерангом и тут же, оттолкнувшись от чьих-то выразительно сложенных пальцев, снова взвивается:

— Три триста! Три триста!

Бас переходит в тенор и после каждого нового щелчка молотком катится все выше и выше, чуть ли не к сопрано.

— Четыре тысячи, четыре тысячи сто, четыре тысячи сто!

Темп настолько убыстряется, что фразы, незаконченные, брошенные на полуслове, понять почти невозможно. Как только успевает оценщик ловить реакцию толпы, мгновенно замечать движение пальцев или кивок головы и в ту же секунду сориентироваться?

— Четыре восемьсот! Четыре восемьсот!

— Пять тысяч! Продано!

Молоток падает с глухим стуком вниз, и вместе с ним падают брови, опускаются плечи, блаженно повисают кисти.

Но не успели еще полностью расправиться мышцы спины и рук, как новая туша акулы или огромного желтохвоста ползет на помост. И снова летят в воздухе молоток, руки, подбородок и снова бас:

— Две с половиной! Две с половиной!

— Господи, да он ведь охрипнет, сорвет голос начисто! — говорит вдруг кто-то рядом.

Не тут-то было! Этот виртуоз, этот мастер своего дела чуть не два часа бессменно держал в напряжении все эмоции толпы, в том числе и наши. Наконец последние оптовые покупатели забрали разделанные акулы туши, партии омаров и тунцов, корзины, наполненные отбоной рыбой.

Наш моряк из Зурбагана, вытирая пот с коричневой свирепой физиономии, неожиданно осветившейся добрейшей улыбкой, соскочил с помоста.

Представители ресторанов складывали в маленькие транспортные автомобильчики морскую живность и топливо покидали рынок. Перекупщики рыбы, скупившие ее тут же после аукциона у оптовиков, приступи-

ли к раскладке ее по прилавкам. Скоро появятся хозяйки.

Несколько камбал и маленькую кучку водорослей перекупщик продаст за 700—800 иен, в то время как сам заплатил оптовику 600 иен. Оптовик положит в карман еще больше — рыболовной компании он выплатил всего 300 иен. Никто не удивляется — таковы законы капиталистической коммерции!

И только хозяйки, выбирая рыбу и водоросли, трепангов и креветок, будут долго прицениваться и торговаться. Возвращаясь с рынка домой, они невесело переговариваются:

— Как дорога стала жизнь!

— Вы подумайте, как растут цены!

А где-то далеко, выйдя из устья Сумиды в море, плывет маленькая рыбацкая лодка. Она еле взбирается на крутые гребни, то и дело повисая над зеленой бездной между горбами волн. Рыбак торопится. Нужно еще больше трудиться, нужно еще раньше выходить в море...

Никко минакэрэба...

В половине шестого утра зеленый телефон на тумбочке у кровати мелодично, но настойчиво зазвонил:

— Вы хотите поехать в Никко?

— В Никко?!

Остатки сна улетучились в одну секунду.

— Хочу ли я?!

На этот вопрос мог быть только один ответ.

— В таком случае через пятнадцать минут спускайтесь вниз, вас будет ждать автобус.

Спешно собираясь, заворачивая и укладывая в сумку катушки фотопленок, я поймала себя на том, что повторяю нараспев одну и ту же фразу: «Никко минакэрэба, уцкусий то иэнай» («Если вы не видели Никко, не говорите „прекрасно“»). О Никко я слышала с первых студенческих лет. Фразу «Никко минакэрэба...» мы повторяли в качестве примера, изучая условный залог в японском языке, а начав курс истории Японии, увидели

репродукции Никко — национальной сокровищницы средневекового искусства и зодчества. Но кроме всего Никко интересовало меня не только архитектурой и живописью и не только как необыкновенно прекрасный уголок, известный туристам всего света, но и как исторический памятник, который мог дать представление о феодальной Японии.

Замок Иэясу Токугава в Тюгоку, откуда он начинал свою объединительную деятельность, не сохранился. В 1945 году он был разрушен и до сих пор ожидает реставрации. Никко, пожалуй, единственное место (если не считать сёгунские и императорские дворцы в Киото), которое ближе всего подводит вас к мироощущению японского средневековья, настолько архитектурный облик этого памятника характерен для идеологии правящей верхушки — феодалов и жестоких сёгунов, державших страну два с половиной века в тисках полицейско-крепостнического режима.

Микроавтобус, деловито и размеренно печатая «елочку» по разогревающемуся асфальту, двинулся в длинный и трудный путь — предстояло проехать около 250 километров. Дорога шла на север от Токио. Мимо окон проплывал типичный для долины Канто пейзаж — поля, расчерченные на аккуратные квадратики и полосы, игрушечные фигурки людей на них, маленькие, часто разбросанные деревни. Иногда деревушки отделялись от шоссе защитными полосами зарослей бамбука. Темные двускатные крыши домов прятались за широкой зеленой завесой, удивительно живой, сквозной, пронизанной солнцем, трепещущей. Отдельные деревья еще долго бежали по обочине за машиной, высокие кудрявые верхушки на тонких гибких стволах легко раскачивались под ветром и тянули резные ветви прямо к автостраде.

Небольшие городишки, периодически попадавшиеся нам по дороге, были очень похожи друг на друга, а каждый в отдельности напоминал ухудшенный вариант рабочих районов Токио вроде Ота или Синагава. Узкие пыльные улицы, двухэтажные деревянные дома, увешанные сплошь вертикальными полотнищами, вдоль которых карабкаются вверх черные или красные иероглифы, магазины и магазинчики, начиная от довольно больших

с неоновыми вывесками, явно стремящихся быть похожими на столичные «депато», и кончая маленькими лавчками, полностью открытыми взору прохожего.

Прямо на тротуарах около распахнутых магазинов стояли рядком, а то и в одиночку огромные, до метра высотой, надувные резиновые куклы с несоразмерно большими головами. Но это было не то своеобразное нарушение пропорций, свойственное национальному производству токарной деревянной игрушки «кокэси», ставшему символом высокой художественности народных ремесел, нет, от традиционных линий «кокэси» здесь остались разве что попытки сохранить выразительность и лаконичность линий при раскраске лица. Но, к сожалению, только попытки, ибо в целом очаровательные «кокэси» и эти резиновые куклы были далеки друг от друга, как небо от земли.

Впрочем, вскоре, к своему великому удивлению, я увидела, что эти сомнительные изделия находят покупателя. Дорога на Никко давно стала туристской магистралью. Машины старые с круглыми кургузыми кузовами, машины новейших марок, широкие, низкие, с мягким шуршанием летящие над асфальтом, блестящие туристские экспрессы непрерывным потоком шли мимо маленьких городишек. Сотни обитателей разнообразных лавчонок на всем пути до Никко кормятся производством и продажей различных сувениров, мелких изделий из глины, дерева, лака, рисовой соломки, текстиля, пластмассы и других материалов. Именно туристские маршруты и вкус иностранцев, одоббивших первые экземпляры таких низкокачественных новинок, определили законнорожденность этих резиновых уродцев и прочих нехудожественных изделий. Во всяком случае вдали от туристских дорог, в самых крошечных лавчонках, рассчитанных только на вкус японца, изделий подобного рода мне встречать не доводилось.

А лента автострады все катилась и катилась на север, потом повернула на северо-запад, к горам. Дожнуло свежим ветром, и удушливые волны горячего воздуха, смешанного с синими клубами бензина, поползли приоткрываясь к разгоряченному шоссе, куда-то в сторону. Мы приближались к парадному входу Никко, знаменитой

аллее криптомерий. По этой аллее, созданной 340 лет назад, пылили когда-то в Никко толпы паломников, в великолепные храмы приезжали окруженные многочисленной свитой губернаторы и могущественные сёгуны. Не одно поколение видели эти могучие великаны, стоящие в плотно сомкнутом строю. Однако время не щадило и их, немало деревьев погибло, было сломано бурей, но оставшиеся до сих пор 17 тысяч криптомерий по-прежнему встречают каждого путника негромким шумом и прохладой.

Дорога сейчас покрыта асфальтом, огромные ветви деревьев, как поднятые руки, намертво сплелись в вышине, и машины идут в глухом зеленом коридоре.

Сразу же за мостом через реку Дайя начинается крутой подъем в гору, на которой расположен, вернее, в которую врезан сложный храмовый ансамбль Никко. Сооружение храмов было осуществлено в честь сёгуна Иэясу Токугава. В 1616 году основатель Токугавской династии умер, и его сын Хидэтада Токугава решил увековечить память отца, создав в одном из самых живописных мест Японии величественное сооружение — целый комплекс буддийских и синтоистских храмов. Внук Иэясу Токугава Иэмицу Токугава перестроил один из основных храмов — Тосёгу. К участию в строительстве были привлечены крупнейшие даймё*, поделившие с казной огромные затраты.

Со всех концов Японии собрали лучших архитекторов, художников, скульпторов, резчиков по дереву и металлу. Многие тысячи тружеников десятилетиями создавали эти шедевры.

В 1647 году сооружение комплекса храмов, посвященных Иэясу, было закончено. В 1651 году умер Иэмицу, и следующие сёгуны из династии Токугава рядом с прежними храмами возвели погребальный мавзолей Тайюин, посвященный Иэмицу.

Для осмотра Никко было самое лучшее время. В Никко нужно обязательно ехать осенью, говорили нам японцы. Сейчас шел октябрь, в горах стояли тихие

---

* Даймё — крупные феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от сёгуна.

теплые дни, наполненные какой-то чисто осенней, прозрачной, хрупкой тишиной. Покинув наш маленький автобус, мы остановились у подъема — вверх, в горы, один за другим уходили храмы. Голубая черепица крыш, арки прорезных фронтонов, вызолоченный металл украшений, красный лак деревянных колонн и балюстрад очень мягко оттенялись пастельными тонами окружающей природы. Золотые и багряные кроны деревьев кипели под ветром, и казалось, что горы, величественные, могучие, двигались, шли куда-то, покачиваясь, осторожно неся на своих крутых спинах этот ажурный ансамбль — необыкновенное творение человеческих рук.

Всякий, кому посчастливилось увидеть Никко, прежде всего поражен редкостной органичностью сочетания природы и произведений человеческого труда, что является чертой национального зодчества, развивающейся с глубокой древности. В сложных комплексах Никко эта связь чрезвычайно наглядна и убедительна. Нельзя сказать, что вы восхищаетесь только архитектурой и произведениями искусства, — нет, все воспринимается как единая грандиозная картина — синие цепи гор, бездонное небо, яркие краски зданий, зеленые стрелы криптомерий, упирающиеся в облака, благоговейная тишина храмов и стеклянный шум водопадов. Японские зодчие средневековья обладали обостренным поэтическим восприятием природы, они умели использовать окружающий рельеф так, что он становился неотъемлемой частью всего комплекса. И глядя на сооружения Никко, трудно сказать, то ли эти горы, желтые и красные, с плавными перепадами, с гордой головой Нантай* на горизонте созданы как достойное обрамление жемчужины человеческого труда, то ли храмы возникли как последний завершающий и необходимый мазок в этой величественной картине.

По преданию, выбор места для возведения храмов принадлежит монаху Сёнин Сёдо. 1200 лет назад он попал в эти места и увидел вершину Нантай, укрытую пятью разноцветными слоями облаков. Страшно удивленный этим явлением, он пытался добраться до горы

---

* Нантай — одна из самых высоких гор в районе Канто, часто ее называют «маленькая Фудзи».

и подняться к вершине. Однако путь монаху преградила река Дайя. Остановившись, он обратил к богу молитвы о помощи. Внезапно на другой стороне реки появился старец в белых одеждах, он бросил перед собой двух змей — одну красную, другую зеленую. На глазах у пораженного монаха они стали расти и затем, переплетаясь, создали ему мост, по которому он благополучно перешел к подножию Нантай. Здесь он и построил маленький храм Татики Каннон (а по другим данным — Футара-сан), который положил впоследствии начало всему строительству храмового ансамбля Никко. «Сёнин Сёдо — человек, который открыл Японии Никко», — так написано на постаменте статуи, которую мы увидели у одного из храмов.

И вот мы в Тосёгу. Это комплекс зданий, надвратных храмов, крытых переходов, коридоров, открытых галерей, занимающий территорию свыше 80 тысяч квадратных метров. Правда, на первый взгляд кажется, что храмы расположены довольно бессистемно, особенно если учесть, что идут они один за другим по подъему горы. Однако совершенно очевидно, что асимметрия и свободное, легкое, без тени нарочитости размещение зданий — проявление все той же тенденции к слиянию архитектуры и окружающей природы в единое целое.

Прежде чем подняться по белым каменным ступеням к воротам Нио-мон, впускающим во внутреннее пространство Тосёгу, нужно пройти через тории — ворота, ведущие в синтоистский храм. Эти тории, как и все в Никко, необычные. В тех японских храмах, где мне приходилось бывать до Никко и после, я видела только деревянные тории или совсем простые, из двух-трех стволов дерева хиноки либо криптомерий, освобожденных от коры и только слегка приглаженных рубанком, или точеные, изящные, покрытые лаком. Здесь я впервые встретила тории из камня и бронзы. Бронзовые тории стояли перед входом в надвратный храм Ёмэймон, каменные вели к входу в Тосёгу. Двойная арка каменного великана, построенного одним из вассалов Иэясу, простирается на необычайной, восьмиметровой высоте. «Эти тории — самые большие в Японии», — совсем рядом раздался детский голосок. Кто-то старательно читал путеводитель

по Никко. Я оглянулась. Нас нагоняла длинная колонна школьников. Их было много, очень много, навернсе приехала целая школа или классы нескольких школ. Молодые преподаватели что-то вполголоса говорили своим питомцам.

Маленькая, очень живая девчушка, поймав мой взгляд, лукаво улыбнувшись, ткнула пальцем в белую доску, мимо которой проходила. Только что написанное на этой доске объявление им прочла учительница, и ребята чинно двинулись по лестнице. Я подошла ближе.

«Уважаемые кякусама (посетители)! — было написано на табличке. — Убедительно просим вас смотреть под собственные ноги, а не на храмы. На храмы вы обратите свое внимание после, когда минуете эту крутую лестницу». Мы засмеялись. У лестницы действительно был «крутой» нрав, и, наверное, падение не одного засмотревшегося на красоты Никко «кякусама» послужило причиной столь необычного объявления.

В нишах по обе стороны ворот, которые вводят на территорию Тосёгу, стоят четырехметровые статуи стражей Ни-о. И них ярко-красные торсы и очень динамичные позы.

Стражи Ни-о не могут оставить ни одного посетителя равнодушным. Наши знакомые школьники с неподдельным восхищением в широко раскрытых глазах разглядывали их свирепые физиономии, многоцветные яркие орнаменты мечей и драпировок.

В оформлении главного здания Тосёгу принимал участие известный художник токугавского периода Тянью Кано. На одной из стен часовни (по-японски она называется Хайдэн) — две знаменитые его картины, изображающие стражей — Тапира и Жирафа, которые должны охранять Хайдэн днем и ночью.

Но вряд ли вы догадаетесь, если не послушаете экскурсовода или не заглянете в путеводитель, что перед вами тапир и жираф, настолько изображения фантастичны и ни в малейшей мере не подтверждают наше представление об этих животных.

С левой стороны на чистом золотом фоне, разделенном четкими линиями бамбуковых стволов, — животное с длинной белой шерстью в спокойной уютной позе. Но

это лишь первое впечатление. В следующее мгновение вы замечаете настороженные желтые глаза, приподнятые пучки кошачьих усов, неожиданно выглянувшие из-под спокойно падающего водопада шерсти когтистые лапы... и вы видите гибкую, пружинистую позу животного, приготовившегося к прыжку прямо на вас. Впечатление достоверности настолько велико, что один из экскурсантов инстинктивно отшатнулся, а потом смущенно засмеялся.

С правой стороны, свирепо наклонив голову, грозило расправиться с пришедшими животное с копытами буйвола и коричневой длинной гривой — это тапир. Кто-то даже сказал, что стражи, пожалуй, оправдывают свое назначение, их свирепые позы совсем не располагают к длительному пребыванию в часовне. На это экскурсовод — сумрачный монах в длинном темном одеянии — коротко, как о чем-то вполне естественном, заметил: «Конечно, на то они здесь и существуют». Потом, подняв вверх строгие глаза, он попросил нас обратить внимание на потолок. На потолке часовни сто медальонов, и в каждом золотой дракон. Все в разных позах, ни одно изображение не повторяет предыдущее. С двух сторон к часовне примыкают маленькие комнаты. В одной из них останавливался сёгун в дни своего пребывания в Никко, другая использовалась и используется до сих пор представителями высшего духовенства синтоистской церкви.

Маленькая комната для сёгуна совершенно пустая, оформлена в духе обычного японского интерьера. Теплый цвет зеленых татами гармонирует с резным орнаментом, идущим по верху стены. Потолок разбит на клетки с изображением эмблем даймё. Вероятно, могущественный сёгун и в немногие дни пребывания в Никко тешил свое тщеславие, глядя на сияющее собрание гербов своих многочисленных вассалов.

Из часовни суровый монах повел нас в «каменную комнату». Едва он произнес это название, как воображение нарисовало большую холодную комнату с каменными стенами или полом. Но, оказывается, называется она «каменной» потому, что построена на большой гранитной плите. Поскольку пол ее покрыт зеленоватыми мяг-

кими татами, а стены и потолок — из дерева теплых коричневатых и желтоватых тонов, ощущения холода и неуютности нет.

Из «каменной комнаты» мы перешли в последнюю часть главного здания Тосёгу, называемую «святилище». Здесь, если ориентироваться на текст путеводителя, обитает дух Иэясу Токугава. Со времени создания мавзолея и до 1945 года в эту часть Тосёгу имели право входить только сёгуны и посланные императора. В послевоенный период, после отделения синтоистской церкви от государства, «святилище» было впервые открыто для обозрения. Но треть его до сих пор закрыта и находится в распоряжении главного жреца синтоистской церкви.

Пожалуй, самое большое впечатление из всех построек Тосёгу оставляет надвратный храм Ёмэймон — «Ворота солнечного света». Другое его название, часто употребляющееся в Японии, — «Хигураси но мон» — «Ворота сумерек». На первый взгляд названия противоположные, но смысл второго расшифровывается следующим образом: «Если вы пришли к Воротам солнечного света, вы пробудете здесь до вечера, так как к тому времени, когда вы сможете все осмотреть, на землю спустятся глубокие сумерки».

Необычная красота Ёмэймон, его богатство и пышность создаются сложной архитектурой, а также резьбой по дереву и живописью, которые превращают этот надвратный храм в резное, сложно декорированное сооружение. Крыша храма с идущим под ней широким фризом кажется тяжеловатой и, пожалуй, несколько перегружена декоративными деталями, однако необычайная фантазия художника смело объединяет все элементы в пестрое, но гармоничное великолепие.

Каких только цветов, какой резьбы, каких росписей тут нет! Голубая черепица оттеняется полосками золоченого дерева, которые в свою очередь подчеркивают сложную конфигурацию крыш, капители колонн выполнены в форме резных голов фантастических чудовищ.

В обе стороны от ворот отходят галереи с голубыми скатами крыш, с колоннами, покрытыми красным лаком. Стены галереи с одной стороны плотно заполнены скульптурными композициями фантастических живот-

ных, птиц и цветов — таких композиций здесь свыше трехсот. Белоснежные цапли, маленькие серо-голубые куропатки, а рядом заросли живых, как будто росой обрызганных, диких роз; белогрудый диковинный фазан веером раскрыл крыло с острыми стрелами алых перьев, зелено-изумрудное тело его изогнулось, в перьях хвоста играют все цвета радуги. А дальше новая композиция — пушистые, упругие, благоухающие пионы вьются вдоль красных колонн, попугайчики с острыми клювами прячутся среди листьев, их маленькие головки с любопытством вытянуты вам навстречу, и кажется, они готовы в любую минуту вспорхнуть и исчезнуть в ветвях криптомерий.

Оттого что резные фигуры животных, цветов, птиц помещены на темном фоне и далеко вынесены навстречу зрителю, создается впечатление совершенной их объемности. Впрочем, вряд ли кто задумывается о методах и художественных средствах Риэки Кано — творца галереи, когда стоит перед Ёмэймоном, этим не только гармоничным, но и чрезвычайно поэтичным сооружением.

Эмоциональное его воздействие велико — зритель невольным волнением оплачивает свою встречу с сокровищами Никко. И это, наверное, самая драгоценная дань, которую ежедневно принимают вдохновенные творения известных и неизвестных тружеников средневекового искусства.

Обратная сторона галереи выходит во внутренний дворик, покрытый мелким дробленным камнем. По существу это каменный газон, который так часто встречается в средневековой японской архитектуре, и не только в храмах, но и во дворцах феодалов.

Белые камни прижимались к красным колоннам. Яркое солнце нагревало светлый каменный газон, камни отражали солнечные лучи, и вся галерея была наполнена горячим отраженным светом. Красный пол ее мягко светился, и создавалось впечатление, будто по белым камням течет спокойная пурпурная река, в которой отражаются стрелы колонн.

У самого края галереи, на камнях, мы увидели аккуратно поставленные в несколько рядов детские ботинки — это идущая перед нами группа школьников про-

должала осмотр. Ходить по крытому лаком полу в обуви не разрешается, и мы покорно стали снимать туфли, подпрыгивая на камнях, нагретых совсем не по-осеннему жгучим солнцем. Кто-то из нас сказал: «А вдруг и пол такой же обжигающий, не так еще придется прыгать, взгляните — он на самом деле как будто раскаленный». Действительно, пол злоеще, как нам теперь казалось, светился. Но каково же было наше удивление, когда первый храбрец, решительно шагнувший на галерею, действительно повел себя как-то странно: сделав рывком два коротких шага, он остановился. Выражение его лица быстро изменилось, и затем он жалобно, как цапля в осенней воде, поджал ногу — пол был ледяной, холоднее каменных плит, впитавших глубинный холод и влагу земли, настоящий лед, беспощадно жгущий подошвы своим холодным огнем. Не рассуждая на сей раз о качествах и секретах лака (обычно у нас по каждому поводу возникала дискуссия), мы молча двинулись вдоль красных колонн. Навстречу нам, еле сдерживаемые взрослыми, быстрым галопом мчались закончившие осмотр ребята. Прыгая в свои нагретые солнцем туфли, они с сочувствием смотрели на наши босые ноги, в то время как мы с бесстрастными лицами продолжали неистово фотографировать орнаменты галереи. Молодой преподаватель, указав на нас, что-то произнес — очевидно, детям, как всегда, приводили назидательные примеры. Никто из них не догадывался, что нас неотступно преследовала мысль: завтра мы обеспечены солидной ангиной или на худой конец гриппом с высокой температурой.

Хотите прожить жизнь спокойно?

Планировка пространства, на котором расположен Тосёгу, очень сложна — сколько здесь внутренних двориков, каких-то галерей, специально воздвигнутых стен, проходов, соединяющих одно здание с другим, большей частью украшенных замысловато декорированными над-

вратными храмами. Несколько ворот в старокитайском классическом стиле со сплошной золоченой резьбой и сценами из жизни средневекового Китая. Кажется, что они чересчур перегружены всевозможными украшениями, в них нет строгости и простоты, свойственной национальному японскому зодчеству. Даже фонари, важно и надменно застывшие у этих ворот, выглядят совсем иначе, нежели их простые каменные собратья у других храмов. Края их железных крыш загнуты вверх, как края дамской шляпы. Бронзовые украшения, как пушистые перья, сбежав по крыше фонаря, резными завитками поднимаются вверх.

Покинув Хондэн, мы долго ходили по белым каменным газонам, около храма Риннодзи, любовались садом в чисто японском стиле с прудом, в котором стоячая вода наполовину заросла осокой, * маленькими камнями и низкими соснами у галерей.

По серым каменным ступенькам лестницы, ведущей к одному из самых больших зданий в Никко — храму Санбуцудо, избегают три тоненьких дерева вишни, стройные стволы их поднимаются прямо из камня, и весной, когда кроны превращаются в пушистые бело-розовые колокола, кажется, что по лестнице одна за другой бегут в храм три тоненькие девчушки и ветер треплет их благоухающие платья. Но самым поразительным было то, что деревьям-девчушкам, как сказал монах-экскурсовод, свыше 400 лет. Одно из самых почитаемых туристами мест — священная конюшня, или стойло для священного коня. Это очень скромное, закрытое со всех сторон помещение с темными решетками дверей, выходящих на галерею. Оно привлекает посетителей великолепно выполненными резными композициями, расположенными вдоль всего здания. Композиции изображают различные сцены из жизни обезьян, и назидательный смысл их вполне ясен. Главные положения буддизма избраны в качестве основы иллюстраций — здесь любовь к богу, сыновняя любовь и послушание, снисходительность и терпимость к ближнему, умеренность в жизненных требованиях, взаимное уважение в семье и прочее и прочее. Красочно представленные добродетели так и предлагают туристам советы на все случаи жизни.

Одна из композиций, широко известная, обычно помещаемая в любом путеводителе или статье о Никко, дает вполне определенный рецепт, как прожить жизнь спокойно. Среди сквозных ветвей деревьев на фоне черного глухого лака — шоколадные фигурки трех обезьян.

Одна обезьяна закрыла уши, другая лапками зажала рот, третья плотно закрыла глаза.

— Не слышу ничего плохого.

— Не говорю ничего плохого.

— Не вижу ничего плохого.

Расшифровывая подобным образом смысл этой композиции, один из путеводителей делает многообещающее заключение — и вы проживете жизнь спокойно.

...У священной конюшни щелкают аппаратами туристы. Две молоденькие японки любят резными фигурками, и, судя по их непринужденной болтовне, девушек несколько не привлекает назидательная идея композиции, уводящей от бурного, деятельного «сегодня».

Постояли. Посмотрели. Повернулись и пошли.

А обезьянки все продолжают вопрошать.

— Хотите прожить жизнь спокойно?

Прожить всю жизнь с зажатым ртом, с закрытыми глазами и запечатанными ушами? Мне очень не хочется огорчать маленьких обезьянок. Но что делать, рецепт этот не подходит и для меня.

— Нет, — говорю я решительно. — Не хочу.

Не верьте путеводителям по Никко!

Есть на территории Тайюин и Тосёгу два запретных места. Это лестницы и ворота, ведущие к усыпальницам сёгунов. Гранитные ступени поднимаются к наглухо закрытым воротам с золотыми фамильными знаками. У сомкнутых створок в многовековом молчании застыли сфинксы со скорбно потупленными очами. За низкой гранитной изгородью виднеются чуть изогнутые крыльшки одноярусной зеленоватой пагоды.

Сюда не спешат толпы паломников на поклонение к священным останкам сёгунов Токугава — со времени захоронения лишь несколько раз открывались ворота для верховного жреца синтоистской церкви. Бесчисленное множество экскурсантов, прибывающих в Никко, без благоговейного трепета проходит мимо коричневых ворот и замшелой гранитной изгороди. Истинный трепет восхищения приносится народному гению, сделавшему Никко не столько династийным памятником, сколько вдохновенной песней человеческого труда и таланта. Но есть одно здание в Никко, где страшный сёгун предстает в реальном человеческом облике. Это музей-сокровищница. Здесь хранятся личные вещи Иэясу Токугава — шлем, кольчуга и военные доспехи, выкованные из железа, привезенного в Японию иностранцами.

Маленький хрупкий Токугава едва ли выглядел грозным в этих одеяниях. Но, как известно, не обязательно иметь могучие плечи и грозный лик, чтобы вселять ужас в сердца людей. Государство, созданное этим тупедушным человеком, было поистине государством ужаса и страха, построенным по принципу сёгуна: «Народ должен ни жить, ни умирать».

Завещание Иэясу Токугава (оно лежит тут же под стеклом) — документ, ставший и законодательством, и идейным руководством для его потомков, начинается с ханжеской фразы: «Жизнь человека полна трудностей и невзгол, как долгая дорога для путника. Не надо спешить. Если всегда думать о недостатках, будет одно недовольство. Надо уметь подавлять такое желание, вспоминая о более трудных временах».

Какая удобная философия! К тому же, вероятно, трудности существования крестьянина, весь надел которого, по японской пословице, был «с кошкин лоб», очень отличались от трудностей самого могущественного в Японии феодала, чьи богатства росли, как снежный ком. Миллионы крестьян, задыхаясь от нужды, катили этот ком, и скреплен он был крепче цемента драгоценными жемчужинами их слез и пота. Но рост богатства не умерял ненасытность династии, и своим потомкам сёгун завещал девиз: «Крестьянин что кунжутное семя — чем больше жмешь, тем больше выжмешь».

Потомки оказались ревностными исполнителями заветания. Крестьянина давил сёгунский чиновник, ростовщик, феодал, самурай, бонза, на одного крестьянина, по данным японских историков, приходилось около 1500 налогов — цифра внушительная. Длинный список налогов, унылый, как осенний день, и бесконечный, как нить паука, тянулся за крестьянином до последнего его дня. Строжайшие регламентации пронизывали всю жизнь, начиная от запрещения есть рис в непраздничные дни и кончая строго установленным цветом и покроем одежды. Но страшнее изнурительного труда и издевательств была система полицейского сыска, подозрительности и шпионажа. Каждая деревня была разбита на пятидворки — гонингуми. Цель такого деления — внедрить глубже систему слежки и доноса. На пятерых раскладывались налоги, на пятерых ложилась темная ночь недоверия друг к другу и обязанность следить за соседом: нарушит сосед регламентации — ты в ответе, сбежал — все 1500 его налогов раскладываются на оставшихся четырех. Недаром японский фольклор вполне определенно характеризует это время: «Пришла беда, полагайся на себя», «Рот лучше держать закрытым», «Когда говоришь в поле, помни, что и трава может подслушать».

Существование системы, созданной сёгнуном, — один из уроков, которые преподносит история: сорняк, не будучи уничтоженным, не только живет, но и размножается, захватывая все новое пространство. Ядовитые семена токугавской системы, для которой характерно было попрание человеческого достоинства, через два с половиной столетия обрели в Японии новую благодатную почву. Кто скажет, что восстановление в годы второй мировой войны соседской общины — почти точного слежка токугавской пятидворки — не является показателем совпадения идеалов и целей правительств, хотя их разделяет несколько веков?

А порождение фанатичной военщины — «камикадзэ» и «кайтэны» — летчики-смертники, для которых не был предусмотрен обратный путь, и моряки, садившиеся в управляемые торпеды, чтобы взлететь на воздух вместе с кораблем неприятеля! Западные писатели, приезжав-

шие в Японию, испокон веков становились в тупик перед философией бусидо *, освещающей жизненную практику самурайства. Именно они, возвращаясь в свои страны, возвели феодальный фанатизм в ранг национальной черты, провозгласив тезис: «Япония презирает боязнь смерти».

Смерть ради «Великой Японии», смерть за императора — это почетно. Почетно быть матерью воина, ставшего «камикадзэ». В годы второй мировой войны средневековый феодальный фанатизм, с необычайной утилитарностью поставленный на службу монополиям, держал в плену тысячи человеческих душ.

В путеводителях по Никко сказано, что в храме То-сёгу погребен дух Токугава.

Не верьте путеводителям! Дух Токугава и сегодня бродит по Японии, инспектируя многочисленные ряды своих наследников, тех, кто хочет восстановления атмосферы шовинизма и милитаризма, кому не дают спать идеи реваншизма, кому не стало уроком злое пламя атомной бомбы. И когда тысячи японцев демонстрируют свою решимость отстаивать демократические нормы жизни, конституцию, запрещающую войну, право протестовать против превращения страны в атомный полигон, вы думаете, они говорят «нет!» только звездно-полосатому флагу? Не только. Это «нет!» и тени средневекового сёгуна, его последователям и наследникам в современной Японии.

Не верьте путеводителям по Никко!

Представительница богини Аматэрасу

День клонился к вечеру, но Никко еще не исчерпало своих сокровищ и все продолжало нас удивлять и одарять новыми и новыми встречами. Одна из них ждала нас в Футара-сан. Маленький синтоистский храм с

---

* Бусидо (путь самурая) — средневековый кодекс поведения японских дворян, требовавший от воина доблести и бесстрашия.

зеленовато-голубыми черепичными крышами прислонился к стенам высоких криптомерий. У каменной ступени — табличка на невысокой подставке с надписью на английском и японском языках: «Феодальные танцы Кагура в исполнении девушек, посвятивших себя служению богам».

Наверно, это и было то необычное, чего мы все время подсознательно ждали — билет в машину времени, которая должна перенести нас в эпоху феодализма.

Монах вручил нам совсем обыкновенный, похожий на белую контрамарку листочек.

Бом-м-м! Низкий звук огромного, в рост человека барабана заметался, натываясь на стены храма, и затем, вырвавшись на простор внутреннего дворика, величественно поплыл над галереями, удаляясь и затихая. Он прозвучал как волнующее обещание прекрасного, как преддверие великого таинства. (А в действительности — это был просто сигнал танцорам, чтобы они приготовились к выступлению). Мы прошли по длинной галерее и спустились по ступенькам на маленькую, огороженную красными перилами площадку. Здесь была импровизированная сцена, для которой использовался крытый переход через внутренний дворик. Сиденьями для зрителей служили холодящие, крытые лаком ступеньки лестницы. Внизу, как в амфитеатре, должно было развертываться действие.

Пока шли приготовления, я усердно пыталась вспомнить все, что знала о танцах Кагура. Из общей массы разрозненных фактов выплыло представление о Кагура как о религиозных синтоистских танцах, возникших в далекой древности, чтобы оградить идущих на битву самураев от злых духов.

Появление самурайства, оформление его как класса — процесс весьма длительный, охватывающий промежуток между VII и XII веками. Новый класс феодалов пробивался, как молодой росток, сквозь устаревшие общественные отношения, зеленой порослью поднимался над развалинами родовой эпохи. Появление первых островков феодально-вотчинного хозяйства, стремительное развитие княжеств с городами — центрами торговли и ремесла, кровопролитная борьба крупных феодальных до-

мов за полноту политической власти в стране — дальнейшие этапы пути этого класса. Выход феодального дворянства на историческую арену, борьба за власть, его цели и задачи, облик молодого класса как нельзя лучше отражены в бусидо. Широко известный как кодекс самурайской доблести и чести, бусидо представляет собой по существу собрание норм повседневной жизни самурая. Бусидо фиксировал основу основ феодального мировоззрения — идею «верности», безоговорочной преданности вассала своему сюзерену, высшим проявлением которой считалась верность императору, верность всего народа своему верховному правителю. Этот краеугольный камень феодальной идеологии дополнялся принципами «долга», «мужества», «справедливости», «скромности», «сыновней любви и почтительности» — словом, всеми теми выгодными господствующему классу моральными нормами, для которых использовались как конфуцианские догмы и буддийский фанатизм, так и каноны исконной религии японцев — синто. Постепенно вся эта строгая система окостеневала, теряла связь с живой практикой, обрастала известковой корой метафизической догматики, представляя все более благодатную почву для развития фанатизма. В жизнь самурая прочно вошла вера в демонов, злых духов, в существование магической силы. В условиях постоянной междоусобной борьбы, когда кровопролитные сражения были для самурая буднями, а завтрашний день нес или победу, почести, славу, или бесславную гибель, объяснение всего происходящего действиями богов, распоряжающихся человеческими судьбами, было на редкость удачным изобретением. Готовясь к битве, собираясь начать какое-нибудь важное дело, самурай прежде всего обращался к удзи-гами — родовому божеству, которое непременно должно было помочь своему родичу. Этим-то просьбам к богам и были посвящены танцы Кагура, исполнявшиеся особыми жрицами мико.

Танцы Кагура — почти такое же древнее явление, как сама религия синто. Во всяком случае в III—IV веках нашей эры уже существовали эти религиозные представления. Впоследствии из Кагура выросли Саругаку. Сначала это были просто вводные акты к Кагура, а с

течением времени они вылились в особые представления, совмещающие танец и декламацию. Они, эти музыкально-танцевальные сцены, куда было введено слово и декорация, стали непосредственными предшественниками театра Но.

Пока я наспех передавала спутникам эти свои познания, на красном помосте над белыми каменными газонами внутреннего дворика появились танцовщицы. Они плыли пылающими красно-белыми факелами, то сливаясь шуршащей одеждой с красками деревянных половниц, то отделяясь от них, двигались медленно и удивительно слаженно.

Плавность их движений не была похожа на величавое, спокойное движение хоровода в нашей «Березке», скорее это была пластичность внезапно оживших статуй, сохранивших, однако, ту застывшую выразительность, что была придана им вдохновенной рукой ваятеля. Скупость и лаконичность жестов лишь подчеркивали эту выразительность — едва танцовщицы появились на дальнем конце помоста, когда еще не было видно их окаменевших лиц, мгновенно стало ясно, что это движется, задыхаясь от внутренней боли, сама скорбь.

Зарокотали глухой утробной скороговоркой два барабана — дайбёси. Негромко, вполголоса попробовала первую ноту флейты, и вдруг заголосила жалобно и истерично. Отчаянно громко, раскатисто закатился большой барабан — тайко. Фигуры танцовщиц вздрогнули и застыли, правая рука медленно поднялась вверх и, как широкий плавный вздох, поплыла по воздуху.

Рассказ начался...

Далеко-далеко над равнинами Этиго занимался рассвет. Первые лучи поднявшегося из океана вечного светила осторожно коснулись горных вершин, окрасив белые пики. Птицы запели свою первую песню. Цветы сакуры раскрыли розовую пену лепестков. Но нет спокойствия и мира на прекрасной земле Ямато. Едва поднимется в небо солнце, у подножия гор, топча рисовые поля и молодую поросль пшеницы, сойдутся в смертельной битве войска. Два феодала затеяли междоусобицу, зеленые поля и бамбуковые рощи стали предметом спора, и тщеславные планы сюзеренов должны быть оплачены

кровью молодых вассалов. «Верность своему господину — первый и основной долг самурая», — так говорит бусидо. Вассал должен считать великой честью умереть за господина. «Жизнь — к наконечнику стрелы!» — вот девиз самурая. И сейчас в окутанной туманом долине тысячи воинов готовятся к схватке.

А в маленьком храме у каменных курильниц, наполненных синим дымом, творят свой танец-молитву жрицы мико:

О удзи-гами, будь милостив, услышь униженные молитвы и просьбы наши! Дай нам помощь свою всеильную и неизменную!

О удзи-гами! Кто как не ты можешь помочь своим потомкам, твоим родичам? Кто как не ты? Отведи разящий меч врага, помоги на поле битвы! Кто как не ты? Кто как не ты?

Белые рукава так мечутся и трепещут, так упрашивают, так самоотреченно умоляют богов и духов о помощи, что ясно и без слов — если боги откажутся помочь, жрицы дерзновенно земными своими покровами защитят молодого самурая от неминуемой гибели.

Ну, а если не смогут? Что ж! Упадут они тогда мертвой подстреленной птицей, обнимая свежий холмик земли в безутешном горе.

Как камни, что лежат у берегов
И в час прилива в волнах исчезают,
Так рукава мои...
Они влажны от слез,
А люди ничего не видят
И не знают!

Мелодия трудноуловимая, прерывистая, как дыхание, с высокими всплесками звуков, течет и течет, перемежаясь лишь вздохами барабана.

Жесты танцовщиц становятся более резкими, позы приобретают оттенок требовательности, исчезает просительность. Лицо мико со сжатыми губами и бездонными мазками глаз закинута вверх, высокая тонкая шея вынесла до отказа округлый подбородок, распущенные волосы, спускаясь по спине, почти касаются пола.

— О-ми-ками Амаэрасу! Ты всеильная, ты спра-

ведливая! Ты не можешь не услышать! Ты должна помочь! Должна!!!

В руках жриц появляются мечи, длинные, отливающие синевой металла, самурайские мечи. По их широким лезвиям скользят лучи идущего к закату солнца, при взмахах над головой они горят огненными клинками. Тяжелые мечи не кажутся чем-то несовместимым с белыми шелковыми рукавами и маленькими руками танцовщиц. В далекие времена феодального средневековья в жизни женщин — жен, невест, матерей самураев меч занимал немаловажное место. Если все дни самурая были посвящены ратному подвигу или подготовке к нему, то это касалось и его семьи. Нередко даже маленькие дети принимали участие в сборах отца на битву или учение, помогая чистить оружие. Женщины должны были провожать самурая на подвиг, молиться за него, вдохновлять его своей стойкостью и мужеством. В феодальном эпосе японского средневековья — «Тайхэйки» («Повесть о Великом мире») приводятся слова старой матери, благословлявшей сына, идущего на битву:

«С древности и до сего дня, — говорит мать самурая, — те, кто рождается в домах воинов, заботятся о чести и не заботятся о жизни, думают об оставленной жене и детях, скорбят о разлуке с отцом и матерью, но все же не колеблются пожертвовать своей драгоценной жизнью, так как помышляют о своем роде и считают позором, если над ними будут насмехаться. Если ты сохранишь невредимым тело, которое получил от меня, — этим проявишь свою сыновнюю любовь, если исполнишь свой долг и прославишь свое имя на все времена, — проявишь эту любовь еще больше! Поэтому в предстоящем бою не думай о своей жизни, не позорь отцовской славы» *.

Танец шел к концу. В руках мико то звенели колокольчики, которыми они усиленно старались привлечь внимание удзи-гами, то раскачивались ветви священного дерева, отгонявшие злых духов. Темп движений заметно убыстрялся. Под нервный, настороженный ритм барабана вскидывались, скрещивались, опускались к коленям

---

* «Восток», сборник первый, М., 1935, стр. 258.

тяжелые плоские мечи, захлебывались металлическими молитвами колокольчики.

Замер высокий последний звук мелодии, на какое-то мгновение тоскливо повиснув в воздухе. Танцоры молча, без поклонов покидали сцену. Аплодисментов не было. Они были неуместны на подмостках, где выступала сама история. Истории не рукоплещут, ею не восхищаются, она всегда поражает, даже когда кажется, что ты хорошо с ней знаком.

Босые ноги танцовщиц попирали не красный лак, а прах столетий. Древние деревья — немые свидетели веков кивали дремучими головами, как бы подтверждая, что все это было, было. Под вечерним небом перед нашими замороженными глазами прошло само средневековье с его фанатизмом и жестокостью, с его кровавыми драмами и трагедиями, в бряцании самурайских сабель которого и строфах феодального эпоса отразился весь путь феодального класса, — прошло мимо не оглянувшись, не останавливаясь, так, как проходит время...

А у выхода из храма нас снова встретила Япония XX века. Деловые, несколько суматошные туристы сновали между деревьями, щелкая фотоаппаратами и кинокамерами, внизу на дороге настойчиво сигналил водитель, видимо собирая потерявшихся экскурсантов. На открытой галерее храма около монаха в синем кимоно собралась небольшая очередь. Монах ставил печати на проспектах и каталогах, купленных туристами в храмах. Печати были синие и красные, с крупным замысловатым узором, занимавшим почти весь титульный лист альбомов, там же ставилась дата. Эти печати, видимо, рассматривались как память о пребывании в Никко или свидетельство того, что проспекты были куплены не в каком-либо магазине, а при личном посещении столь знаменитого исторического места.

Бывают случайности, последствия которых совершенно неожиданны. У монаха, с таким серьезным видом предававшегося своему занятию, вдруг кончились чернила. Высокая светловолосая туристка, разложившая перед ним свой альбом с фотографиями храмов, непременно желала украсить их заглавный лист красными печатями, красными и только красными!

Монах тщетно давил на печать тяжелой волосатой рукой, но оттиск получался бледный, отчетливый только с одной стороны. Женщина же была снисходительно-корректна, но весьма настойчива. Тогда, с величайшей флегматичностью пошарив в бесчисленных складках своего одеяния, монах извлек маленький колокольчик и лениво помотал им у самого своего носа.

Тотчас же в боковых дверях, ведущих во внутреннее помещение храма, появилась девушка. Одета она была почти так же, как жрицы мико. Волосы, гладко причесанные спереди, свободно падали на спину, перехваченные у затылка и у самых концов двумя колечками узкой бумажной ленты. Выслушав указания монаха, она через несколько минут вернулась с плоской чернил и испачканными красными пальцами. Тут-то мы и решили воспользоваться неожиданным случаем и поговорить с представительницей богини Аматэрасу.

Девушка оказалась очень общительной и простой.

— Нет, нет, я еще не танцовщица, потом буду, а пока — прислужница в храме. Работаю здесь недавно. Всего второй год. Да, да. Работа не тяжелая, но как бы вам сказать, — девушка чуть застенчиво улыбнулась, — несколько утомительная, весь день на ногах, в постоянной беготне. Но ведь и у танцовщиц работа не легче, физически утомительная и требующая большого нервного напряжения. Мы очень хорошо понимаем друг друга. Все мы — танцовщицы, прислужницы, музыканты — члены одной организации.

— Какой организации? — не поняли мы.

Девушка удивленно взглянула на нас.

— Профсоюзной.

Теперь настало время удивляться нам. Жрицы мико организованы в профсоюзы! «Священная профсоюзная организация земных уполномоченных японских богов» — неплохое название для организации!

Видимо, эти мысли столь явственно были написаны на наших лицах, что немедленно последовало подробное объяснение ситуации. Члены профсоюза храмовых работников в Никко борются, так же как и члены других профсоюзов, за улучшение своего положения, за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. За-

рабочая плата их весьма невысокая, в среднем почти такая же, как у работниц столичного универмага.

— Вы знаете, — говорит будущая жрица, — у нас тоже есть свои осенние и весенние наступления, вернее, мы тоже активно участвуем в общенациональных кампаниях осеннего и весеннего наступления. У нас ведь как раз осень и весна — самый разгар туристского сезона, именно в этот период мы и выступаем со своими решительными требованиями. Хотя нельзя сказать, что мы не боремся в другое время. Вот в прошлое весеннее наступление мы добились повышения заработной платы, пусть не очень большого, но все же добились. Правда, мне, лично мне, это, кажется, не принесет большой пользы.

— Но почему?? — мы снова удивились.

— Видите ли... — девушка выглядела смущенной, — у меня есть жених... Так вот, если я выйду замуж, меня с работы уволят. Вот такая проблема, — она виновато улыбнулась. — Сиката га най (Ничего не поделаешь).

Мы смотрели на маленькую жрицу и говорили ей какие-то слова сочувствия. Такое положение не было для нас новостью. Несмотря на то что в Японии 19 миллионов работающих женщин и женские организации насчитывают зачастую десятки тысяч членов, им приходится вести трудную борьбу с укоренившимися традициями, до сих пор определяющими место женщины в обществе. Женщина получает за равный труд в два раза меньше, чем мужчина. Замужнюю женщину увольняют с работы — предпринимателям невыгодно предоставлять декретные отпуска и заботиться о детских садах и яслях. Половина женщин, получивших высшее образование, не может найти работу по специальности. Правда, за последние годы женщину все чаще можно увидеть работающей в суде, больнице, редакциях журналов, телевидении и даже встретить женщину — члена парламента. Но достается все это ценой упорной, непрекращающейся борьбы.

— Вы немного поздно приехали, — вдруг заметила наша собеседница жрица. — Вам следовало бы прибыть к 17 октября. Вы знаете, что в Никко два раза в год бы-

вают большие празднества, посвященные Тосёгу? Один — 17 мая, другой — 17 октября.

— Да, мы знаем. Мы видели красочные проспекты, цветные фотографии с изображением феодальных процессий.

Мне даже довелось совершенно случайно посмотреть цветной документальный фильм о фестивале в Никко. Он шел как «добавка» к двум американским боевикам. Трудно забыть и еще труднее описать красочное зрелище, которое представляет собой этот фестиваль. Тысячные толпы танцоров в развевающихся разноцветных одеждах, огромные золоченые переносные алтари, с мерным колыханием плывущие на плечах и руках молодых японцев, шеренги самураев в желтых шляпах-шлемах, с кривыми саблями, ночное небо, перечеркнутое пунктирным полетом гирлянд бумажных фонарей, — все, все сливается в единую феерическую картину. Конечно, очень бы хотелось увидеть это в самом Никко, а не на экране, тем более что для этого нужно было совсем немного — запланировать нашу поездку на четыре дня раньше.

Прощаясь с нашей милой собеседницей, мы еще раз окинули взглядом Футара-сан. Солнце садилось. Несколько последних его лучей скатывалось по голубоватой кровле. В глубине у стволов деревьев возникали первые сгустки вечерней мглы.

На красных ступенях храма стояла маленькая жрица — представительница богини Аматэрасу и махала нам вслед испачканной чернилами рукой.

Ироха — символ века

Футара-сан был последним храмом, который мы осмотрели в комплексе Никко. Теперь предстояло двинуться еще выше в горы, к озеру Тюдзэндзи, к водопаду Кэгон.

После, перебирая в памяти впечатления этого дня, я разделила Никко на две части — собственно Никко, Никко токугавского периода, куда входил храмовой

ансамбль, и Никко XX столетия, Никко сегодняшней Японии, нарядное, блестящее, «модернизированное» Никко.

Входом в это сегодняшнее Никко была автострада Ироха, которая шла наверх от станции Умагаэси. Это петлеобразное шоссе, с каждым поворотом поднимающееся все выше и выше. Петель около тридцати, идут они в большинстве своем строго друг над другом, и поэтому их свободно можно пересчитать как бы по алфавиту, по японскому алфавиту — «и», «ро», «ха», отсюда и название дороги.

Наш молчаливый водитель в белой рубашке и белоснежных нитяных перчатках сосредоточенно глядел на дорогу. При всех ее великолепных качествах дорога очень опасна. На одном из верхних виражей мы заметили, что ажурные низкие заборчики вдоль края дороги в нескольких местах начисто смяты. Восстановить их еще не успели, только, видимо, подмели осколки цемента и зачистили выбоины. Внизу шла отвесная стена, чуть прикрытая кронами деревьев, и где-то в пропасти сквозь листья просвечивала следующая петля дороги. Представить недавно разыгравшуюся трагедию было нетрудно. И понятными становились непривычные для нас забота и внимание, дорожная вежливость шоферов, если так можно выразиться. На каждом повороте спускающаяся вниз машина стоит минуту-другую, ждет появления встречной. Такой же водитель, как наш, поднимает руку в белой перчатке и нажимает клаксон — «спасибо!». Ответный взмах руки — машина трогается. В кабинах перед обоими шоферами в прикрепленных к стеклу вазочках раскачиваются головки цветов. Цветы в кабине — обычное явление, любовь к природе, тонкий вкус проявляется у японца во всем.

Ироха привела нас на Тюдзэндзи. Озеро, в которое были опрокинуты зеленые горы, пылающие пожары желтых и красных альпийских лугов, гордилось своей неправдоподобной красотой. И все здесь наверху было совсем как та Япония, которая с удовольствием показывает себя иностранцам, та, которую называют «Азиатская Америка», та, что гордится своими дорогами и машинами, кичится «сервисом», а глубину голубого неба

и нежные краски природы деловито превращает в статью дохода. В этом поэтическом уголке, где

Мох зеленый, что платье,
Плечи гор покрывает.
Светлая туча, что пояс,
Чресла гор обвивает,

приютились белые современные здания, станция канатной дороги, моторные базы, стоянки легких спортивных судов. Вся красота природы подчинена интересам туриста, все «обработано», все подано ему «на блюдечке с голубой каемкой».

А машины японских и иностранных марок все везут и везут туристов. Все, что идет вверх от храмового ансамбля, превращено в фешенебельное место отдыха, где «сервис» — необходимое добавление к красотам природы. Например, к известному водопаду Кэгон, широкая струя которого хлещет со стометровой высоты, туриста доставляют на лифте. В горе продолблен тоннель с гудящими под ногами железными плитами, который ведет вас к подъемнику. Подъемник, как уголь «на гора», выбрасывает толпы туристов прямо к подножию водопада. У самого его основания, куда с грохотом бьет многотонная лавина, сделана небольшая деревянная вышка для обозрения.

Но, пожалуй, не хуже этого красавца менее популярный и, конечно, менее мощный водопад Рюдзу — «Голова дракона», по преданию, возникший из тысячи змей-струй, брошенных на скалы. Туристов здесь значительно меньше. И уж совсем нет ни души у небольшого водопада Юдаки, у озера Юноко. Правда, добраться до него не так просто. Прекрасные отели с зеркальными стенами, белыми купальнями и крыльями яхт на глади озера, так же как и комфортабельные автострады, останутся далеко внизу, пока по пыльной, вихляющей, разухабистой дороге доберешься, наконец, до маленького сиреневого озера. Зато необычайная тишь и первозданная, нетронутая красота величественных гор, косматых струй водопада, прямо посередине которого на черном камне дрожит красная осинка, восполняют сторицей тяготы пути.

Возвращались мы из Никко поздним вечером. Дорога была совсем пустынна, смельчаков, вроде нашего шофера, было мало. Клубы тумана крутились перед машиной, как вихри снежного бурана где-нибудь в Подмосковье.

Два Никко провожали нас. Одно осталось наверху, в огнях отелей и вилл, в ритмах твиста, в затихающих шорохах моторок на озере. Другое в полном молчании проплывало слева. Прекрасные храмы — бесценные сокровища японского искусства — мирно спали, укутанные густым белым туманом.

Фонтаны и песчинка

По вечерам в душной полутьме светятся призывные рекламы театра Кабуки.

Здание театра громоздко и эклектично. Впечатление такое, будто зодчий, завершив европейское по виду строение, вспомнил, что оно находится в Японии, и решил добавить к каменной кладке и балконам, опирающимся на лепные консоли, необходимую специфику восточной архитектуры. Легкие шатры выгнутых крыш, как большие шляпы, глубоко нахлобучены на тяжелые каменные стены.

Мы смотрели в театре Кабуки многочасовую историческую драму. Был храбрый даймё, были страдания самурая, пожертвовавшего своей любовью из верноподданнических чувств к сюзерену, был звон сямисэна, бормотание барабана «цуцуми» и черные фигуры служителей сцены «куромбо», была неизменная, всегда поражающая европейца традиционность Кабуки — сочетание условности и реализма. Словом, Кабуки оставался таким, каким мы его видели во время его гастролей в Москве, каким он оставался в течение веков, ибо его настоящее — это бережно сохраненное прошлое, истоки которого восходят к XVII столетию.

При огромной загруженности наших дней в Японии нам нелегко было найти время для Кабуки: в день посещения театра исключалось все остальное — представление идет очень долго, да и не хотелось смешивать впе-

чатление от этого истинно японского, грандиозного национального зрелища с чем-нибудь другим.

Накануне, когда мы перекраивали свое расписание и советовались с нашими друзьями-японцами, мы столкнулись с совершенно неожиданной для нас точкой зрения:

— Ну зачем вам Кабуки? Во-первых, вы недавно видели его в Москве, во-вторых, Кабуки — это все же не современность для Японии, с какой стороны ни подойти — это токугавская эпоха. Любовь к Кабуки у японцев превратилась больше в традицию. Молодежь сюда ходит мало и то лишь для того, чтобы отдать дань традиции, и только среди пожилых японцев встретишь настоящих ценителей и поклонников этого театра.

Нам даже объяснили, что, когда Кабуки пришел на смену феодальному театру Но, доступному только узкому кругу феодальных эстетов, он долгое время отражал интересы основных слоев общества, шагал в ногу с эпохой, а теперь сам стал скорее искусством прошлого, тем более что каноны этого театра незыблемы и дальнейшее развитие возможно лишь в рамках совершенствования мастерства актера.

— Ну, а что же современно? — спросили мы.

В ответ пожали плечами.

— Все остальное современно.

И мы пустились в странствие по театрам, которые были «на уровне современности» (правда, не послушавшись совета и посетив предварительно Кабуки).

В самом центре Токио на Гиндзе большое здание театра Нитигэки. Наши знакомые сказали моим спутникам-мужчинам:

— Завтра мы вам достанем билеты в Нитигэки, — а потом, взглянув на меня, огорошили:

— А вот с вами дело хуже. Женщины там не бывают. Иногда приходят иностранки, но это очень редко. И то обычно после начала действия, когда гаснет свет, иначе очень неудобно.

Я знала, что женщины раньше не имели права участвовать в театральных действиях (за исключением самого раннего Кабуки), но что женщинам в наши дни «неудобно» ходить в театр — это было что-то новое.

Однако разъяснилось все чрезвычайно просто — оказалось, что программа Нитигэки состоит из показа полуобнаженных звезд — американских, приехавших на гастроли, и своих «доморощенных». Забегая вперед, скажу, что в Асакуса я попала на еще более «откровенные» представления, но первое знакомство с программой Нитигэки, одного из крупнейших театров столицы, оставило тоскливое недоумение.

Однако мы справедливо полагали, что Нитигэки — это еще не весь театральный мир Японии или даже Токио. Преисполненные самых лучших ожиданий, мы отправились дальше. А дальше были театры Такарадзука, Кокусай гэкидзэ и множество всяких клубов с концертными отделениями. Как ни разнообразны были их рекламные щиты, программы всюду были похожи — было то, что называют «ревю».

В культуре Японии, особенно после революции Мэйдзи, когда изолированная в течение длительного времени страна вышла на мировую арену, был период широкого, интенсивного, порой безразборного заимствования всего западного. Как уже говорилось, особенно ярко это проявилось в архитектуре. Но и бесконечные «ревю» очень напоминают подобное заимствование и бездумное перенесение одного из видов театральных представлений Америки на японскую почву. Конечно, есть в Японии театры, которые ставят, и хорошо ставят, пьесы японских, европейских, американских, русских авторов, но в массе — соотношение не в их пользу.

Правда, встречи в «ревю» вначале даже многообещающи. Когда поднимается занавес в Кокусай гэкидзэ, прежде всего ошеломляют краски — настоящее полуводье света, бьющая сочность тонов, костюмов и декораций, чарующая музыка. И вы ждете встречи с чем-то большим, что не может не состояться. Один номер за другим. Сцена из индонезийской жизни, норвежский танец, русские казаки в папахах, опять танец, то ли тирольский, то ли еще какой. Мелькают зонтики, веера, ноги, руки, шашки, платки, саронги и сари — калейдоскоп костюмов, световых эффектов, тонкая гамма подцветки, режиссерская выдумка — все превращается в один сверкающий поток, в котором много бутафорского шума,

бездумного блеска, но нет главного — кусочка тишины, которая нужна для большого, цельного, серьезного.

В программе, которую мы смотрели, была одна сценка, выпадающая из всего тона спектакля, — маленькая новелла, изящно сделанная руками настоящего мастера. Это была короткая повесть о том, что неизменно волнует человечество, — о любви. Не было пышных декораций и ярких костюмов, простенькие прически и непарадные, скромные кимоно, но было трепетное живое чувство, не нуждающееся ни в световой подцветке, ни в звуковой подаче.

И странно, смысл этой новеллы никак не вязался с широко кочующими в Японии (да и не только в Японии) модными теориями о всемогущем «сексе» — единственном причинном факторе в анархии человеческих взаимоотношений, не вязался уже по одному тому, что совершенно бесхитростно доказывал, что вопреки представлениям современного буржуазного индивидуя любовь — отнюдь не только «секс».

Но маленькая новелла, вызвавшая бурную реакцию зрителей, была единственной в этом сверкающем фонтане пустоты. Единственной, словно случайная песчинка. Мы еще долго пребывали в состоянии ожидания, но, когда на просцениум в полумраке выбежала шеренга полураздетых девиц, всем своим видом и ритмом канкана победно заявляя, что они и есть именно те женщины, без которых «жить нельзя на свете, нет!», мы поняли, что ждать больше нечего.

А закончился спектакль настоящими фонтанами: на крыльях сцены, вынесенных далеко в зал, вдруг хлынула вода, потоки ее топтались и прыгали на деревянных подмостках, громадные, словно удавы, переплетенные струи фонтанов-гигантов хлестали изо всех сил. Все смешалось — гремела бравурная музыка, тонны воды с шумом падали и взлетали вновь, отчаянно металась лучи прожекторов, расцветчивая, зажигая и гася бушующую воду.

Это, видимо, был главный эффект спектакля. Но, честное слово, он вызывал совсем не те эмоции, на которые рассчитывала режиссура, — конечно, водяная феерия красива, но к чему она здесь, в театре? Так же, как

устраивать на сцене настоящий пожар (что, впрочем, довелось нам увидеть тоже). С первыми взметнувшимися струями приходила мысль — а вдруг нарушится что-нибудь в этой системе строгой размеренности? Что тут будет? Тонны воды обрушатся в зал! Даже представить страшно!

Но если исключить эту последнюю сцену, все равно весь спектакль с его красочностью и яркостью оставлял ощущение неудовлетворенности, огорчения за бесцельно растрачиваемые силы и способности актеров, художников и режиссеров.

Впоследствии, когда мы попали на программу в Асакуса, мы увидели, с каким цинизмом можно использовать средства искусства. И это делали японцы с их эстетизмом, с их обостренным чувством прекрасного! В тот вечер в Асакуса была обычная программа, в которой стриптиз нес дополнительную нагрузку по рекламе. Объявили о продукции фирмы, изготавливающей туалетное мыло цвета чайной розы, цвета хризантемы, цвета заката над Фудзи, благоухающего, как сакура, питающего кожу, делающего ее эластичной и блестящей и так далее, и так далее. Пульверизаторы выпустили облако благоуханий, и оно плыло над головами, проникая в ноздри и мозг, настойчиво отпечатывая название фирмы в сознании зрителей.

Затем под звуки «мамбо» на сцену стремительно выскочила девушка в купальнике... из пены мыла цвета заката над Фудзи. Пена сверкала и искрилась, прожекторы шарили по телу, а она с жеманным притворством увертывалась от них, как от бесцеремонных рук. Каждый прыжок, каждый шаг был отработан — режиссеры пользовались консультацией крупных профессионалов — американских постановщиков стриптиза, которые усматривали недостаток японцев в том, что у них актриса слишком быстро и «недостаточно сексуально» раздевается. Эта сцена была выполнена с учетом замечаний американской режиссуры: подсвеченные струи воды, тоже отплясывая «мамбо», очень медленно сбивали купальник из пены. А голос диктора продолжал расхваливать товар:

— Смотрите, как блестит, как эластична кожа!

— Это результат применения продукции нашей фирмы.

— Мы вам советуем приобрести мыло цвета заката над Фудзи!

Пошлость в обнимку с алчностью, коммерция на службу которой поставлены нравы, шествовали по помосту. И никому из битком набитого зала не пришло в голову крикнуть этим «служителям искусства»:

— Остановитесь! Что вы делаете?

Отчаянно хотелось, чтобы провалилась сцена или испортилась проводка, чтобы что-нибудь случилось, только бы прекратился этот парад пошлости, когда обыгрывается то купание, во время которого крадут кино, то тайфун, срывающий одежду.

Впоследствии у нас было много разговоров о судьбах японского театра с самыми различными людьми, и имеющими и не имеющими прямого отношения к искусству. Одни говорили, что стриптиз, ревю, боевики, порнографическое печатное и пленочное половодье — прямой продукт насильственного американского духовного импорта. Другие утверждали — дело гораздо сложнее. Искусство всегда стремится быть дыханием современности, пульсом дня. Эта закономерность в послекапитуляционный период была использована американцами, стремившимися доказать, что современность — это и есть американизм, современность — все то, что идет из Америки. Отсюда появление бесконечных ревю, техасских ковбоев, привозные и свои боевики, голливудские штампы. К тому же все это были естественные составные части одной формулы, которая преподносилась японцам как откровение и символ современности, — «американский образ жизни».

Трудные, запутанные дороги, на которых топталось японское искусство в те годы, отчетливо отражали глубокий моральный кризис нации. Однако даже в тот тяжелый период низкопробный идейный импорт не сумел окончательно затопить, подчинить и подавить мысль творческой японской интеллигенции.

Сейчас, когда идеологическое наступление становится одним из основных аспектов американской политики в Японии, идейная обработка искусства занимает в этом

наступлении далеко не последнее место. Влиять на японское искусство, утверждающее свою самостоятельность, становится с каждым годом все труднее и труднее. И пожалуй, хваленый американизм с его рекламой образцов «американской демократии», «свободного искусства», свободного от ответственности перед человеком, — этот американизм и сегодняшние поиски современности, характерные для японского искусства, находятся на разных полюсах.

Современность, если говорить о ней не как о временной категории, а как о социальной, определяется прежде всего содержанием. И в этом смысле представляется весьма сомнительной неоспоримость характеристики Кабуки как явления отжившего, устаревшего, несовременного. Бутафорский блеск «ревю» современен, а глубоко национальный Кабуки, без которого трудно себе представить Токио, без которого нет Японии, лишен насущности сегодняшнего дня?

Вряд ли то, что сегодня мельтешит на экранах и подмостках Японии, имеет будущее. А вот есть ли будущее у Кабуки — это покажет жизнь. До сих пор не было недостатка в предположениях о закате Кабуки. Но идут годы — срок немалый, а Кабуки живет, и не только живет, но продолжает восхищать своим поистине пережившим века мастерством. Восхищаются и пожилые японцы, и иностранцы, и даже молодежь, которой в зале много, не знаю уж, в силу традиции, как нам говорили, или просто из-за любви к прекрасному искусству Кабуки.

В сложных процессах культурного синтеза, особенно активно развивающихся в послевоенные годы (сегодняшние дороги искусства Японии не лежат где-то вдали от путей мировой культуры, изоляция вроде токугавской в XX веке невозможна), Кабуки найдет свое место, тем более что сам по себе этот театр более, чем все другие театры, подготовлен к передаче социальной тематики и сложностей современной жизни.

Кроме Кабуки большое общественное значение имеет в Японии Сингэки («Новый театр»). Движение за создание нового театра возникло еще в начале XX века. Оно отражало социально-политические изменения в

жизни японского общества после революции Мэйдзи, демократические устремления японцев и тягу к созданию нового искусства.

Если раньше драматург был как бы подчинен актеру — в центре внимания стояла не столько сама драма, сколько актерское мастерство, то Сингэки принес в японский театр искусство сценического воплощения. Именно этим можно объяснить, что в первые годы своего существования Сингэки отказался от постановки пьес японских авторов. Новый театр развивался под влиянием русской литературы и драматургии. Это влияние было настолько всеобъемлющим, что, по свидетельству японской критики, его нельзя сравнить с воздействием искусства ни одной другой европейской страны.

В 20—30-х годах наиболее революционная часть деятелей японской культуры создала пролетарский театр. Первыми талантливыми коллективами его были Японский рабочий театр на верфях Кавасаки в Кобэ, Токийский рабочий театр. Вслед за ними появились и другие коллективы, претворяющие в жизнь демократические традиции нового театра, — Пролетарский театр, Токийский левый театр, был даже создан Союз пролетарских театров.

В репертуар этих театров вошло много пьес прогрессивных японских драматургов. С огромным успехом на японской сцене шли пьесы советских авторов: «Бронепоезд № 14—69» Всеволода Иванова, «Шторм» и «Штиль» Билль-Белоцерковского, «Разлом» Лавренева, «Я жгу Париж» Бруно Ясенского, пьесы Луначарского.

Сингэки сейчас — это неустанное стремление японских драматургов к социальной драме, которая сумела бы отразить правду жизни. В Японии насчитывается свыше тысячи коллективов Сингэки, к которым примыкает масса любительских кружков. В их репертуаре пьесы и иностранных и японских авторов. По-прежнему большим успехом пользуется русская драматургия — Горький, Чехов, Толстой. Первой послевоенной постановкой Сингэки был «Вишневый сад» Чехова. Чеховские пьесы «Чайка», «Три сестры», «Иванов», «Дядя Ваня», так же как и пьесы Горького «На дне», «Мать», «Враги», «Егор Булычев и другие», прочно заняли место в репер-

туаре этих талантливых коллективов. В каждой из наших встреч с деятелями искусства обязательно обсуждался вопрос о Сингэки, о его прошлом, настоящем и будущем. И почти всегда экскурс в историю этого театра вел за собой разговор о Кабуки. Сопоставление это, как мне кажется, не случайно. И в нем, как во многом другом, отражаются трудности современного японского искусства — проблема старых и новых форм, сложного соотношения национального и всего нового, что пришло в Японию извне, так же как и того, что диктуется потребностями современности.

В одной из бесед нам сказали:

— Попробуйте, проаккомпанируйте на сямисэне танцору, идущему в живом ритме современного танца.

Мы ответили, что, вероятно, это сложно, если вообще выполнимо. Инструмент, возможности которого оправдываются неторопливой ритмикой национальных мелодий, явно не годился для подобных вариантов. Так нам казалось.

Конечно, мы не могли иметь компетентного мнения на этот счет, но, видимо, речь шла о несоответствии старых национальных инструментов и национального строя музыки современным потребностям ее развития. Вскоре нам представилась возможность судить, как это выглядит в действительности.

В зал мы пришли с небольшим опозданием, когда на просцениум уже вышел высокий, стройный японец в белой рубашке и белых узких брюках. В руках у него был сямисэн. Странно было видеть сямисэн, небрежно зажатый под мышкой. Я как-то привыкла к тому, что этот инструмент бережно кладется на складки кимоно, и он у меня всегда ассоциировался с национальной одеждой. Пока я спрашивала об этом у своих друзей-японцев, объявили номер. Мы не слышали названия, но, судя по реакции сидевших рядом американских моряков, это было что-то современное. Артист почти сразу вошел в вихревой темп танца. Это был не твист, хотя многие движения очень его напоминали. Скорее это был танец спортсмена, в совершенстве владеющего своим телом, великолепное выступление на соревнованиях по художественной гимнастике.

Сямисэн взлетал в ловких руках и метался вокруг извивающегося тела. В сумасшедшем ритме пальцы артиста безошибочно находили струны, и древний инструмент рывками выжимал ритм. Этот же виртуоз под неистовый рев зала в сопровождении гитары и цуцуми исполнил «мамбо». Мы со своим скептицизмом были посрамлены.

Сямисэн и цуцуми блестяще справлялись с современными ритмами. А какой это был артист! Каждое его движение было ликующей песней мускулов, освобожденных от скованности, гимном гармонически слитому движению и звуку. И руки, и сямисэн летели по воздуху со свободой парящей в небе птицы. Не было ни одного человека в зале, кто бы остался равнодушным. Совсем как в той древней легенде, известной каждому японцу, — легенде о танце богини Удзумэ (кстати, танец этот официальная историческая наука считает истоком японского театра).

Богиня Удзумэ решила вызвать спрятавшееся за тучи солнце. На пустом опрокинутом чане она начала отплясывать свой темпераментный танец. Мириады богов, привлеченных ее танцем, помимо своей воли втянутые в водоворот ритма, превратились в активных ее аккомпаниаторов. Вся вселенная со звездами и планетами в ураганном темпе отбивала ритм, помогая богине творить этот танец. Пожалуй, нечто подобное происходило сейчас в зале. Конечно, стучать и отбивать ладонями такт никто не решался, но вопреки всем нормам поведения, вопреки серьезным, даже бесстрастным лицам остроносые мужские ботинки, дзори и изящные туфли на каблучках-иголках отбивали по пластиковому полу мелодию.

Потом на сцену вышли два актера, но движения их были настолько слажены, бесконечный тренаж и необыкновенная музыкальность были столь велики, что они казались единым целым. Актеры исполняли танцы Южной Америки и негритянские мелодии. Сямисэн и гитара вели музыкальный рисунок, два цуцуми и деревянная колотушка украшали, подхлестывали, насыщали трепетом звучание струн. Первое ощущение от мельтешащего в воздухе сямисэна, ощущение совершающегося у вас на глазах кощунства, прошло. Виртуозное мастерство, искусство актера было тому причиной.

Но тем не менее до конца осталось щемящее чувство. Можно сделать почти невозможное, но что бы вы, например, испытывали, глядя, как по корпусу скрипки отбивают такт тяжелые мужские ладони? Допустим даже, что делают они это виртуозно, с редким чувством ритма и темперамента. Все равно у вас останется ощущение чего-то невозможного, недопустимого, неуместного. Так было и у нас, несмотря на восхищение мастерством актера.

Наши многочисленные встречи с музыкантами и актерами были исключительно интересны. Вопрос об инструментах, например, не был частным вопросом. Надо ли создавать совсем новые инструменты, отличающиеся от старых национальных, такие инструменты, которые бы были и национальными и современными?

Вопрос о том, что старая форма не соответствует новому содержанию, — вопрос вечный, неизменный. Но, ломая старую форму, новое содержание не уходит от того неиссякаемого родника, который мы называем народностью, национальной самобытностью. И творческое усвоение национальных традиций, а не полное отбрасывание их в угоду лихорадочной погоне за «модерном» есть прежде всего показатель здорового развития, жизнеспособности и стойкости нового. Конечно, и старая форма иногда может справляться с нагрузкой, которую дает новое содержание, как тот сямисэн. Но подобное «пристегивание» атрибутов национальной специфики к потребностям сегодняшнего развития не выглядит ли искусственным и эклектичным?

Мы видели и слушали в Японии ансамбли, такие, как «Дак-дагс» (с большим успехом прошли их гастроли в СССР), использующие совсем не японские инструменты, и тем не менее репертуар их при всей своей современности не теряет национального колорита.

Возможности инструмента действительно могут определять диапазон тем (не всякий актер может взять от сямисэна, например, современное звучание), но актуальность тематики определяется не инструментовкой, а социальным и общественным звучанием. И можно ли делать сегодняшний день в искусстве путем полного отрицания культурного наследия нации, путем «сожжения

мостов» и создания нового на совершенно пустом месте? А бескрайние потоки ревью и «шоу» производят определенное впечатление именно такой попытки.

И все же, несмотря на ощущение очень сложной обстановки в современном искусстве, общее впечатление от встреч осталось у нас оптимистичное.

Поиски путей японского искусства в современность очень трудны, но уже то хорошо, что и сейчас все эти заимствованные формы театральных зрелищ и всевозможных жанровых программ не могут удовлетворить не только публику, но во многих случаях и их создателей.

«Я сдаюсь»

Лучшие работы японского кинематографа имеют всемирную известность. Золотые призы, награды фестивалей, успех на зарубежных экранах прославили имена таких режиссеров, как Кэнди Мидзогути, Синдо Канэто, Киносита Кейскэ, Имаи Тадаси, Кабаяски и Госо Хейноскэ. Их фильмы «Луна в тумане», «Голый остров», «Трагедия Японии», «Река Фуэфуки», «Харакири», «А все-таки мы живем!» по праву вошли в золотой фонд мирового искусства. Но, пожалуй, самую большую популярность приобрели фильмы Куросава. Имя этого режиссера стало синонимом всего талантливого, что есть в японской кинематографии. Куросава поставил очень много фильмов, среди них «Расёмон», принесший международный триумф Японии, «Великолепное воскресенье», «Записки живого», «Замок интриг» (на сюжет шекспировской «Леди Макбет»), «Жить», «Пьяный ангел».

Каждая из этих картин привлекает не только своей высокой интеллектуальностью, прекрасным мастерством бытописания, но и большой идейностью, которой насыщена, одухотворена работа Куросава.

Япония занимает одно из первых мест в мире по числу выпускаемых фильмов. К сожалению, не только фильмы талантливых мастеров определяют сегодняшний облик японского экрана. Около 400 фильмов — ежегодная продукция национальных киностудий. Приплюсуйте сюда

голливудские фильмы, в огромном количестве идущие в японских кинотеатрах, и вы получите картину бесконечного калейдоскопа, сплошного потока кадров, который ежедневно обрушивается на зрителя. Условия, в которые поставлено искусство в мире капитала, накладывают неумолимый отпечаток на почерк писателя, на творческие поиски режиссера и актера. Немало картин, идущих в Японии, сделано по голливудскому образцу. Когда вечером загораются огни кинотеатров в Асакуса, первое, что сможет различить глаз, не сразу привыкающий к резкому переходу от густых токийских сумерек к яркому освещению улиц, — это направленные на вас буквально отовсюду дула револьверов, руки в черных перчатках, тянущиеся прямо к вашему горлу, искривленные в мучительном крике рты, тела, извивающиеся в последней предсмертной судороге. Не удивляйтесь! Эти жуткие сцены — обычная реклама идущих здесь фильмов.

То, что вы увидите в течение одного сеанса, отобьет у вас охоту смотреть «боевики», по крайней мере в ближайшие дни вы будете подальше обходить заведения с подобными рекламами. Сеанс обычно включает хронику новостей и два фильма, один — американский, а второй — японский, поэтому уже в 8 часов начинается последний сеанс. Просмотреть подряд несколько фильмов — довольно утомительное занятие. Реальный выход, которым обычно пользуются в подобной ситуации, — закрыть глаза на 20—30 минут или просто выйти в фойе. За это время вы не упустите сюжетной линии — как правило, таковой не существует; все действие — непрерывная цепь убийств, причем убийств изощренных, садистских, рассчитанных на медленное, мучительное умирание жертв. Все это подается с невероятным смакованием, с дикими криками, в сопровождении бьющей по нервам музыки. Нередко прекрасное операторское мастерство, которому нельзя не отдать должного, направлено только на то, чтобы путем необычайных ракурсов, незаурядных планов приблизить к зрителю то хрипящую глотку, то вылетающие из орбит глаза, то мучительные конвульсии. Ужасы, убийства попеременно с сексуальными сценами, деньги, деньги и еще раз деньги...

Правда, надо отдать должное «человеколюбию» кинопродюсеров, они честно предупреждают: «Слабонервным и несовершеннолетним смотреть не рекомендуется».

Однажды, наивно полагая, что ни первое, ни второе ко мне не относится, я храбро отправилась в кино и была достойно наказана за свое легкомысленное отношение к японской предупредительности. Четыре часа я смотрела убийства и отравления, вздрагивала от душераздирающих криков, пыталась разобраться в невероятных завихрениях сюжета, хотя и знала, что это бесполезно, зато к концу просмотра мне было ясно, что еще одна-две подобные картины, и я твердо займу место в рядах первой категории, указанной в объявлении.

Исторические фильмы, в которых есть хоть какой-то сюжет, а не только цепь убийств, пользуются бóльшим успехом, чем боевики, и идут подолгу на радость владельцам кинотеатров. На деле это псевдоисторические картины весьма невысокого художественного уровня с обилием действующих лиц и красочных массовых сцен. Больше это относится к американским историческим фильмам, в своем путешествии по миру подолгу останавливающимся на японских экранах.

В одном из центральных кинотеатров шел фильм о Самсоне и Далиле. Прямо на площади перед зданием театра, отступя на несколько шагов от стены, стояли оба героя — фанерные гиганты. Далила в несоответствующих той далекой эпохе нейлоновых одеяниях и Самсон, опутанный цепями и сотрясающий свод из нарисованных кирпичей.

Упрямо заняв треть тротуара, они стояли почти три недели, пропуская непрерывно текущий людской поток. Я проезжала мимо каждый день и удивлялась выносливости этой пары — ни солнце, ни дождь, ни даже тайфун, пронесшийся в те дни над Токио, не смогли сломить их недюжинного упорства. Далила по-прежнему коварно улыбалась, а Самсон, напрягая могучие мускулы, пытался сбросить на головы прохожих обломки свода, не дававшего ему распрямиться.

В японских кинофильмах, как правило, больше вкуса и такта, однако одного вкуса, видимо, мало, чтобы полностью изгнать тенденции Голливуда. Гангстеров и убийц

в них иногда не меньше, чем в наихудших голливудских образцах. В одном из японских фильмов, «Мосура», великолепно снятом, с блестящими натурными и павильонными съемками, показаны массовые убийства, уничтожение целых городов, крушение цивилизации. Мифическое существо Мосура, действующее в фильме, уничтожает все подряд, убивает все, что можно убить, разрушает все, что можно разрушить. Блуждающая камера выхватывает из общего хаоса то рассыпающиеся, как кубики, этажи небоскреба, то искореженные железные скелеты фабрик и заводов. На трехсотметровой высоте начинает дрожать верхняя часть Токио-тауэр, и вслед за этим со страшным скрежетом рушатся ее железные опоры, одна за другой летят вниз окрашенные в красный цвет металлические фермы. Грохот разрушения сменяется тишиной, мертвой тишиной, на смену которой не придет шум созидания и кипение жизни. Над пустынным, мертвым Бродвеем, свисая с полуразрушенного здания, раскачивается и скрипит железная балка...

Фильмов подобного плана немало появляется в последнее время.

Японцы делят свои фильмы на несколько тематических категорий, под рубрику которых можно с известными скидками подвести любой фильм. Правда, под какую рубрику подвести «Мосура», я затрудняюсь сказать. Может, он должен относиться к боевикам со «сверхужасами», а может, к серии «гэндайгэки» — к ней относят все фильмы о современной Японии, о событиях, происходящих в наши дни.

К «гэндайгэки» принадлежит множество фильмов о молодежи. Однако социальных тем, как правило, эти картины не поднимают, тон их слезливо сентиментален. Есть и комедийные фильмы, их даже очень много. Но в большинстве случаев — это пошловатые, бездумные историйки. Очень редко встречаются произведения мастера, для которого смех — острейшее оружие. К таким редким фильмам можно отнести сделанную в 1962 году режиссером Дзэндзо Мацуяма картину «Бесцельная история» с известным комедийным актером Кэйдзи Кобаяси. Фильмы исторические, о которых речь шла выше, называются «дзидайгэки». Поскольку они в лучшем слу-

чае имеют лишь косвенное отношение к истории, в них часто вводятся сцены, характерные для других категорий — «гянгү эйга» и «чамбара» — боевики о самураях и фильмы с фехтовальными сценами. Особенно много подобных фильмов выходит из павильонов фирмы «Тоэй». Почти каждый из них несет весьма ощутимый отпечаток «вестернов». Скачки и любовные приключения перемежаются с бесконечными эффектными сражениями. Молодой самурай в течение всего действия орудует мечом. Недаром слово «гянгү» в названии «гянгү эйга» соответствует фонетической передаче звука ударяющихся клинков, сабель, мечей. Среди исторических фильмов есть и такие, которые, претендуя на документальность, часто с подделкой под хронику, служат разжиганию шовинизма и националистического духа.

Но в основе деления на категории лежат все же чисто внешние признаки. Гораздо важнее то, что картины, подобные «Мосура», указывают на глубинные, подсудные процессы, происходящие в японском кино, процессы, прямо перекликающиеся с тенденциями современного западного искусства.

Гибель целых народов, стран, крушение цивилизации — темы не случайные. Появление их определяется историческими и социальными причинами, особенностями современного капиталистического строя, создающими у людей страх перед будущим, неверие в силы человека и общества, усталость и разочарование.

На кинофестивале в Каннах была присуждена премия японскому фильму «Женщина песков». Фильм претендует на глубокий психологический анализ, но этот анализ часто подменяется натуралистическим изображением взаимоотношений героев. При этом и плавность повествования, и развитие сюжетной линии приносятся в жертву «глубинным» заходам в дебри психоанализа.

Фильм сделан в очень модном на Западе ключе так называемой дедрамматизации, или «потока жизни». «Женщина песков» — не первая картина, снятая в этой манере, сводящей изображение жизни как бы к простой констатации фактов. Лицо художника, его отношение к происходящему, его позиция начисто снимаются, ибо он превращается в простого фиксатора событий. Теория

дедраматизации не так уж безобидна, если учесть, что она весьма воинственно служит защите системы нравственных, идейных и эстетических позиций капиталистического общества. «Женщина песков» весьма характерна и в другом отношении. Если в довоенный период был немыслим на японском экране показ даже поцелуя, то годы, когда японские экраны были забиты «вестернами», а потом целыми сериями подражательных ковбойских фильмов — «сэйбу», постепенно приучали японского зрителя к эротике. Натурализм стал обязательным средством раскрытия образов, развития сюжетной ткани. «Женщина песков» построена именно в таком плане. Любовь героев в этом фильме показана предельно, отталкивающе натуралистично.

Конечно, необходимо отметить, что послевоенная обстановка открыла для японского искусства возможность обратиться к ряду новых тем, поднять которые раньше, в обществе, насквозь пропитанном ханжеской феодальной моралью, не представлялось возможным, — появились фильмы, посвященные любви, семье, взаимоотношениям мужчины и женщины. Но вслед за этими фильмами пришло в кино «солнечное племя»* с его преступлениями, с его отрицанием каких-либо норм морали. Против таких картин выступили демократические организации. Полоса «солнечного племени» прошла, но остались фильмы с сексуальной тематикой, с убийствами и изнасилованиями, с прочно прижившимся термином «глаймэр» («актриса, снимающаяся обнаженной»).

В совершенно иной, строго реалистической манере создаются фильмы демократического «Независимого объединения» киноработников (ряд студий под общим названием «Докурицу пурадоксион»), организованного в 50-х годах такими прогрессивными художниками, как Акира Ивасаки, Имаи Тадаси, Сацуо Ямамото, Такэо Ито, Торидзо Мацумото, Синдо Канэто.

---

* Произведение писателя Исихара Синтаро «Солнечный сезон», которое легло в основу киносценария, положило начало созданию так называемых фильмов обнаженного тела, изобилующих эротикой, убийствами и другими преступлениями. Герои этих фильмов и молодежь, подражающая им, получили название «солнечного племени».

Фильмы демократической кинематографии показывают жизнь рабочих, рыбаков, крестьян, интеллигенции, поднимают серьезные социальные проблемы, не уходят от сложных вопросов современности, не пытаются сделать кино развлекательным. Создателям этих фильмов приходится бороться с коммерческой кинематографией, воспитывающей у зрителя низкопробный, нетребовательный вкус. Не случайно, что такой фильм, как «Голый остров» (режиссер Синдо Канэто), стал известен в Японии после его триумфа за границей. И дело здесь не только в саботаже кинотеатров, бойкотирующих фильм, но в известной мере и во вкусе зрителя. Конечно, не все фильмы «Независимого объединения» сделаны так, как «Голый остров», «Улица без солнца» режиссера Ямамото, «Мутный поток» режиссера Тадаси Имаи и его же фильм, кстати, первый фильм «Независимого объединения» — «А все-таки мы живем!».

Видный французский критик Жорж Садуль как-то назвал этот фильм «японским вариантом „Похитителей велосипедов“», считая, что он поставлен под впечатлением шедевра Де Сика. Однако впоследствии он был вынужден признать, что Имаи Тадаси создал глубоко самобытный фильм, великолепно передающий атмосферу разрушенной войной Японии и тяжелое положение миллионов рабочих семей.

Для постановки важных проблем современной жизни демократически настроенные художники используют и комедийный жанр. Например, комедия «Голубая цепь гор», созданная Имаи Тадаси в кинокомпании «Тохо», посвящена положению женщины в послевоенной Японии и новой морали. Конечно, с нашей точки зрения эти вопросы поданы слишком робко, можно сказать контурно с известной данью развлекательности. Но если учесть обстановку, в которой формируется и развивается вкус японского зрителя, можно понять секрет огромного успеха этой картины в Японии. Художники «Независимого объединения» с успехом занимаются и экранизацией произведений иностранных писателей. Недавно на японские экраны вышел фильм Куросава Акира «Идиот» по роману Достоевского. По свидетельству японских газет, фильм с интересом встречен зрителем.

Независимый кинематограф прославил себя многими фильмами. Такие картины, как «Дети Хиросимы» Синдо Канэто, «Адские корабли» Ямамура, «Она шагла одна по земле» Фумио Камэй, «Улица без солнца» Ямамото, и многие другие завоевали заслуженный успех на мировом экране. Однако успехи фильмов «Независимого объединения» достигались нелегкой ценой — честному художнику, стремящемуся к большой творческой работе в современной Японии, приходится идти тернистым путем. В этом смысле характерна история одной из самых талантливых актрис Японии — Фудзико Ямамото. Это актриса большой творческой индивидуальности, мастер тончайшего психологического рисунка.

Ямамото снималась во множестве фильмов. С нашей точки зрения, такая крупная актриса должна была иметь возможность открыто выражать свою позицию в искусстве. Но в капиталистической стране актер полностью зависит от произвола всемогущих кинокомпаний, пусть даже он обладает самой большой популярностью. Ямамото хотела рассказывать о жизни простой японки с ее чистой любовью, с большим духовным миром, говорить о серьезном, а ее заставляли играть истеричных издерганных особ в фильмах, изрядно снабженных различными вариантами «секса». К тому же съемки фильмов, телевизионные программы, выступления шли одно за другим. Выпуск 400 картин в год в стране означает страшную гонку на студиях, невероятное нервное и физическое напряжение, которым расплачивается актер за прибыли компании.

И Ямамото решила бороться. Она заявила, что отказывается играть в фильмах-кошмарах, фильмах с убийствами и эротикой.

На следующий день все до одной кино- и телевизионные компании разорвали свои контракты с Ямамото. Актриса осталась без работы. Фирмы, наступая, все сужали круг, организовав вокруг ее имени заговор молчания, забрасывая ее извещениями о выплате неустоек, все туже захлестывая финансовую петлю.

И настал день, когда эта хрупкая женщина, проявившая недюжинное мужество, поняла, что она не может больше вести неравную борьбу, борьбу одного честного

человека против объединения спрутов — гигантов мира кино, действующих по законам капитализма.

Война в одиночку привела к поражению.

— Я больше не могу, — сказала Ямамото. — Я только слабая женщина. Я сдаюсь!

Очень бы хотелось, чтобы подобного не произошло, никогда не случилось со всей прогрессивной японской кинематографией, ведущей столь же трудную борьбу с коммерческим, доходным, опекаемым американцами кинопроизводством.

Вести, приходящие из Японии, говорят о том, что эта борьба в разгаре. Тенденции «независимых» продолжает «новая волна» современного японского кинематографа.

Это режиссеры, которым приходится ставить свои фильмы с финансовой помощью крупных фирм. Конечно, они должны считаться с требованиями кинокомпаний, но иногда им все же удается создать хорошие фильмы. Это самые молодые представители японского поколения кинематографистов — Хироси Тэсигахара, Нагису Осима, Кирио Урояма, Соэй Ямамура.

Самое важное для молодых кинематографистов «новой волны» — вопросы современности. По словам Жоржа Садуля, они гораздо ближе к современному дню, чем их французские собратья по творчеству.

На наших экранах демонстрировался фильм Куросава «Злые остаются живыми». С присущей ему талантливостью Куросава рисует картину современного японского общества, его глубочайших классовых противоречий, дает беспощадную оценку миру наживы, в котором жадные щупальца монополий опутывают человеческую жизнь.

Фильм рассказывает, как представители монополий расправляются с людьми, однажды заколебавшимися и не посмевающимися подняться против их произвола. Сам показ законов этого страшного мира зовет на борьбу с темными силами мира капитала и вместе с тем убеждает, что действия одиночек обречены на поражение.

Кон Итикава, завершив фильм о XVIII Олимпиаде, приступил к съемкам новой картины. Работы этого режиссера всегда отмечены большой оригинальностью, яр-

кои самобытностью, чрезвычайно индивидуальным мастерством.

В Японии с большим нетерпением ожидали выхода на экран фильма об Олимпиаде. И действительно, фильм, сделанный Итикава, — это не просто хроникальный отчет о рекордах и поражениях на спортивной арене. Это глубоко поэтическая повесть о сегодняшнем дне, это философское раздумье над судьбами мира, образное воплощение идеи человеческой солидарности.

Авторы сценария фильма, едва они приступили к работе, получили указание изъять все сцены, имеющие какое-либо отношение к атомному взрыву. Но для Итикава это значило отказаться от его основной идеи — сделать фильм о мечте человека, о его надежде на светлое будущее, в котором никогда не повторится трагедия Хиросимы.

— Я хочу показать, — заявил Итикава, — что все люди равны под солнцем, которое одинаково щедро дарит всем им свой свет и тепло. Тема фильма — общность людей, их надежд и помыслов, а тема эта в наше время начинается с Хиросимы.

...Плывет, переходя из рук в руки, олимпийский факел. Его несут в страну Олимпиады — Японию. Бежит с олимпийским факелом в руке в потоках солнечного света юноша, родившийся в день атомного взрыва...

Эпизод с факелоносцем, несущим Олимпийский огонь через развалины Хиросимы навстречу солнцу, навстречу празднику молодости планеты, поднят режиссером до высокой символики, пронизывающей весь фильм. Вместе с тем оценка, которую дали фильму официальные круги, более чем холодна. В последнее время даже заговорили о том, что нужно снять новый фильм об Олимпиаде — более документальный, без «всяких художеств слишком прогрессивного режиссера». Однако у массового японского зрителя другое мнение — на экраны вышло высокогуманистическое произведение, пронизанное подлинным патриотизмом и интернационализмом.

Наряду с Кон Итикава продолжают снимать новые фильмы Кабаяскэ, талантливый Тэсигахара.

Приходите в «Томосиби»

Судьбы молодежи — это судьба страны.

Судьбами своего молодого поколения сейчас обеспокоена вся Япония. Но разные люди по-разному относятся к этому вопросу. Прогрессивные слои возлагают большие надежды на активные силы демократической молодежи, ибо от ее мужества, энергии и стойкости зависят дальнейшие пути Японии.

В планах японской реакции и американского империализма молодежи отведено вполне определенное место в соответствии с духом ремилитаризации страны. Но для того чтобы повести за собой молодежь, завоевать миллионы молодых сердец, нужно идейное знамя.

В первые годы после капитуляции образовался «духовный вакуум» в сознании молодых японцев. Вместе с ниспровержением теории о божественности императора рухнули десятки идей, питавших шовинизм, который прививали японцу с детских лет. Были разбиты идолы, которым молились поколения, и на развалинах прошлого стал подниматься новый идол — «американский образ жизни». Впрочем, этот новый идол, знаменем которого был антикоммунизм, не проявил особой непримиримости к идеям милитаризма, к остаткам сброшенного было шовинизма и национализма.

Идеологический фронт стал настоящим полем битвы — с кровопролитными боями, наступлениями и отступлениями. Особое место уделяется здесь обработке молодежи, то открытой и грубой, то неприметной и тонкой. За души молодых японцев ведется жестокая борьба. На эту борьбу брошена многомиллионная армия работников печати, радио, телевидения, кино. «Американский стиль», «американский дух» с его всемогущим «бизнесом», прославление одинокой сильной личности, идеи прагматизма и космополитизма мутной волной захлестывают Японию наших дней. На многих токийских книжных прилавках, на Гиндзе и в районе Канда вы найдете эту путаную философскую продукцию с изложением импортированных идей. Но реклама новейших философских систем идет здесь параллельно с широкой проповедью «морали современного человека», под которой подразуме-

вается отсутствие моральных норм. Настоящий разлив порнографической и полупорнографической литературы затопил книжный рынок.

Роскошная бумага, прекрасная печать. Кричащие обложки с обнаженными красотками смотрят на вас со стендов и витрин магазинов, с открытых прилавков у выхода из метро. «Покупайте, смотрите! Вот серия диапозитивов и лент „Японская женщина“» — эта продукция, видимо, рассчитана на иностранцев. А вот для японцев — «Женщина Запада» — голливудские звезды, многочисленные фотоальбомы из жизни американских нудистов: обнаженные девицы и мужчины (этакий весьма неновый протест против цивилизации и условностей современного общества) засняты на лоне природы.

И юнец, едва вышедший из школьного возраста, листает всю эту порнографию без тени смущения! А чего, собственно, смущаться, если это стало нормой жизни? Если не только в книжных магазинах, но на каждом шагу глядят на вас с рекламных щитов полуобнаженные «звезды», а ближе к окраинам, в Асакуса, открыто процветает стриптиз и всевозможные «шоу» — вместилище сплошных непристойностей.

Все это дает печальные результаты. Согласно данным японской статистики, среди молодежи катастрофически растет преступность. Попробуйте совершить прогулку по вечернему городу, будь то столица или любой другой город, и вы увидите немало странных сцен.

В узенькой улице, освещенной лишь светом из открытых лавочек, как хозяева, загородив проход, стоят два рослых молодых человека. Черные рубашки, узкие брюки с кожаными шнурками на щиколотках, жевательная резинка под двигающимися скулами. Кто они? Эти молодчики имеют своеобразный источник дохода — страх. Запуганные грабежами, убийствами и всевозможными бесчинствами, владельцы маленьких лавчонок платят им постоянную ренту, за которую «рыцари темноты» милостиво охраняют их от нашествия «чужих» бандитов. Эти же подонки наряду с гангстерскими шайками, с ультраправыми фашиствующими элементами поставляют кадры для разгона рабочих демонстраций и срыва забастовок.

Миновав еще одну пару подобных «патрулей», я иду дальше. Улочка круто сбегает куда-то в темноту, поворачивает направо и с разбегу выплескивается в освещенное пространство. Прямо напротив на двухэтажном доме огромные буквы — «Пачинко». Буквы то загораются ослепительным светом, то еле тлеют, потом исчезают совсем, и оттого, что гаснут они не одновременно, а через какой-то трудноуловимый интервал, кажется, что они живые, что они топчутся на месте и как-то лихо и хитро вам подмигивают. Это игорный дом. Множество людей испытывают здесь судьбу, вручая изрядную часть своего невысокого заработка прихоти капризного крутящегося шарика. Вряд ли здесь вы встретите богачей — у них есть другие места развлечений.

В зале, как солдаты на плацу, плотными рядами стоят автоматические колонки. За 100 иен вам вручат десяток шариков. Нажимая ручку автомата, игроки пытаются загнать их в соответствующие лунки. Тот, кто сумеет этого добиться, получает выигрыш — плитку шоколада, банку консервированных фруктов, флакончик духов. Игра засасывает, а выигрыш, словно жар-птица, вот-вот схватишь за хвост. Схватил! Увы — одно перо, и жди, когда удастся отщипнуть другое, — за это время сколько трудовых иен осядет в металлическом желудке автомата.

В Токио масса «Пачинко». Залы их всегда — и днем, и вечером, особенно, конечно, вечером — полны посетителей. Видимо, владельцам этих предприятий они приносят немалые барыши, если «Пачинко» растут в столице, как грибы. В залах «Пачинко» вы всегда встретите много молодежи. Да и куда пойти молодому рабочему вечером отдохнуть и развлечься? Для него остается «Пачинко» или же крошечные харчевни и ресторанчики, едва отделенные от душной улицы завесой из нитей с трубками бамбука, дешевые танцевальные клубы, кино и телевизор. Ужасы и убийства, отчаянная капиталистическая погоня за барышом, бандиты, свободно разгуливающие по всем 13 каналам японского телевидения, — все это не может проходить бесследно, не может не оказывать влияния на молодежь. Идеологическая обработка, использующая все возможности, как уже было сказано

ранее, имеет свои реальные результаты — часть японской молодежи поддалась разлагающему действию идей, назсаждаемых силами реакции. утратила свою решимость и волю к борьбе.

Однако вопреки расчетам реакции в стране с каждым днем растет влияние подлинно демократических идей и как прямое следствие этого крепнет идейное единство японской молодежи, чью твердость, активность и силу духа высоко ценит народ.

Я встречалась со многими представителями молодого поколения Японии — рабочими тяжелой промышленности, шахтерами, рыбаками, работницами текстильных предприятий и точного машиностроения, студентами, поэтами и художниками. Все это были очень разные люди, но их объединяло одно — страстная любовь к родине и твердая вера в ее светлое завтра. Эти молодые люди — не пустые мечтатели и прожектеры, ждущие, что кто-то сделает за них все самое трудное, это активные борцы за мир, за новую, прекрасную Японию. Именно они, рабочие и студенты, учителя и шахтеры, литейщики и судостроители, борются против японо-американского «договора безопасности», это они борются против законопроекта о предотвращении политических насилий, против создания военных баз и ракетных полигонов на японской земле, они организуют забастовки и традиционные весенние и осенние наступления. Это та молодежь, которой «строить и мечь», и она от этого не отказывается.

Мне запомнилась встреча в рабочем клубе с необычным названием «Томосиби» («Огонек»).

«Томосиби» — маленькое отделение организации «Поющие голоса Японии». Здесь поют, все поют. Поют посетителя за легкими пластмассовыми и стеклянными столиками, поет кассирша, в маленькой будочке у входа продающая входные билеты и песенники, поют официантки, разнося недорогие угощения, воду со льдом и холодный апельсиновый сок — «оранж». Маленькие песенники в синих, красных, желтых одежках, на них эмблема «Томосиби» — молодежный хоровод из представителей разных наций и горящая свеча. «Приходите к нам в „Томосиби“, приходите на наш теплый огонек, —

говорится в этих книжках-малышках. — Песня накрепко спаяла наши сердца. Песня стала великой силой в борьбе за мир. Молодежь! Объединяйтесь, защитим мир!»

Темпераментный молодой певец с эстрады в углу зала руководит вечером. На эстраде кроме него несколько музыкантов, которые в перерыве между пением дают сольные музыкальные номера. Певец весь в движении, его энергии, кажется, хватило бы и на большую аудиторию, он шутит, смеется, повторяет со всеми новую мелодию, он и запевала, он и солист. Красивый сильный голос взмывает над хором, легкие, почти невесомые руки то взлетают, то замирают в воздухе, и кажется, что именно они, как птицу, поднимают и подбрасывают вверх песню, и она свободно парит под сводами клуба.

Я оглядываю незаметно зал. Молодые, совсем юные лица, серьезные глаза. Большие трудовые руки лежат на игрушечных столиках, книжки-песенники тонут в грубых рабочих ладонях. О чем поют эти ребята? О многом. О немецких студентах, об итальянских партизанах, о рассвете над корейскими полями, о сосне с длинными иглами, что стоит на берегу Японского моря, о хлопьях снега, летящих в свете фонаря на землю, о мире и свободе, которые нужны каждому, чтобы быть счастливым на нашей древней, прекрасной планете.

Песен много, в каждой книжке-песеннике их около 50 — тут и старинные народные песни разных стран и песни сегодняшнего дня. Немецкие, испанские, итальянские, американские сменяются индонезийскими, корейскими, японскими.

И вдруг... знакомая светлая мелодия поплыла над залом — «Подмосковные вечера». За ней последовали «Россия, родина моя», «Вася-василек», «Одинокая гармонь», «Катюша». И песня «Катюша» и имя «Катюша» широко известны в Японии, есть даже кафе с таким названием.

Русские песни завоевывают все большую популярность. На одном из митингов, где выступали «Поющие голоса», я слышала песню «Летите, голуби, летите!». Вслед за солистами подхватил мелодию хор. Из рук певцов в темное вечернее небо, освещенное прожекторами, взмывали белые голуби...

И сейчас русские песни в маленьком рабочем клубе напомнили мне эту незабываемую картину. Приятна была новая неожиданная встреча с русскими песнями, как будто вдруг в Токио — в сердце Японии — встретила старых добрых друзей.

В «Томосибиде» очень любят «Урожайную» Дунаевского из кинофильма «Кубанские казаки» — она нравится молодежи своим светом, бурным темпераментом и жизнерадостностью.

Было уже поздно. Вечер в клубе еще продолжался, но мне нужно было уходить. Я вышла из «Томосибиде», унося теплое чувство к прекрасной молодежи Японии.

Спустившись по лестнице, постояла несколько секунд, глядя на освещенные окна. Из полуоткрытой двери вырывались сильные молодые голоса. Они смело вливались в жаркую сутолоку токийского вечера, покрывая неумолчный шум столицы. В Токио пели о русских Жигулях...

Привет Аннушке!

Повсюду во всех наших встречах в Японии мы могли убедиться в необыкновенном дружелюбии этого народа. Почти каждый раз, когда выяснялось, что мы из Советского Союза, разговор сразу менял окраску: улыбка — свидетельство дружелюбия и доверия — повсюду встречала нас.

Я не говорю, что так было всегда, — есть в Японии люди, которым ненавистно само название нашей страны, а каждый советский человек расценивается ими как враг номер один.

Но это отдельные случаи, в массе японцы очень тепло и с огромным вниманием относятся ко всему русскому. И тем более обидно, что в общем-то мы еще мало знаем друг о друге и контакты наши во многом еще недостаточны.

Правда, за последнее время отношения все улучшаются. Жизнь сама начинает затягивать полынью, раз-

делившую два народа, — растут экономические связи, с каждым годом увеличивается объем торговли.

Общая сумма нашего товарооборота с Японией за 1964 год превысила 400 миллионов долларов, в ближайшие шесть-семь лет она должна подняться до миллиарда.

Успешно развивается так называемая прибрежная торговля (торгуют японские префектуры, расположенные по побережью Японского моря, и Советский Дальний Восток), к концу 1964 года ее объем приблизился к пяти миллионам долларов.

Крупнейшие японские фирмы выполняют советские заказы. Они поставляют в СССР суда, землечерпалки, сухогрузные теплоходы, продукцию химической и станкостроительной промышленности. Япония вышла на первое место в торговле нашей страны с развитыми капиталистическими странами.

Растут и культурные связи. Япония и Советский Союз обмениваются визитами ученых, парламентариев. «Ураган Микояна» — так называла японская пресса вихрь статей, прокатившихся по ее страницам в период пребывания в Японии советской парламентской делегации во главе с А. И. Микояном, статей, призывающих к укреплению добрососедских отношений, к налаживанию более тесных контактов между двумя странами. И безусловно наступит такой день, когда будет заключен мирный договор, подписано культурное соглашение.

А пока просто поразительно, как уживаются рядом, когда речь идет о России, два слова — «много» и «мало», в чем-то знают о нас много, а в чем-то совсем мало.

В Киото однажды я ехала с шофером, который, узнав, что я из Советского Союза, вдруг заговорил... по-русски. Правда, это был очень ломаный язык с какими-то невообразимыми окончаниями глаголов, но все же понять было можно. Оказывается, он занимается на курсах русского языка. Зачем? Просто так, любит, очень любит русскую музыку, песни. Ни один концерт русских артистов (он перечисляет все гастроли наших хоров, ансамблей, солистов) он не пропустил.

— Я вам спою.

Мы едем по утреннему Киото. Улицы полупустые, кру-

гом на полотнищах и в воздухе парят иероглифы, черные, белые, красные, проплывают утонченно изогнутые крыши храмов. И вот в этой очень японской атмосфере вдруг звучит русская песня «Во поле березонька стояла...»

Слова русские, но странно смягченные. А потом арии. Много, много. «На воздушном океане без руля и без ветрил...» Русская классика. Наверное, ее-то необычайная мелодичность и взволнованность пришлись по душе моему спутнику. Японцы очень музыкальны, а японская музыка, народные песни изумительно напевны.

— Откуда вы все это знаете?

Ответ:

— «Поющие голоса», пластинки, приемник — ловлю Россию.

Мы прощаемся, машина медленно откатывает от бровки, теперь в ней вполголоса слышится традиционная «Катюша».

Бесспорно заслуга в популяризации русских песен принадлежит «Поющим голосам Японии». Огромная организация, которая сделала своим оружием песню, имеет массу филиалов в разных городах, издает газету, печатает песни, слетевшиеся со всего света.

И в то же время на советско-японской выставке в Токио фирма, обслуживающая столовую для работников выставки, желая, видимо, показать свое знание русского характера и вкуса, крутила с неизменной последовательностью три пластинки: «Очи черные». «Ямщик, не гони лошадей» и, вероятно, самую новейшую из арсенала фирмы — «На позиции девушка провожала бойца».

Долгое время культурные связи с японскими островами поллеживались в основном поездками наших актеров. Каждый приезд представителей советского искусства — будь то балет Большого театра, ансамбль Моисеева, Московский симфонический оркестр или прославленный советский цирк — становится настоящим праздником для японского зрителя и обычно выливается в демонстрацию дружеских чувств двух соседних стран. Полосы газет заполняются восторженными отзывами, длинные очереди у театральных касс и аншлаги демонстрируют успех советского искусства в Японии.

Огромным вниманием японского зрителя пользуются театры, ставящие пьесы Чехова, Горького. Масса людей изучают русский язык, интересуются всем русским. Иногда это приобретает своеобразные формы. В Токио, например, есть небольшой ресторанчик «На дне». Вероятно, хозяин хотел донести до японцев атмосферу горьковского «дна». Низкие потолки темного закопченного дерева чуть не касаются головы, стены из таких же закопченных кривых стволов, подслеповатые «русские» оконца, на второй этаж ведет перекошенная, узенькая, как на чердак, лестница, колченогие маленькие столы (как только они не разваливаются!) со скрипучими, грубо сколоченными табуретками, лампы с жестяными подставками. Вам ставят на столики обычный холодный орандж и воду со льдом. Эти подаваемые в любой японской харчевне напитки приносят официанты, одетые под «половых» — в белых рубашках, в сапогах, с нависающими над голенищами цветными шароварами, с полотенцем на руке. По вечерам здесь выступает небольшой хор (красные рубашки с кушаками и балалайки), исполняющий русские народные песни. Конечно, обстановка в этом ресторанчике очень своеобразная. Тем, кто родился и вырос при социализме, все это кажется бутафорией — обстановку «дна» они могли видеть только во МХАТе. Но для приходивших сюда людей ресторанчик «На дне» был чем-то вроде огонька, он притягивал тех, кто интересуется Россией. Здесь не только и не столько слушали старинные русские песни, сколько интересовались современной Россией, жадно ловили новости о ней, слушали вести из космоса, куда шагнула та Россия, которая лишь несколько десятилетий назад имела такое страшное «дно». И мы простили эту вначале странно поразившую нас бутафорию. Видимо, опять здесь проявляется то «много» и «мало», о которых речь шла раньше.

В нескольких спектаклях мы видели поставленные разными балетмейстерами русские танцы. В отдельных случаях музыка и ритм танца были схвачены точно. Но трактовка образа русского парня нас поражала. Это был не моисеевский «рубаха-парень», что называется душа нараспашку, открытый взгляд, светлые кудри, шелковая рубашка на широченных плечах, в чьем танце ритм

музыки и темперамент танцора перехлестываются так, что превращается этот парень в стремительный огненный факел. К такому мы привыкли. Но здесь вместо открытости и ясности — суровые, застывшие лица парней в огромных черных из бараньего меха папах и резкие, жесткие движения. И вся теплота, светлое, безотчетное ухарство, неумная широта души, которая, как птица, рвется в русском танце, — все это исчезло. Что-то дикое, необузданное было в рисунке танца, нахмуренные лбы и над ними, как черные надолбы, огромные мрачные папахи.

Мой сосед на одном из таких концертов сказал:

— Костюмы, наверное, взяли из «Нивы», посмотрели фотографии русских казаков, каких-нибудь казачьих есаулов. А образ? Образ сам получился, вероятно, на основе статей и книг периода русско-японской войны.

Возможно. Какие-то уж очень недружелюбные, чужие были эти «русские парни» на японской сцене.

Но, может быть, и трудно обвинять балетмейстера. Контакты за все эти годы у нас были явно недостаточны. А человеку искусства надо знать свой объект гораздо шире и глубже, чем по журнальным и газетным статьям да редким фильмам. И во многом — вольно или невольно — японцам приходится использовать познания эмигрантов, а это уж самый ненадежный ориентир.

В одном из книжных магазинов я покупала словари, которые, к слову сказать, великолепно издаются в Японии. Тончайшая рисовая бумага, прекрасная полиграфия — все это позволяет выпускать компактную по объему книжечку, насыщенную огромным количеством слов.

Одни из таких словариков был русско-японский на четыре тысячи слов, очень маленький, изящно издавший. Но, боже мой, сколько оказалось там каких-то отживших, давным-давно вышедших из употребления русских слов, совершенно невероятных, никогда не слышанных мной за всю жизнь! Видимо, консультировал издательство, а может, и непосредственно участвовал в издании словаря эмигрант. Предполагалось, конечно, что он должен знать язык лучше, чем любой переводчик-японец. Но его язык был языком той России, которой давно не

существовало. Архаичные формы и обороты отражали старые социальные отношения и не имели ничего общего с современным русским языком.

Та же давно ушедшая старая Россия оживает перед вами в эмигрантских ресторанах «Казак» и «Волга». Купеческая роскошь обитых бархатом стен, на темном фоне которых врезано огромное зеркало в виде сердца. Кусочек старой России, существовавшей задолго до нашего рождения. Русского теперь здесь разве что блины, пирожки или щи — благо это, пожалуй, единственное, что осталось неизменным в России.

Есть в Токио русская эмигрантская колония. Как при всякой эмиграции, наряду с откровенными нашими врагами в Японии оказалось много людей, попавших туда случайно, порой самыми неожиданными путями. За долгие годы все они осели, как-то устроились, приспособились к чужой жизни. Некоторые даже «преуспели» — удалось открыть свое «дело» (маленькую мастерскую по ремонту металлоизделий, бар на два-три столика).

За это время выросло новое поколение, часто от смешанных браков японцев и русских. Дети родились в Японии и никогда не видели родины своих родителей.

Далеко не ново, что встреча с русским, живущим на чужбине, в большинстве случаев оставляет щемящее ощущение в сердце, — не ново, но очень точно.

У меня было несколько знакомых в Токио — совсем молодые девчата и ребята — тоненькие, среднего роста девушки, с неожиданно светлыми русскими глазами на смуглом японском лице и русыми косами, уложенными венком на голове. Очень славные, изящные и отлично владеющие как русским, так и японским языками. Кое-кто из них учился на русском отделении Токийского университета, матери их преподавали русский язык, благо желающих изучать его всегда сколько угодно. Мы обменивались матрешками и «кокэси» и говорили о самых разных вещах.

С одной из девушек мы долгое время работали вместе. Это была веселая, даже чуть легкомысленная на вид девушка. Звали ее диковинным и нежным именем — Арэнесс. Мать ее — татарка из Казани, отец — японец.

— Нравится вам Япония? — как-то спросила я ее.
— Нравится.

Она жила и в Маньчжурии, училась в японской школе, а теперь собиралась поступать в университет Васэда. Что знала она о родине своей матери? Очень мало. Советские фильмы, которые идут здесь, можно пересчитать по пальцам — «Карнавальная ночь», «Баллада о солдате», «Повесть пламенных лет». Песен, правда, она знала много. Арэнесс тщательно записала слова всех песен, которые только я могла припомнить из всех последних фильмов, запоминала стихи, лиризм которых ей был понятен и близок. Но в общем-то она не очень много спрашивала о Советском Союзе. Вопросы она задавала осторожные, скупые, порой совершенно неожиданные. И тогда становилось ясно, что ее занимает одна и та же мысль: а какая она, эта сегодняшняя Россия?

Однажды я сказала, что мне очень нравятся японские куклы, такую выразительность, такой лаконизм и изящество мало где встретишь. И вот Арэнесс как-то раз вручила мне коробку.

— Это вам послала моя мама.

В коробке была кукла-японка в плотно запахнутом шелковом кимоно. По случайному ли совпадению или с умыслом, но у нее были каштановые волосы, прическа, как у Арэнесс, и зеленоватые глаза...

В последний раз мы увиделись с Арэнесс перед самым моим отъездом. Закончила работу советская выставка, где она работала, уехали специалисты и переводчики.

— Все уехали, — сказала она. Голос ее показался мне странно грустным.

И я вспомнила, как однажды она примчалась из магазина с косметическим набором и, захлебываясь от восторга, стала его демонстрировать. Тон ее мало чем отличался от тона инструкции к набору, авторов которой явно не смущало злоупотребление превосходными степенями: «...совершенно необходимое средство... самое наилучшее, наиболее эффективное... сделано из...» и дальше шло едва ли совместимое соединение чуть ли не всех последних новшеств медицины, применяемых в косметике: гормоны и плацента, биовещества, какие-то сложные эксудаты, пчелиное молоко...

— А из птичьего молока у вас нет кремов? — пошутила я.

— О, — тряхнув челкой, запальчиво ответила Арэнесс, — в Японии для женщины есть все, даже птичье молоко!

...И вдруг эта девушка говорит:

— Уедете и вы скоро... Нам с вами было хорошо. А теперь мы останемся одни. (И птичье молоко ни к чему, — сразу вспомнила я). Когда-то еще вы приедете снова... А ведь мы русские...

И такая искренность, такое неподдельное горе было в ее словах, что у меня дрогнуло сердце.

Пойди разберись во всех этих странных, запутанных судьбах!

На той же советской выставке к переводчице, работавшей в отделе оптики, подошли две пожилые женщины в ярких платьях, в светлых соломенных шляпках — посади их на московском бульваре, никто не оглянется. Они смотрели на переводчицу, на ее светлые волосы, пытались в ней отыскать черты своей далекой молодости и далекой России.

Рядом был стенд, демонстрирующий телескоп Пулковской обсерватории. На фотографии большой круглый купол обсерватории виднелся из-за пушистых верхушек берез.

— Пулково, — сказала вдруг одна. — Под Петербургом, помнишь?

— Под Ленинградом, — поправила другая.

Они смотрели неотрывно на эту фотографию, но переводчица понимала, что смотрят они не на купол, прикрывающий сильнейший в Европе телескоп, а на веселые молодые купы деревьев, может, даже слышат, как шумят своими легкими листиками эти беспечные красавицы.

Для русского сердца родная земля — прежде всего в шелесте и шепоте берез.

В Японии тоже есть березы. Мало, но есть. Видела я их в Никко. Но они не те, я даже не узнала их стволы между кленами и криптомериями. Так, видимо, и для этих двух женщин березки — это только те, что шумят в России. Долго они еще ходили между стендами, потом робко попросили:

— Можно нам взять несколько памфлетов? (так японцы называют проспекты с описанием работы приборов).

— Пожалуйста. — Переводчица принесла целую стопку.

Улыбаясь, они брали проспекты. Что они понимали в этих горнорудных микроскопах, калимационных трубах, медицинских приборах? Но, аккуратно свернув, они забрали всю стопку до последней странички.

Вероятно, для них эти замысловатые чертежи, термины и цифры были отголоском далекой родины, которую им, может быть, никогда не суждено увидеть...

Мы уезжали домой. Мы увозили с собой приятный груз многочисленных встреч — добрые впечатления и улыбки.

На набережной, где стоял наш корабль, привязанный тысячами нитей цветного серпантина к рукам друзей, пришедших нас проводить, ко мне подошел энергичный, крепкий японец с удивительно бодрой, белозубой улыбкой.

— Вы не из Хабаровска?

— К сожалению, нет. Из Москвы.

— Все равно, в Хабаровске будете, да?

— Конечно, проездом.

Он заулыбался.

— Я там был, в плену, — и гордо ткнул себя в грудь. — Работал хорошо. Давай-давай! В Хабаровске есть Аннушка. Она работала в столовой. У нее золотые волосы. Совсем золото. Передайте ей привет! Пожалуйста, передайте!

— Хорошо, — говорю я, — передам.

И он и я, оба мы понимаем, что не будет у меня времени искать, да и нелегко найти в Хабаровске ту самую Аннушку, что работала в столовой, ту, у которой золотые волосы. Но и он и я, оба мы понимаем, что это больше, чем привет какой-то одной, определенной Аннушке.

— Хорошо, — говорю я, — обязательно передам. Передам привет дружбы всем Аннушкам, всей красивой моей, золотоволосой России, большой привет от хорошего, доброго соседа.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Лица Токио	6
Самый большой в мире	21
Родэн в Уэно	45
Дожди, землетрясения и тайфуны	52
Не вбить колья в наши сердца!	66
«Бульжник — оружие пролетариата»	84
Шел по улице мальчишка	92
Амулеты с неба	105
Гейша XX века	124
Дары Нептуна	131
Никко минакэрэба	138
Хотите прожить жизнь спокойно?	148
Не верьте путеводителям по Никко!	150
Представительница богини Аматэрасу	153
Ироха — символ века	162
Фонтаны и песчинка	165
«Я сдаюсь!»	176
Приходите в «Томосибн»	186
Привет Аннушке!	191

Цена 60 коп.